

ВѢРА и РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1897.

№ 24.

ДЕКАБРЬ.—КНИЖКА ВТОРАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:

Стр.

Ученіе о богодухновенности св. Писанія въ средніе вѣка (окончаніе). <i>Д. Леонардова</i>	675—692
Очерки по исторіи древне-русской письменности (окончаніе). <i>И. Протопопова</i>	693—718
Англійская религіозная литература въ 1896 году. <i>К. И—на</i>	719—744

II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ:

О православіи, какъ истинно-христіанской вѣрѣ. Вѣра безъ дѣлъ мертва. Профессора Кіевской Духовной Академіи <i>И. Диницаго</i>	503—525
Цѣнность жизни (окончаніе). Олэ-Ллрюна, профессора Высшей Нормальной Школы въ Парижѣ. Переводъ съ французскаго. * * *	526—552

III. ЛИСТОКЪ для ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:

Содержаніе. Высочайшія награды.—Отъ Харьковскаго Епархіальнаго Училищнаго Сѣта.—Отчетъ о лѣтнихъ педагогическихъ курсахъ для учителей второклассныхъ церковно-приходскихъ школъ, учрежденныхъ въ г. Харьковѣ въ 1897 г. (окончаніе).—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Отъ редакціи „Листка для Харьковской Епархіи.—Объявленія.

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія, Петровскій пер., д. № 17.

1897.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный. Въ который входитъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обзоръ замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни,—однимъ словомъ все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входитъ изслѣдованія пзъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе и менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ человѣка и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ „Вѣра и Разумъ“, издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнить для Харьковскаго духовенства „Епархіальныя Вѣдомости“, то въ немъ, въ видѣ особаго приложенія, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ „Листокъ для Харьковской епархіи“, въ которомъ печаются постановленія и распоряженія правительственной власти церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по девяти и болѣе листовъ въ каждомъ №. Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 рублей, а за границу 12 руб. съ пересылкою.

РАЗСРОЧКА ВЪ УПЛАТѢ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» при Харьковской духовной Семинаріи, при свѣчной лавкѣ Харьковскаго Покровскаго монастыря, въ Харьковской конторѣ «Новаго Времени», во всѣхъ остальныхъ книжныхъ магазинахъ г. Харькова и въ конторѣ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей»; въ Москвѣ: въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи, контора В. Гиларовскаго, Столѣшниковъ переулокъ, д. Корзинкина; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Садовая, домъ № 16. Въ остальныхъ городахъ Имперіи подписка на журналъ принимается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ конторахъ «Новаго Времени».

Въ редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» можно получать полныя экземпляры ея изданія за прошлые 1884—1889 годы включительно по уменьшенной цѣнѣ, именно по 7 р. за каждый годъ; по 8 р. за 1890 годъ, по 9 р. за 1891 г. и по 10 р. за 1892 годъ.

Лицамъ же, выписывающимъ журналъ за всѣ означенные годы, журналъ можетъ быть уступленъ за 60 р. съ пересылкою.

Кромѣ того въ Редакціи продаются слѣдующія книги:

1. „Живое Слово“. Сочиненіе преосвященнаго Амвросія. Цѣна 50 к. съ перес.
2. „Древніе и современные софисты“. Сочиненіе Т. Ф. Brentano. Съ французскаго перевелъ Яковъ Новицкій. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкою.
3. Справедливы ли обвиненія, взводимыя графомъ Львомъ Толстымъ на православную Церковь въ его сочиненіи „Церковь и государство?“ Сочиненіе А. Рождественна. Цѣна 60 к. съ пересылкою.
4. «Харьковскія Епархіальныя Вѣдомости» за 1883 г. Цѣна за экземпляръ съ пересылкою 3 р.

ОГЛАВЛЕНІЕ

СТАТЕЙ

БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКОГО ЖУРНАЛА

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

— ❁ Т. II. Ч. I. ❁ —

ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ.

О необходимости метафизики.—Профессора Кіевской Духов-
ной Академіи *П. Линицкаго* (стр. 1—24, 49—76, 183—200,
231—244).

Идея Бога и безсмертіе души предъ судомъ новѣйшихъ
критиковъ. Каро, члена Парижской Академіи наукъ (продол-
женіе).—* * * (стр. 25—48, 77—96, 337—352, 373—388,
419—440, 458—476) ¹⁾.

Разборъ философскихъ ученій о чувствѣ, какъ основѣ нрав-
ственности (продолженіе).—*И. Попова* (стр. 97—116, 139—163).

Цѣнность жизни (продолженіе). Олэ-Ляпрюна, профессора
Высшей Нормальной Школы въ Парижѣ. Переводъ съ фран-
цузскаго.—* * * (стр. 117—138, 164—182, 389—398, 490—
510) ²⁾.

„Новый опытъ о человѣческомъ разумѣ“ Лейбница (продол-
женіе).—*К. И—на* (стр. 201—230) ³⁾.

Библейское ученіе о твореніи міра и естественно-научная
теорія міровой эволюціи. (По Дютоа-Галлеру).—*К. И—на*
(стр. 245—264, 292—316).

О благодѣяніяхъ („De Beneficiis“). Л. Аннея Сенеки къ Эбуцію
Либералію (продолженіе).—* * * (стр. 265—266). ⁴⁾.

¹⁾ Продолженіе—я во 2-й части; см. оглавленіе.

²⁾ Тоже.

³⁾ Тоже.

⁴⁾ Тоже.

Удовлетворительно ли объясняется фактъ одобренія и мученія совѣсти у детерминистовъ.—*А. П.* (стр. 267—291, 317—336).

Декартовы доказательства бытія Божія.—*В. Логинова* (стр. 353—372).

Огюсть Контъ, какъ человѣкъ и моралистъ.—*Н. Василькова* (стр. 399—418, 441—457, 477—489).

ОГЛАВЛЕНІЕ

СТАТЕЙ

БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКОГО ЖУРНАЛА

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

❁ Т. I. Ч. I. ❁

ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ.

Слово, произнесенное на новый годъ. О двоедушїи въ дѣлѣ вѣры.—*Преосвященнаго Амвросія* (стр. 1—10).

Современный нравственно-религіозный кризисъ на Западѣ.—*И. Соколова* (стр. 11—36, 70—89, 125—141, 185—204).

Зло, его сущность и происхожденіе (продолженіе).—Профессора богословія, *Прот. Т. Буткевича* (стр. 37—62, 90—106, 255—291, 377—402, 433—464, 525—546, 578—595, 640—672, 701—725) ¹⁾.

Слово на новый годъ.—*Свящ. Алексѣя Юшкова* (стр. 63—69).

Изъ Церковной жизни современной Румыніи.—*К. Истомина* (стр. 107—124, 157—184, 221—248).

Западная средневѣковая мистика и отношеніе ея къ католицизму (продолженіе).—*А. Вертеловскаго* (стр. 142—156, 321—351, 596—632, 673—700) ²⁾.

Очерки по исторїи древне-русской письменности (продолженіе).—*Н. Протопопова* (стр. 205—220, 493—506) ³⁾.

Слово въ недѣлю Православїя 2-го марта 1897 г.—Ректора Семинаріи *Протоіерея Иоанна Знаменскаго* (стр. 249—254).

Воспоминанїя о приснопамятномъ святителѣ Филаретѣ, Митрополитѣ Московскомъ, Преосвященнаго Амвросія Архіепископа Харьковскаго (стр. 292—306).

¹⁾ Продолженіе—и во 2-й части: см. оглавленіе.

²⁾ Тоже.

³⁾ Тоже.

Слово, произнесенное въ недѣлю Крестопоклонную. О долго-терпѣнїи Божіемъ.—*Преосвященнаго Амвросія* (стр. 307—320).

Положеніе католической церкви въ Россіи въ царствованіе императора Александра I-го.—*К. Богословскаго* (стр. 352—376, 403—426).

О спеціализаціи духовныхъ академій.—*Старобѣльскаго* (стр. 427—432).

Св. священномученикъ и всея Россіи чудотворецъ Макарій I-й, митрополитъ Кіевскій и Галицкій и его время. По поводу 400-лѣтія со дня мученической кончины (1497—1897).—*Свящ. Н. Стеллецкаго* (стр. 465—492).

Слово, произнесенное въ день Святителя и Чудотворца Николая. О неприкосновенности священныхъ догматовъ православной вѣры.—*Преосвященнаго Амвросія* (стр. 507—524).

Св. Левъ великій, его жизнь и творенія.—*И. Дроздова* (стр. 547—570, 743—760) ¹⁾.

Слово на день рожденія Благочестивѣйшаго Государя Императора Николая Александровича, 6-го Мая.—*Прот. Никандра Онিকেвича* (стр. 571—577).

Слово въ день торжественнаго Вѣнчанія и священнаго миропомазанія Благочестивѣйшаго Государя Императора Николая II Александровича—14 Мая 1897 года.—Ректора Семинаріи *Прот. Иоанна Знаменскаго* (стр. 633—639).

Ложные Пророки въ Ветхомъ Завѣтѣ.—*Свящ. В. Шингарева* (стр. 726—742) ²⁾.

---

¹⁾ Продолженіе—я во 2-й части: см. оглавленіе.

²⁾ Тоже.

Πίστει νοοῦμεν.
Вѣрою разумѣваемъ.

Евр. XI. 3.

Дозволено цензурою. Харьковъ, 31 Декабря 1897 года.

Цензоръ Протоіерей *Павелъ Солнцевъ.*

УКАЗАТЕЛЬ

статей, содержащихся въ „Листкѣ для Харьковской епархіи“ при богословско-философскомъ журналѣ „Вѣра и Разумъ“ за 1897 годъ.

А. Высочайшій манифестъ.

О благополучномъ рожденіи 29 мая н. г. ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА ВЕЛИКОЙ КНЯЖНЫ ТАТЬЯНЫ НИКОЛАЕВНЫ (стр. 265).

Б. Высочайшее повелѣніе.

Объ увеличеніи съ 1897 г. кредита на содержаніе городского и сельскаго духовенства (стр. 29).

В. Определенія Святѣйшаго Синода.

О награжденіи лицъ духовнаго и свѣтскаго званія отъ 11—20 іюня 1897 г. за № 1954 (стр. 582).

Г. Епархіальные извѣстія.

О назначеніяхъ, опредѣленіяхъ на должности, увольненіяхъ отъ должности, награжденіяхъ, о вакантныхъ мѣстахъ и пр. (стр. 8, 45, 73, 101, 135, 160, 182, 217, 238, 287, 306, 344, 355, 382, 425, 446, 470, 497, 517, 548, 569, 589, 608, 710).

Д. Смѣсь.

— Указъ Преосвященному Амвросію Архіепископу Харьковскому и Ахтырскому (стр. 1—3).

— Высочайшія награды (стр. 148, 175, 198, 237, 266, 295, 492, 581, 603).

— Высочайшая отмѣтка (стр. 59, 87, 120, 147, 295, 469, 511, 531, 561, 581).

— Премія Августѣйшаго Имени Ея Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны (стр. 1—8).

— Отчетъ о состояніи церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты Харьковской епархіи за 18^{95/96} учебный годъ (стр. 1—8, 29—40, 59—69, 88—95, 121—129).

— Отчетъ о состояніи Харьковскаго Епархіальнаго женскаго училища по учебной и нравственно-воспитательной частямъ за 18^{95/96} учебный годъ (стр. 40—45, 69—73, 95—101, 130—134, 148—160).

— Отъ Епархіальнаго Совѣта по миссіонерскимъ дѣламъ (стр. 57—58, 297).

— Отъ Харьковскаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта (стр. 58, 119—120, 145—146, 604).

— Высочайше утвержденный Уставъ Общества возстановленія православнаго христіанства на Кавказѣ (стр. 1—6).

— Увѣщаніе приходскаго священника прихожанамъ относительно незаконнаго употребленія ими въ церквахъ и домахъ недоброкачественныхъ церковныхъ свѣчъ, покупаемыхъ у частныхъ торговцевъ Свящ. Данила Попова (стр. 1—6).

— Отъ Высочайше утвержденного Комитета по постройкѣ соборнаго храма въ Варшавѣ (стр. 134—135).

— Вѣдомость № 4-й о церковно-приходскихъ школахъ Харьковской епархіи за 18^{95/96} учебный годъ (въ особомъ приложеніи) (стр. 1—8, 9—16, 17—24, 25—32, 33—40, 41—48, 49—56, 57—64, 65—72, 73—80, 81—88, 89—96, 97—104, 105—112).

— Списокъ книгъ для церковныхъ библіотекъ Харьковской епархіи (стр. 173).

— Отъ Правленія Харьковской Духовной Семинаріи (стр. 175, 298, 329, 381, 512).

— Отчетъ о состоящей при Харьковскомъ Епархіальномъ женскомъ училищѣ однокласной образцовой церковно-приходской школѣ за 18^{95/96} учебный годъ (стр. 176—182).

— Отъ Училищнаго Совѣта при Святѣйшемъ Синодѣ (стр. 197).

— Отъ Игуменія Хорошевскаго Женскаго Монастыря (стр. 238).

- Отчетъ эмеритальной кассы духовенства Харьковской епархіи за 1896 годъ (стр. 267—273).
- Списокъ воспитанницъ Харьковскаго Епархіального женскаго училища за 18⁹⁶/₉₇ годъ (стр. 273—280).
- Краткій отчетъ о состояніи Харьковскаго Епархіального женскаго училища за 18⁹⁶/₉₇ учебный годъ (стр. 281—285).
- Отъ Совѣта Харьковскаго Епархіального женскаго училища (стр. 285).
- Программа преподаванія въ подготовительномъ классѣ Харьковскаго Епархіального Женскаго училища (стр. 285—287).
- Разрядный списокъ Харьковской Духовной Семинаріи, составленный послѣ годичныхъ испытаній за 18⁹⁶/₉₇ учебный годъ (стр. 299—304).
- Отъ „Учено - Литературнаго Общества“ при Императорскомъ Юрьевскомъ Университетѣ (стр. 304—305).
- Вѣдомость церковнаго кружечнаго сбора въ пользу славянъ (стр. 327—328).
- Разрядный списокъ воспитанниковъ Сумскаго Духовнаго училища за 18⁹⁶/₉₇ учебный годъ (стр. 330—333).
- Отъ Правленія Сумскаго Духовнаго училища (стр. 334).
- Разрядный списокъ воспитанниковъ Купянскаго Духовнаго училища за 18⁹⁶/₉₇ учебный годъ (стр. 335—338).
- Отъ Правленія Купянскаго Духовнаго училища (стр. 337—338).
- Разрядный списокъ учениковъ Харьковскаго Духовнаго училища за 18⁹⁶/₉₇ учебный годъ (стр. 339—343).
- Отъ Правленія Харьковскаго Духовнаго училища (стр. 343—344, 382).
- Отъ Харьковской Духовной Консисторіи (стр. 353—355).
- Письма Иннокентія Митрополита Московскаго и Коломенскаго. 1828—1855. Объявленіе (стр. 1—2).
- Отчетъ Комитета по сооруженію православнаго храма у подножія Балканъ (стр. 445—446).
- Отношеніе Г. Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода на имя Его Высокопреосвященства (стр. 492—493).
- Журналы Съѣзда духовенства Сумскаго училищнаго округа (стр. 493—496).
- Журналы Съѣзда духовенства Купянскаго училищнаго округа (стр. 512—517).

ламъ.—Признательность пасомыхъ свосму пастырю.—Благотворная дѣятельность сельскаго пастыря.—Нужда въ Сибири въ кандидатахъ священства.—Вождь раскола.—Епархіальные проновѣдническіе комитеты.—Московское училище церковнаго пѣнія.—О времени причащенія младенцевъ.—О прислуживанія дѣтей въ алтарѣ.—Благоустройство имущественныхъ дѣлъ церквей и мѣры къ улучшенію положенія духовенства.—Касса единовременныхъ пособій осиротѣвшимъ семьямъ священно-церковно-служителей.—Средства противъ чумы.—Лѣченіе проказы (стр. 101—117). Вліяніе православной русской церкви на жизнь народа.—Миссіонерская дѣятельность духовенства.—Вліяніе на инородцевъ миссіонерскихъ школъ.—Церковное и школьное строительство въ районѣ Сибирской желѣзной дороги.—Некрологъ (стр. 136—146). Великій постъ на Западѣ.—Открытіе новыхъ отдѣловъ православнаго Палестинскаго общества.—Годичное собраніе Харьковскаго отдѣленія православнаго миссіонерскаго общества.—Кіевское общество религіознаго просвѣщенія.—Дѣятельность православныхъ братствъ.—Доброе слово о духовенствѣ.—Выставка изображеній Богоматери.—Попечительство о домахъ трудолюбія (стр. 161—172). Вселенскій патріархъ Константинъ III.—Дѣятельность церковныхъ братствъ.—Мѣры противодѣйствія сектантской пропаганды.—Участіе наблюдателей церковно-приходскихъ школъ въ противосектантской миссіи.—Новая секта.—Архипастырское распоряженіе относительно брачныхъ торжествъ.—Къ вопросу объ улучшеніи матеріальнаго положенія духовенства.—Одно изъ средствъ матеріальнаго обезпеченія церковно-приходскихъ школъ.—Законодательное распоряженіе относительно попечительствъ о народной трезвости.—Новый порядокъ испытанія для лицъ домашняго образованія (стр. 184—195). Пребываніе Австрійскаго Императора въ С.-Петербурѣ.—Празднованіе Пасхи на Западѣ.—Архипастырскія распоряженія.—Желательныя условія миссіонерской дѣятельности.—Ослабленіе религіозной нетерпимости раскольниковъ.—Способы распространенія въ народѣ религіозно-нравственныхъ представленій и понятій.—Вліяніе на нравственную жизнь народа винной монополіи.—Царственныя заботы о бѣдныхъ.—Общество борьбы съ заразными болѣзнями.—Столѣтіе Управленія удѣловъ и Капитула орденовъ.—Къ вопросу о реформѣ календаря.—Итоги переписи.—Скандинаво-русская выставка въ Стокгольмѣ.—Рѣдкости Синайскаго монастыря.—Греко-турецкая война (стр. 199—215). Положеніе духовенства въ Гре-

цій.—Сочувственне отношеніе инославныхъ христіанъ къ православію.—Мѣры для борьбы съ сектантствомъ.—Вѣбогослужебныя собесѣдованія.—Занятія иконописью среди духовенства.—Двадцатипятилѣтніе комиссіи народныхъ чтеній.—Распространеніе въ народѣ полезныхъ знаній.—Сельско-хозяйственная выставка.—Похоронныя кассы.—Похоронные обряды американскихъ племенъ.—Мусульманское паломничество.—Итоги переписи (стр. 218—235). О подвижныхъ бібліотекахъ.—Нововведеніе въ англійскомъ богослуженіи.—Одинъ изъ способовъ борьбы съ иновѣрцами.—Миссіонерскіе съѣзды.—Способы улучшенія быта зачатнаго духовенства.—Общество попеченія о бѣдныхъ и больныхъ дѣтяхъ.—Воспитательное значеніе народнаго образованія.—Церковное празднество въ Кіевѣ.—Плещаница для Кіевскаго собора.—Новое законоположеніе.—Прекращеніе Греко-Турецкой войны.—Новое открытіе въ медицинѣ.—Некрологъ (стр. 239—264). Крещеніе Ея Императорскаго Высочества Великой Княжны Татіаны Николаевны.—Морской соборъ въ Кронштадтѣ.—Сооруженіе храмовъ память столѣтія воссоединенія Подолія.—Дѣятельность приходскихъ братствъ (стр. 288—293). Міровое преобладаніе бѣлой расы.—Пребываніе въ Англійи преосвященнаго Антонія Финляндскаго.—Праздникъ русской колоніи въ Англійи.—Религіозный культъ въ Франціи.—Славянское богослуженіе среди католиковъ.—Пастырское воззваніе преосвященнаго Никандра.—Студенты—миссіонеры на Западѣ.—Религіозная война въ Бразиліи.—Судьба Шлаттера.—Государь Императоръ Высочайше соизволилъ на допущеніе воспитанниковъ семинарій къ университетскому образованію.—Культурно-миссіонерское значеніе церковно-приходской школы.—Объ открытіи второ-классныхъ школъ при женскихъ монастыряхъ.—Пятисотлѣтніе Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря.—Обученіе инородцевъ государственному языку (стр. 306—325). Педагогическіе курсы для учителей и учительницъ церковно-приходскихъ школъ.—На сколько языковъ переведена Библия.—Путешествія архіепископа Гюркскаго по Россіи.—Религіозно-соціальная агитація въ Бразиліи.—Национальная гордость англичанъ.—Католическое богослуженіе въ Испаніи.—Театральная музыка въ костелахъ.—Старославянская литургія (стр. 345—352). Трудолюбіе и бодрость папы Льва XIII.—Какъ смитрять на папскія усилія западные народы.—Англійскіе проводы архіепископа Антонія.—Англичанинъ о Россіи.—Православныя церковныя общины въ Соединенныхъ Штатахъ.—Церков-

ОГЛАВЛЕНІЕ

СТАТЕЙ

БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКОГО ЖУРНАЛА

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

— ❁ Т. II. Ч. II. ❁ —

ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ.

Какъ Платонъ понималъ свою философію?—*А. Гуляева* (стр. 1—27).

Идея Бога и безсмертіе души предъ судомъ новѣйшихъ критиковъ. Каро, члена Парижской Академіи наукъ (окончаніе).—* * “ (стр. 28—42, 58—84) ¹⁾.

Безусловная истинность и чистота евангельскаго правоученія.—*Свящ. Ст. Остроумова* (стр. 43—57).

Отношеніе религіозныхъ вѣрованій къ наукамъ, по ученію А. Сабатье.—*К. Истомина* (стр. 85—106, 207—228, 391—418).

Православная догматика и религіозно-философское умозрѣніе.—*И. Тихомирова* (стр. 107—129, 159—176).

„Золотые стихи Пифагорейцевъ“ съ комментариемъ Гіерокла философа.—*Проф. Г. В. Малеванскаго* (стр. 130—158, 177—206, 229—254, 335—360, 479—490).

Гаданія ученыхъ о происхожденіи міра.—*С. Глаголева* (стр. 255—276, 459—478).

„Новый опытъ о человѣческомъ разумѣ“ Лейбница (продолженіе).—*К. И—на* стр. 277—316) ²⁾.

Положеніе и нужды нашего духовнаго, преимущественно высшаго, образованія. Профессора Кіевской Духовной Академіи.—*И. Диницкаго* (стр. 317—334, 361—376).

¹⁾ См. въ 1-й части страницы 25—48, 77—96, 337—352, 373—388, 419—440, 458—476.

²⁾ См. въ 1-й части страницы 201—230.

Цѣнность жизни (окончаніе). Олэ-Ляпрюна, профессора Высшей Нормальной Школы въ Парижѣ. Переводъ съ французскаго.—* * * (стр. 377—390, 419—458, 491—502, 526—552) ¹⁾.

О православіи, какъ истинно-христіанской вѣрѣ. Вѣра безъ дѣлъ мертва.—Профессора Кіевской Духовной Академіи *И. Линицкаго* (стр. 503—525).

---

¹⁾ См. въ 1-й частв страницы 117—138, 164—182, 389—398. 490—510.

ОГЛАВЛЕНІЕ

СТАТЕЙ

БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКОГО ЖУРНАЛА

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

— ❧ Т. I. Ч. II. ❧ —

ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ.

Слово, произнесенное въ день явленія иконы Божіей Матери именуемой Казанской, 8-го Іюля. О необходимости для православнаго христіанина участвовать въ церковной жизни, чтобы сохранить въ душѣ своей вѣру.—*Преосвященнаго Амвросія* (стр. 1—12).

Отвѣтъ старокатолическому журналу: Нѣмецкій Меркурій. (Къ вопросу о „Filioque“ и „Пресуществленія“).—*А. Гусева* (стр. 13—46).

Зло его сущность и происхождение (окончаніе).—*Профессора богословія, Прот. Т. Буткевича* (стр. 47—60, 61—82) ¹⁾.

Ложные Пророки въ Ветхомъ Завѣтѣ (окончаніе)—*свящ. В. Шингарева* (стр. 83—101, 121—135, 225—236) ²⁾.

Св. Левъ Великій, его жизнь и творенія (окончаніе)—*И. Дроздова* (стр. 102—120, 136—152, 237—264, 308—324, 431—446, 560—574, 575—594) ³⁾.

Отвѣтъ А. А. Кирѣеву. (По старокатолическому вопросу о „Filioque“ и „Пресуществленіи“).—*Проф. А. Гусева* (стр. 153—204).

Иннокентій, митрополитъ Московскій и Коломенскій.—*Ив. Корсунскаго* (стр. 205—224).

Отвѣтъ Господа нашего Іисуса Христа на вопросъ фарисеевъ о большей заповѣди въ законѣ и взаимный вопросъ Его

¹⁾ См. въ 1-й части страницы 37—62, 90—106, 255—291, 377—402, 433—464, 525—546, 578—595, 640—672, 701—725.

²⁾ См. въ 1-й части страницы 726—742.

³⁾ См. въ 1-й части страницы 547—570, 743—760.

о достоинствѣ Мессіи (Мѡ. 22, 34—46; Мр. 11, 28—37; Лк. 20, 40—47).—*Ив. Перова* (стр. 265—288).

Западная средневѣковая мистика и отношеніе ея къ католичеству (окончаніе)—*А. Вертеловскаго* (стр. 289—307, 372—386, 595—616) ¹⁾.

Рѣчь Преосвященнаго Амвросія Архіепископа Харьковскаго послѣ освященія повосооруженнаго храма во имя Св. Велико-мученицы Варвары въ Харьковскомъ женскомъ Епархіальномъ училищѣ 21 Сентября (стр. 325—342).

Основное или Апологетическое Богословіе и его задачи.—*Прот. Т. Буткевича* (стр. 343—371, 402—430).

Ученіе о богодухновенности св. Писанія въ средніе вѣка.—*Д. Леонардова* (стр. 387—401, 461—487, 623—635, 675—692).

Слово, въ день восшествія на престолъ Государя Императора Николая Александровича. О повиновеніи власти.—*Преосвященнаго Амвросія* (стр. 447—460).

Очерки по исторіи древне-русской письменности (окончаніе).—*Н. Протопопова* (стр. 488—512, 538—559, 636—665, 693—718) ²⁾.

Воззрѣнія митрополита Филарета на церковный судъ и церковныя наказанія.—*Свящ. П. Грома* (стр. 513—537).

О спеціализаціи Духовныхъ Академій.—*Старобѣльскаго* (стр. 617—622).

Отношенія христіанина къ неразумной природѣ.—*Прот. Ст. Остроумова* (стр. 666—674).

Англійская религіозная литература въ 1896 году.—*К. И—на* (стр. 719—744).

¹⁾ См. въ 1-й части страницы 142—156, 321—351, 596—632, 673—700.

²⁾ См. въ 1-й части страницы 205—220, 493—506.

но-православный конгрессъ венгерскихъ сербовъ.—Рѣчь варшавскаго священника князю Имеретинскому.—Единеніе и взаимность православно-славянскихъ народовъ Балканскаго полуострова.—Гробъ Господень въ Іерусалимѣ.—Православіе въ Эстляндіи.—Знаніе и просвѣщеніе.—Знаменитый англійскій физикъ Круксъ о естествознаніи.—Древніе рукописи въ Египтѣ.—Профес. Ключевскій о расколѣ.—Въ интеллигентомъ скиту.—Общество Братевъ милосердія.—Духоборческа секта.—Полезное напоминаніе.—Некрологи (стр. 356—280). Педагогическіе курсы для учителей второклассныхъ церковно-приходскихъ школъ въ г. Харьковѣ (стр. 383—324). Пребываніе Президента Французской республики въ С.-Петербурѣ.—Франко-русское сближеніе въ религіозномъ отношеніи.—Посѣщеніе Ихъ Императорскими Величествами г. Варшавы.—Миссіонерскій съѣздъ въ Кіевѣ.—Способы улучшенія миссіонерскаго дѣла.—Непріязненныя отношенія китайцевъ къ миссіонерамъ.—Открытіе новыхъ братствъ.—Заботы о религіозно-нравственномъ просвѣщеніи народа.—Къ вопросу объ улучшеніи матеріальнаго быта духовенства.—Новая духовная семинарія (стр. 426—444). Столѣтіе со дня кончины Иннокентія, Митрополита Московскаго.—Чествованіе памяти Митрополита Иннокентія въ Харьковѣ.—Десятилѣтіе образцовой школы при Харьковской духовной семинаріи.—Путешествіе учениковъ Сумской Троицкой церковно-приходской школы въ с. Чернетчину.—Десятилѣтіе Варшавскаго православнаго Свято-Троицкаго братства.—Съѣзды духовенства.—Благочинническія собранія.—Православіе въ Прибалтійскомъ краѣ.—Православные храмы за границей.—Католическій конгрессъ.—Юбилейное торжество (стр. 447—468). Кончина Высокопреосвященнѣйшаго Владиміра, архіепископа казанскаго.—Трехсотлѣтіе Почаевской лавры.—Значеніе Почаевской лавры для православія.—Освященіе церкви при Харьковскомъ женскомъ епархіальномъ училищѣ.—Руководственныя указанія епархіальнаго начальства подвѣдомственному духовенству.—Расширеніе дѣятельности съѣздовъ духовенства.—Библіотеки для духовенства.—Благотворительныя учрежденія для духовенства.—Періодическіе миссіонерскіе съѣзды.—Новое распоряженіе о священникахъ инородцахъ.—Посѣщеніе Государыней Императрицей церковно-приходской школы.—Успѣхи церковно-приходской школы и ея воспитательное значеніе.—Заботы объ улучшеніи матеріальнаго положенія церковно-приходскихъ школъ.—Открытіе памятниковъ Императорамъ Алек-

сандру II и Александру III въ Черниговѣ.—Открытие женскаго медицинскаго института.—Распоряженіе Министра народнаго просвѣщенія.—Мѣры противъ пьянства.—Международный конгрессъ для борьбы противъ алкоголиковъ.—Некрологъ (стр. 471—491). Трехсотлѣтіе Виленскаго Свято-Духовскаго монастыря.—Перенесеніе чудотворной Озерянской иконы Божіей Матери изъ Куряжскаго монастыря въ Харьковъ.—Значеніе храма въ приходской жизни.—Заботы объ улучшеніи церковнаго пѣнія.—Охраненіе святости праздниковъ.—Кончина о. протоіерея А. И. Парвова.—Высочайшая милость, оказанная сельскому священнику.—Пожертвованія духовенства на общепользныя учрежденія.—Заботы о призрѣніи дѣтей духовенства.—Приготовленіе псаломщиковъ къ учительской дѣятельности.—Церковь-школа.—Некрологъ (стр. 498—510). Новый православный храмъ за границей.—Памяти Царя—Миротворца.—Дѣятельность общества распространенія Св. Писанія.—Одно изъ средствъ къ обученію народа вѣрѣ.—Народныя читальни.—Заслуживающее вниманіе распоряженіе свѣтской власти.—Учебный надзоръ въ земскихъ школахъ.—Къ вопросу о благотворительности.—Новая отрасль труда для слѣпыхъ.—Дѣйствіе алкоголя на организмъ человѣка.—Некрологъ (стр. 518—530). Православная миссіонерская школа въ Америкѣ.—Мѣры къ улучшенію миссіонерскаго дѣла.—Отношеніе раскольниковъ къ православнымъ.—Толстовская секта.—Дѣятельность приходскихъ попечительствъ.—Заботы о матеріальномъ обезпеченіи вдовъ и сиротъ духовенства.—Церковная школа для дѣвочекъ.—Новый пріютъ для бѣдныхъ дѣтей.—Разрѣшеніе старокатолическому духовенству вступать въ бракъ послѣ посвященія.—Миссіонерская дѣятельность студентовъ за границей.—Благотворность вліянія пѣнія на здоровье.—Некрологъ (стр. 550—560). Истинная цѣль папскихъ призывовъ къ единенію церквей.—Намѣреніе евреевъ переселиться въ Палестину.—Открытие древняго храма.—Французская печать о. К. П. Побѣдоносцевъ.—Столѣтній юбилей Венеанской духовной семинаріи.—Заботы о религіозно-нравственномъ просвѣщеніи народа.—Высочайшая отмѣтка по вопросу о всеобщемъ народномъ образованіи.—Школы грамоты на далекомъ сѣверѣ.—Вниманію миссіонеровъ и приходскаго духовенства.—Новый дѣтскій пріютъ трудолюбія.—Общество для борьбы съ проказою (стр. 570—579). Міровое значеніе русскаго народа.—Одна изъ мѣръ къ улучшенію миссіонерскаго дѣла.—Дѣятельность съѣздовъ духовенства.—Совре-

менное состояніе народнаго церковнаго пѣнія.—Заботы о благолѣпнн сельскихъ храмовъ.—Церкви и школы въ Сибири.—Реформа денежнаго обращенія.—Общепользныя свѣдѣнія (стр. 590—602). По поводу встрѣчи новаго года.—Заботы объ открытіи епархіальныхъ бібліотекъ.—Благовременный призывъ духовенства къ усиленію религіозно-просвѣтительной дѣятельности.—Отрадная вѣсть.—Къ вопросу о законоучительствѣ въ свѣтскихъ школахъ.—Правительственное распоряженіе о передачѣ народныхъ школъ изъ одного вѣдомства въ другое.—Распространеніе свѣдѣній о церковной старинѣ.—Выставка памятниковъ, относящихся къ жизни и дѣятельности св. Митрофанія, епископа Воронежскаго.—Юбилейное торжество (стр. 611—618).

Ученіе о богодухновенности св. Писанія въ средніе вѣка.

(Окончаніе *).

О Т Д Ъ Л Ъ V.

Взглядъ на богодухновенность св. Писанія у средневѣковыхъ мистиковъ. (Отъ XII до XV столѣтій).

Весьма трудно раздѣлить средневѣковыхъ богослововъ на обычныя группы схоластиковъ и мистиковъ съ точки зрѣнія именно общаго характера ихъ богословскихъ воззрѣній. Причина этого состоитъ въ томъ, что болѣе выдающіеся изъ этихъ богослововъ старались именно о томъ, чтобы соединить въ одно цѣлое оба способа христіанскаго вѣроученія. Группировка же ихъ въ отношеніи къ отдѣльной догмѣ носить на себѣ еще болѣе субъективный отпечатокъ. Догматъ о богодухновенности книгъ св. Писанія никогда, впрочемъ, не былъ предметомъ противорѣчій между этими двумя богословскими направленіями и только по болѣе сильному возвышенію духовнаго и мистическаго элементовъ въ толкованіи богодухновенныхъ книгъ можно отличить мистиковъ отъ схоластиковъ. Должно, впрочемъ, замѣтить, что схоластики обращали достаточно вниманія на мистическую сторону понятія о богодухновенности, между тѣмъ какъ у мистиковъ буквальное и историческое значеніе предполагается, какъ нѣчто само по себѣ данное и понятное. Средневѣковые мистики имѣли однако преимущество въ томъ отношеніи, что вращались въ болѣе широкомъ кругу, чѣмъ схоластики, именно посредствомъ національныхъ проповѣдей и по-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1897 г., № 23.

пулярныхъ сочиненій они дѣлали доступными даже для людей необразованныхъ сокровища слова Божія, почерпнутыя изъ него посредствомъ толкованій.

Къ числу богослововъ этого направленія принадлежитъ Бруно (1101), родоначальникъ картезіанцевъ. Богодухновенныя книги называются священными какъ потому, что онѣ произошли чрезъ св. Духа, такъ даже и потому, что освящаютъ всѣхъ, кто живетъ по нимъ. Евангеліе особенно можетъ быть названо „новымъ завѣтомъ Бога“, такъ какъ самъ Господь въ собственномъ Лицѣ, а не чрезъ какого-либо посланника или слугу училъ насъ этому завѣту ¹⁾.

Подробно другимъ богословамъ, Бруно различаетъ нѣсколько родовъ смысла св. Писанія, но онъ употребляетъ при этомъ термины, отличные отъ общеупотребительныхъ въ средніе вѣка. Буквальный смыслъ Бруно называетъ физическимъ, моральный—этическимъ, а фигуральный (символическій)—логическимъ. Примѣры перваго рода смысла Бруно указываетъ въ разказахъ книги Бытія о происхожденіи міра, но въ той же книгѣ, именно въ исторической ея части, онъ находитъ и логическій (*logica* = фигуральный) смыслъ. Въ другихъ книгахъ напр. въ книгѣ Іова и псалмахъ фигуральный (*logica*) смыслъ соединенъ съ этическимъ (*locø logicae ad ethicam tendunt*). Наконецъ, есть такія книги напр. Пѣснь пѣсней, гдѣ на первомъ планѣ поставляется не логика и не этика, но созерцаніе (*theologica contemplatio*). Въ этихъ книгахъ содержатся возвышенныя тайны Божіи, превосходящія обычное человѣческое знаніе ²⁾.

Въ пророческомъ вдохновеніи Бруно различаетъ также нѣсколько отдѣльных видовъ и формъ. То обстоятельство, что пророки о будущемъ говорили какъ бы о настоящемъ или даже какъ о прошедшемъ, Бруно объясняетъ изобильнымъ воздействиемъ на нихъ Духа Святаго (*nimia sancti Spiritus*

¹⁾ Migne. T. 153 p. 18. *Nova lex Dei specialiter esse dicitur, quia non per ministrum, sed per propriam personam eam docuit. In ep. ad Rom. c. I.*

²⁾ *Loc. cit. 152 p. 639. Quidam (r. e. libri) vero loco logicae et ethicae ad theoreticam, id est, ad contemplationem tendunt, illi scilicet qui sublimia in se Dei mysteria et a communi cognitione remota continent, sicut Cantica canticorum. Expos. in psalm. prolog.*

agilitate). Одни пророчества сообщаются чрезъ слова, какъ напр. Моисею Богъ иногда говорилъ чрезъ ангеловъ; другія пророчества сообщаются чрезъ откровение (revelatio), какъ напр. Іезекилю и Данилу весьма многія откровенія были даны чрезъ чудесныя сновидѣнія; наконецъ, нѣкоторыя пророчества бывають чрезъ тайное вдохновеніе св. Духа (per occultam sancti Spiritus inspirationem), какъ напр. пророку Давиду были открыты тайны страданій Христа ¹⁾).

Св. Писаніе справедливо называется „Писаніемъ народовъ“, потому что оно предназначается для народовъ всего міра. Уже одно это названіе показываетъ, что св. книги содержатъ въ себѣ истины, доступныя и легко понимаемыя многими. Въ этомъ заключается ихъ неоспоримое превосходство надъ сочиненіями философовъ, которыя, наоборотъ, понимаются только немногими, хотя почти ничего истиннаго не содержатъ въ себѣ ²⁾).

Это, впрочемъ, далеко не значитъ, что Писаніе не можетъ быть понято ложно. Для еретиковъ именно св. Писаніе служитъ какъ бы силкомъ, въ которомъ они запутываются. Писаніе въ этомъ отношеніи справедливо сравнивается съ дождемъ. Если дождь падаетъ на добрую почву, то на ней произрастають добрые плоды, а если на худую, то появляются тернии и волчцы; такъ и св. Писанія въ добрыхъ людяхъ производять свѣтъ добродѣтели, а злыхъ ослѣпляютъ ³⁾).

Рупертъ Дейцскій (1135), одинъ изъ самыхъ знаменитыхъ мистиковъ, даетъ въ своихъ сочиненіяхъ довольно многостороннее понятіе о вдохновеніи.

Св. писатели получали вдохновеніе не отъ человѣка и не чрезъ человѣка, но были научаемы самимъ Духомъ, Который и открывалъ имъ сокровища Писанія. Чудесно просвѣщенные благодатію св. Духа, св. писатели справедливо потому признаются какъ бы устами самаго Бога, а потому безбожно было бы сомнѣваться въ словахъ тѣхъ, которымъ священныи огонь

¹⁾ Loc. cit. T. 152 p. 639. Expos. in psal. I.

²⁾ T. 152 p. 1098. Expos. in psal. 86.

³⁾ T. 152 p. 678. Sicut pluviae, cum in bonam terram cadunt, fructum optimum generant, cum vero in malam, tribulos et spinas procreant, sic et scripturae in bonis virtutum lumen, in malis vero caecitatem operantur. Expos. in. ps. 10-

божественной благодати даровалъ разумное сердце и убѣжденныя уста ¹⁾).

На св. писателяхъ, получавшихъ слово Божіе именно отъ самого св. Духа, безъ посредства какого-либо человѣка, утверждается и фундаментъ христіанской вѣры. Никакого сомнѣнія, слѣдовательно, не можетъ быть въ томъ, что все содержаніе каноническихъ писаній обладаетъ Божественнымъ авторитетомъ ²⁾). Происхожденіе письменнаго искусства Рупертъ производитъ отъ самого Бога, Который научилъ этому прежде всего Моисея. Благодаря этому, сдѣлалось возможнымъ то, что мы имѣемъ теперь въ рукахъ писанное слово Божіе и постоянно читаемъ его въ публичныхъ собраніяхъ. Если же существующій на лицо переводъ уклоняется отъ подлиннаго еврейскаго текста, то послѣднему необходимо отдать предпочтеніе. Переводчики не были пророками, но только толковниками и, слѣдовательно, иногда могли повяты намѣренія св. Духа несовершенно и передать ихъ недостаточно правильно. По своему взаимоотношенію Ветхій и Новый Завѣтъ являются однимъ цѣлостнымъ Писаніемъ, даже какъ бы одною книгою, которая служить одной цѣли, произошла отъ единаго Бога и составлена въ одномъ и томъ же Духѣ ³⁾).

Уже съ ви́шней стороны, по своей буквѣ, св. Писаніе достаточно прекрасно, но еще болѣе вѣрныя и драгоцѣнныя тайны духовнаго характера скрываются внутри его. Св. Писаніе справедливо называется „Писаніемъ народовъ“, такъ какъ оно доступно всѣмъ, даже самымъ простымъ людямъ и, если они иногда не сразу понимаютъ его тайны, то буквальный смыслъ св. Писанія и его нравственное значеніе для нихъ вполне доступны. Кромѣ того, Писаніе предлагается всѣмъ народамъ и проповѣдуетъ о спасеніи всѣхъ народовъ, хотя возникло только у одного изъ нихъ. Св. Писаніе есть драгоцѣнное сокровище Божественной мудрости, и кто обрѣтаетъ это сокровище т. е. кто правильно понимаетъ слово Божіе, спра-

¹⁾ Migne T. 167 p. 1679. De Spir. 5. Lib. IV c. 9.

²⁾ T. 169 p. 182. De Glorific. I. IX c. 3.

³⁾ T. 167 p. 1575 Unum est Dei verbum universitas scripturarum. De Spir. S. Lib. 1 c. 6.

ведливо можетъ считать себя счастливымъ и мудрымъ, справедливо можетъ сказать, что законъ устъ Господнихъ для него гораздо дороже тысячъ золота и серебра ¹⁾). Правда, когда мы читаемъ или слышимъ св. Писаніе, то мы не видимъ еще Господа лицомъ къ лицу, но все же уже здѣсь, чрезъ чтеніе св. Писанія, получаетъ начало то созерцаніе Бога, которое нѣкогда будетъ совершеннымъ ²⁾).

Простой читатель св. Писанія постепенно дѣлается вдохновеннымъ поклонникомъ его, который каждое выраженіе Слова Божія, хотя бы оно было само по себѣ истинно, понимаетъ въ связи съ другими, болѣе ранними выраженіями, благодаря чему авторитетъ Писанія получаетъ еще большее обоснованіе. Впрочемъ, сокровище въ св. Писаніи сокровище находитъ только тотъ, кто отыскиваетъ его съ благочестивымъ настроеніемъ и никому изъ вѣрующихъ во Христа не можетъ быть отказано въ правѣ изучать св. Писаніе, по скольку, конечно, при этомъ остается неповрежденною самая вѣра Христова ³⁾).

Неправы поэтому тѣ христіане, которые пребываютъ въ невѣдѣніи Бога, не желая узнать ученіе о Немъ изъ св. Писанія. Такіе христіане не пожелаютъ, конечно, отказаться отъ празднованія того или другого церковнаго торжества, но вѣдь самое празднованіе и состоитъ именно въ томъ, чтобы охотно читать или слушать божественныя Писанія и по любви къ нимъ воздерживаться отъ обычныхъ занятій ⁴⁾).

Если же Писанія содержатъ въ себѣ многія, трудно постигаемыя тайны, то на это есть двоякаго рода причины. Съ одной стороны, самъ Господь намѣренно скрываетъ перлы своихъ божественныхъ тайнъ, чтобы ими не воспользовались люди недостойные. Съ другой стороны, не во всякомъ мѣстѣ св. Писанія мы можемъ снимать кору бѣквы и аллегоріи, такъ какъ во многихъ мѣстахъ викакой аллегоріи нѣтъ, а есть только нравственное значеніе ⁵⁾).

¹⁾ Loc. cit T. 169 p. 1291. De vict. Verbi Dei Lib. III c. 26.

²⁾ T. 169 p. 826. Ipsa Dei visio, quae quandoque perficienda est, hic jam per scripturas inchoatur. Prolog. in Apocal.

³⁾ T. 169 p. 827. Dummodo salva fide, quod sentit, dicat aut scribat.

⁴⁾ T. 168 p. 813. In Zach. Lib. V cap. 14.

⁵⁾ 169 p. 10. Epist. ad Rom. Pontif.

Наконецъ, Рупертъ предполагаетъ возможность ложнаго пониманія св. книгъ и указываетъ норму для сужденія о немъ.

Неправильное толкованіе св. Писанія происходитъ по зависти еретиковъ, чрезъ которыхъ діаволь старается повредить истинѣ Христовой, такъ какъ онъ уже не можетъ истребить Евангеліе силою гоненій. Еретики во всякое время стараются замутить чистый источникъ св. Писанія, такъ что трудно иногда опредѣлить, гдѣ собственно находится истина.

Церковь должна, конечно, противостоятъ подобнымъ стремленіямъ еретиковъ. „Ибо развѣ можетъ она перенести то, что противорѣчитъ сердцу ея Возлюбленнаго т. е. Писанію истины? Она не можетъ перенести этого и тѣ, которые погрѣшаютъ въ этомъ, извергаются и поражаются мѣчемъ анаемы“¹⁾.

Св. Бернардь Клервосскій (1153), писанія котораго, благодаря увлекательному краснорѣчію автора и поэтически—прекрасному языку, можно было найти во всякой библіотекѣ среднихъ вѣковъ, даетъ довольно ясное и правильное понятіе о богодухновенности, хотя въ различныхъ мѣстахъ, въ различныхъ образахъ и признакахъ.

Содержаніе богодухновенныхъ созерцаній пророковъ Ветхаго Заветъа одинаково и вдохновлялось чрезъ одного и того же св. Духа. Такъ Пѣснь Пѣсней, на которую Бернардь написалъ пространный комментарий, произошла чрезъ св. Духа, хотя и составлена такъ, что требуется много размышленій для полнаго пониманія ея. Богодухновенный авторъ этой книги воспѣваетъ въ ней хвалу Христу и Церкви, воспѣваетъ благодать святой любви и священный союзъ вѣчнаго общества.

При толкованіи св. Писанія, Бернардь находитъ въ немъ по обыкновенію тройственный смыслъ: историческій, нравственный и мистическій. Нравственное значеніе, изъ коего человѣкъ получаетъ назиданіе для своей жизни, выводится изъ буквального и историческаго (*de historia*). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напр. въ Притчахъ, совершенно не нужно искать буквальный смыслъ, такъ какъ здѣсь онъ былъ бы неприличенъ и несвѣствененъ²⁾.

1) T. 168 p. 954. Quidpiam tolerare potest, quod cordi dilecti sui, id est scripturae veritatis, contrarium est? Tolerare non potest. Illos, qui in hoc sunt, eliminat et anathematis gladio trucidat. In. Cant. cant. Lib. VII c. 8.

2) Migne. T. 183 p. 1080. Sermon. in Cant. cant. canp. 63. n. I.

При толкованіи Писанія въ мистическомъ смыслѣ, должно принимать во вниманіе особенныя свойства св. Писанія. Въ св. книгахъ на человѣческомъ языкѣ возвѣщается мудрость, въ тайнѣ сокровенная, которую Богъ приближаетъ къ нашему пониманію чрезъ образныя выраженія и сравненія, какъ бы въ сосудахъ изъ драгоцѣннаго содержанія безконечнаго существа Божія. При толкованіи Писанія разумъ, слѣдовательно, не долженъ касаться только поверхности и, подобно слѣпому, дотрогиваться только до очертаній ея; онъ долженъ проникать въ самую глубину св. Писанія, чтобы извлекать оттуда драгоцѣнное сокровище истины ¹⁾).

Многое въ св. Писаніи, конечно, не можетъ быть уяснено вполне, а служить только предметомъ догадокъ, но самая эта таинственность побуждаетъ насъ еще усерднѣе стремиться къ общанному. Самъ Бернардъ глубоко убѣжденъ въ томъ, что въ св. книгахъ нѣтъ ни одного слова безъ значенія; поэтому при толкованіи онъ никогда не опускаетъ безъ вниманія даже заглавія книги, даже одну іоту, такъ какъ и самъ Христосъ нѣкогда, при насыщеніи народа, приказалъ собрать самыя маленькіе остатки трапезы, чтобы ничто не пропало даромъ.

Для объясненія того, что нѣкоторыя выраженія св. Писанія онъ толковалъ прежде иначе, чѣмъ впоследствии, Бернардъ замѣчаетъ, что нѣкоторыя истины, дѣйствительно, допускаютъ два или болѣе толкованій. Въ доказательство этого онъ приводитъ примѣры изъ другой области. Сколько можно представить примѣровъ употребленія воды при попеченіи о здоровьѣ тѣла? Точно также и въ божественномъ словѣ обычно бываетъ такъ, что различный смыслъ приспособляется къ различнымъ нуждамъ и потребностямъ души ²⁾).

Хотя къ изъясненію св. Писанія Бернардъ Клервосскій, относится, очевидно, довольно свободно, однако онъ прекрасно сознаетъ, что оно влечетъ съ собою нѣкоторыя опасности. Онъ

1) T. 183 p. 1135. Sermon. in Cant cant. 72 n. 2. Intellectus non remanet extra, non haeret in superficie, non instar caeci palpat forinseca; sed profunda rimatur, pretiosissimas solitus exinde veritatis exuvias tota aviditate diripere ac tollere sibi.

2) T. 183 p. 1027. Sermon. in Cant cant. cap. 51 u. 4.

горячо увѣщаетъ своихъ учениковъ воздерживаться отъ превратнаго истолкованія священнаго текста, такъ какъ это было бы нѣчто дьявольское, и тѣ толковники, которые стремятся извратить спасительное Писаніе къ собственной гибели, хотя, конечно, быть учениками сатаны ¹⁾). Одно изъ главнѣйшихъ обвиненій Бернарда противъ дерзновеннаго Абелярда состоитъ именно въ томъ, что онъ старался измыслить и навязать народамъ свое новое евангеліе и новую вѣру. Св. Церкви Бернардъ приписываетъ власть перемѣнять и переставлять слова св. Писанія для литургическаго употребленія, чтобы содѣйствовать большому благоговѣнію молящихся ²⁾).

Адамъ Скотъ (1200), епископъ Витернскій, весьма настойчиво увѣждаетъ всѣхъ читать и изучать св. Писаніе, такъ какъ оно указываетъ истинный путь къ счастливой и блаженной жизни. Постоянное и привычное чтеніе св. Писанія съ чистымъ сердцемъ доставляетъ человѣку знаніе о Богѣ, его Творцѣ, Искупителѣ и Спасителѣ и о всемъ, что касается этого. Разумъ даетъ намъ способъ, польза побуждаетъ и необходимость принуждаетъ читать слово Божіе, и чѣмъ усерднѣе мы занимаемся этимъ, тѣмъ тверже увѣждаемся въ томъ, что чрезъ Писаніе мы получаемъ величайшее благо ³⁾).

Особеннымъ преимуществомъ св. Писанія Адамъ Скотъ считаетъ то, что оно содержитъ въ себѣ не только слова глубокознаменательныя и превосходящія всякую мірскую мудрость, но также и самыя событія. И хотя сами по себѣ св. книги суть всегда одно и то же и никогда другъ другу не противорѣчатъ, однако самое пониманіе ихъ бываетъ различно, смотря по мѣрѣ способностей читателей: учениковъ и слабыхъ они наполяютъ какъ бы млекомъ исторіи, а совершенныхъ въ вѣрѣ насыщаютъ пищею аллегоріи ⁴⁾). Слѣдовательно, всякій, кто день и ночь читаетъ

1) T. 183 p. 186. Cavete hoc dilectissimi, quia prorsus diabolicum est et de parte ejus se esse probant, qui id faciunt, in suam ipsorum perniciem salutaria scripta pervertere molientes. Sermo I in ps. Qui habitat.

2) T. 183 p. 94. Sermo III in Vig. Nativ.

3) Migne. T. 198 p. 160. De trip. tab. proem. III.

4) T. 198 p. 628. Modo incipientes et teneros lacte quodam potat historiae, modo autem in fide proficientes pane cibant allegoriae. De tripart. tab. proem. III n. 4, 5.

и изучаетъ св. Писаніе, которое въ своемъ историческомъ содержаніи предлагаетъ намъ священные прообразы, въ аллегоріи—благочестивое настроеніе вѣры, въ аналогіи—блаженство небеснаго веселья, имѣетъ какъ бы ту самую золотую трапезу, которая стояла въ скиніи Божіей ¹⁾).

Правда, почти невозможно въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ объяснить всѣ глубокія тайны св. Писанія, но это нисколько не уменьшаетъ нашего уваженія къ нему. Когда мы держимъ въ рукахъ, напр., закрытый ящикъ, то, хотя бы и не знали о его содержаніи, все же уменьшаемъ его вѣсъ и тяжесть, въ виду того, что многое содержится внутри его. Точно также мы напередъ увѣрены, что въ глубокознаменательныхъ словахъ божественныхъ писаній сокрыты многія глубокія тайны, хотя и не вполне повнимаемъ ихъ содержаніе. Что же остается намъ дѣлать, какъ не стучать до тѣхъ поръ, пока намъ не будетъ отверзто?

Бертольдъ Регенбургскій (1272), самый замѣчательный изъ проповѣдниковъ своего времени, собиравшій своими пламенными рѣчами и проповѣдями цѣлыя тысячи слушателей въ городахъ верхней Германіи и Швеціи, почти каждую свою проповѣдь начиналъ выраженіемъ изъ св. Писанія. Точно также и всѣ свои призывы къ вѣрѣ и покаянію онъ обыкновенно обосновывалъ на выраженіяхъ св. Писанія и уже потомъ на примѣрахъ изъ Ветхаго и Новаго Завѣтовъ и изъ жизни святыхъ.

Такое значеніе св. Писанія Бертольдъ выводитъ изъ самаго характера его, вакъ слова Божія. „Всемогущій Богъ далъ намъ двѣ великія книги, по которымъ мы учимся, читаемъ и поемъ. Одна книга—Ветхаго Завѣта, другая—новаго“ ²⁾. Ветхій Завѣтъ есть прообразъ Новаго, такъ какъ въ событіяхъ Ветхаго Завѣта Богъ показалъ намъ предызображеніе Новаго ³⁾. Ветхій Завѣтъ былъ, конечно, только скорлупой, которая сужила для іудеевъ, сладкое же зерно (Новый Завѣтъ) досталось намъ христіанамъ ⁴⁾).

¹⁾ Loc. cit. p. 757.

²⁾ Predigten Bd. I, p. 48. Vierte Pred. Von. den sieben Planeten I, Bd. p. 19. Изданіе 1862 г. Вѣна.

³⁾ Bd. I p. 463.

⁴⁾ Bd. I p. 3 и 38.

Пастыри Церкви должны проповѣдывать мірянамъ именно то, что они почерпаютъ изъ богодухновенныхъ книгъ, а не собственныя суевѣрія и ереси. „Должно проповѣдывать отъ Писанія, и не приводитъ народъ къ невѣрію“¹⁾. „Всему, что тебѣ говоритъ св. Писаніе или тѣ, которымъ повелѣваетъ св. Писаніе (т. е. пастыри), всему, что они говорятъ тебѣ отъ Писанія, должно вѣрить, что оно истинно и твердо, какъ небо“²⁾. Напротивъ, Бертольдъ предостерегаетъ отъ тѣхъ, которые, ссылаясь на писанія св. отцевъ и на св. книги, не въ состояніи однако понять ихъ по причинѣ недостаточнаго образованія³⁾. Только люди надменные и богохульники, смыслъ которыхъ такъ огрубѣлъ, что они оснариваютъ св. Писаніе столько же тайно въ своемъ сердцѣ, сколько и открыто словами, только такіе люди стараются находить въ св. Писаніи противорѣчія⁴⁾.

Кто же хочетъ, наоборотъ, правильно понять и вѣрно объяснить слово Божіе, тотъ долженъ обратиться къ писаніямъ св. отцевъ. Святые отцы все свое искусство полагали именно въ томъ, чтобы сохранить души христіанъ отъ гибели и всю свою мудрость направляли ко славѣ всемогущаго Бога и къ пользѣ людей⁵⁾.

Къ прекраснымъ цвѣтамъ средневѣковой мистики причисляются сочиненія начальника францисканскаго ордена Бонавентуры (1274), который въ рѣдкой степени соединялъ схоластическое остроуміе съ глубиною мысли.

. Св. Писаніе возникло отъ Бога чрезъ Христа и св. Духа, глаголавшихъ устами пророковъ и апостоловъ⁶⁾. Оно обязано своимъ происхожденіемъ не какимъ-либо человѣческимъ изобрѣтеніямъ, но возникло по божественному откровенію отъ Отца свѣтовъ. А такъ какъ всякое слово Божіе есть въ то же время и дѣло, а всякое дѣйствіе Божіе указываетъ на свою Первопричину, то и въ св. Писаніи вдохновлены отъ Бога не

1) Bd. I p. 386—24. Pred. Von den vier Dienern Gottes.

2) Bd. I p. 166—11. Predigt von dem Wegen.

3) Bd. I p. 406.

4) Bd. I p. 531—33. Pred. Von den 12 Junkern Teufels.

5) Bd. I p. 3.

6) Breviloquium. Изданіе Гефеле, Тюбингенъ 1861. III edit.

только слова, но и самые факты. Подобно тому, какъ Христосъ, учившій людей тайнамъ царствія Божія, облеченъ былъ человѣческою плотію и въ то же время былъ возвышенъ по своему Божеству, такъ точно и ученіе его соединяло простоту рѣчи съ глубиною мысли. И какъ нѣкогда Христосъ младенецъ развивался въ пеленкахъ, такъ и мудрость Божія свои глубокия тайны облекла въ простыя формы св. Писанія ¹⁾.

Конечная цѣль св. книгъ состоитъ въ томъ, чтобы сдѣлать людей добрыми и счастливыми, чтобы доставить имъ побѣдную награду вѣчнаго блаженства. Принимая во вниманіе, что св. Духъ, всесовершенный Виновникъ св. Писанія, не могъ сказать чего-либо ложнаго, мы не можемъ отвергать даже самое малое въ св. Писаніи, какъ бесполезное и не правильное ²⁾.

Такъ какъ потокъ св. Писанія возникъ изъ Божественнаго источника, то и высота св. Писанія недосягаема по причинѣ его высшаго происхожденія, глубина—неисчерпаема, вслѣдствіе непостижимости, достовѣрность—неоспорима при совершенномъ отсутствіи въ немъ кикихъ-либо ошибокъ. Въ св. Писаніи не только о прошедшемъ говорится безъ всякихъ ошибокъ, но и настоящее изображается прежде, чѣмъ оно происходитъ предъ глазами, а о будущемъ разсказывается, какъ о настоящемъ. Всюду въ св. Писаніи блистаетъ Божественная мудрость и сила, такъ что подъ одною буквою скрывается многообразный смыслъ ³⁾. Хотя Бонавентура вполне опредѣленно говоритъ „о полнотѣ мистическаго смысла и пониманія“, однако это не мѣшаетъ ему принимать обычную схему, по которой въ св. Писаніи различается: *sensus litteralis, allegoricus, moralis* и *anagogicus*. Основнымъ смысломъ онъ, впрочемъ, считаетъ буквальный, такъ какъ никто не можетъ возвыситься къ духовному пониманію, если недостаточно цѣнить самую букву его: „нельзя всюду искать одной аллегоріи и все изъяснять мистически“ ⁴⁾.

1) *Loc. cit.* p. 19

2) *Sermo IX in hexaem.*—*Pro eo quod Spiritus sanctus ejus auctor perfectissimus nihil potuit dicere falsum.*

3) *Brevil. praefacio.*

4) *Brevil. pag. 23.*

Въ теченіе 14 и 15 столѣтій, наконецъ, произошло постепенно развивавшееся раздѣленіе двухъ главнѣйшихъ направленій средневѣковой теологіи. Но это раздѣленіе ни тому, ни другому направленію не принесло пользы. Схоластика, вслѣдствіе односторонняго увлеченія діалектикой, а мистика вслѣдствіе односторонняго возвышенія личнаго духовнаго опыта, при отсутствіи какой-либо системы въ распредѣленіи понятій, пришли къ нѣкоторому неизбѣжному произволу.

Это послѣднее явленіе особенно ярко обнаруживается у нѣмецкихъ мистиковъ 14 и 15 столѣтій. Хотя собственно они далеко не отдѣляли себя отъ единства церковнаго ученія, однако во многихъ отдѣльныхъ положеніяхъ они несомнѣнно находились въ противорѣчій съ нимъ. Кромѣ того, должно замѣтить, что они обращали большее вниманіе на субъективное усвоеніе изложенныхъ истинъ, чѣмъ на объективное вдохновеніе ихъ.

Эккартъ (1327), изъ ордена доминиканцевъ въ Кельнѣ, порицаетъ прежде всего противорѣчіе, въ которое ставятъ себя проповѣдники богодухновеннаго слова Божія съ требованіями самаго св. Писанія. Въ тѣ времена, дѣйствительно, было много такихъ проповѣдниковъ, которые по нѣсколькимъ десяткамъ лѣтъ занимались св. Писаніемъ, и тѣмъ не менѣе, не смотря на ясныя свидѣтельства его о суетности собственной ихъ жизни, не оставляли пристрастія ко грѣху ¹⁾.

Самъ Эккартъ предлагаетъ другой способъ чтенія и изученія св. Писанія; онъ совѣтуетъ, подобно другимъ мистикамъ, искать истины Писанія въ немъ самомъ т. е. въ Духѣ Божіемъ, отъ коего оно произошло. Св. ап. Петръ свидѣтельствуется, что всѣ святые люди говорили въ Духѣ Божіемъ, а всякой любящей душѣ свойственно любить то Существо, отъ Котораго произошло Писаніе т. е. Бога ²⁾. Не собственная работа разума въ ученыхъ умозаключеніяхъ даруетъ, слѣдовательно, истинное богопознаніе человѣку, но Самъ Богъ дѣйствуетъ съ

¹⁾ Мы цитуемъ Эккарта по сочиненію Linsenmayer. Geschichte der Pöbigt in Deutschland 1886 г. р. 408.

²⁾ Meister Eckart 1864. Wien. Сочиненіе I. Bach'a р. 116.

этою цѣлію на человѣка, который долженъ подчиняться дѣйствіямъ Божества ¹⁾).

Подобное же противорѣчіе между жизнію людей и ученіемъ богодухновеннаго Писанія указываетъ и другой знаменитый проповѣдникъ среднихъ вѣковъ Таулеръ (1361). Большое различіе есть между тѣми людьми, которые живутъ по Писанію и тѣми, которые только поверхностно читаютъ его. Поверхностные читатели св. Писанія заслуживаютъ презрѣнія, осужденія и даже проклятія, въ противоположность тѣмъ, которые строятъ собственную жизнь по Писанію, которые считаютъ себя бѣдными грѣшниками и чувствуютъ къ другимъ сердечное состраданіе ²⁾. При всемъ томъ Таулеръ призываетъ, что ученіе христіанское можетъ быть истинно-евангельскимъ, хотя бы самая жизнь противорѣчила ему. „Какъ вода течетъ чрезъ каналъ, такъ и вѣчное слово Божіе чрезъ своихъ слугъ. Мы не должны разсуждать объ учителѣ,—запятналъ ли онъ какимъ-либо грѣхомъ или нѣтъ, но смотрѣть на вѣчное слово въ его существѣ“ ³⁾.

Хотя оба Заветъ одинаково суть слово Божіе, однако Ветхій Заветъ въ нѣкоторомъ отношеніи подчиненъ Новому. Ветхій Заветъ со всѣми его церемоніями и церковными обрядами люди должны были соблюдать до тѣхъ поръ, пока не родился Христосъ и пока не былъ установленъ Имъ Новый Заветъ, прообразомъ котораго былъ Ветхій ⁴⁾. Мистическую природу его Таулеръ, какъ и Эккартъ, указываетъ во внутреннемъ просвѣщеніи души, превосходящемъ всѣ приобрѣтенныя познанія. Когда Господь, который есть истинный несозданный свѣтъ, входитъ въ душу человѣка, то сотворенный свѣтъ естественно дѣлается тусклымъ и даже совершенно уничтожается, подобно тому, какъ это бываетъ со свѣчей, когда яркіе лучи солнца распространятся по земной поверхности ⁵⁾.

Кардиналъ Николай Куза (около 1460), при всемъ спеку-

1) Vier Bücher von der religiösen Erkenntniss 1856 г. H. Denzinger. Bd. p. 328.

2) Kuntze und Biesenthal: Joh. Taulers Predigten, Berlin 1841. Bd. 1 p. 126

3) Loc. cit. p. 58.

4) Teil. II p. 444.

5) Loc. cit. Teil II p. 360.

лятивномъ характерѣ своей системы, принадлежитъ къ богословамъ мистическаго направленія.

Біографы говорятъ, что онъ былъ ученикомъ „братевъ общественной любви“ и именно въ томъ замѣчательномъ знаніи св. Писанія, которое служило для него неисчерпаемымъ источникомъ божественной мудрости. Изъ этого источника онъ почерпалъ матеріалъ для многочисленныхъ своихъ сочиненій не только богословскихъ, но и философскихъ, для котораго даже одно выраженіе Слова Божія могло служить исходнымъ началомъ и дать богатѣйшее содержаніе. Неописуемая плодовитость св. Писанія обнаруживаетъ безконечное богатство его содержанія ¹⁾.

Отъ Николая Кузы осталость сочиненіе „De scibratione Alcoran“, въ которомъ онъ старается на основаніи Корана доказать истину евангелія. Если бы, по его мнѣнію, дозволили магометанамъ открыто читать евангеліе, то они безъ сомнѣнія легко убѣдились бы, что лучшія мысли Корана, напр. о презрѣннѣ къ міру, о дѣлахъ милосердія, о любви къ Богу и ближнимъ, суть лучи евангельскаго свѣта ²⁾.

Писанія Моисея Куза признаетъ весьма мудрыми и всецѣло истинными не только потому, что онъ обязанъ признавать ихъ, какъ христіанинъ, но и потому, что разумъ запрещаетъ думать иначе. О всей же вообще Библии, какъ и о природѣ, онъ замѣчаетъ, что это суть книги, написанныя нерстами Божиими и всюду открытыя даже для малоученыхъ ³⁾.

Довольно подробно говорится о св. Писаніи, какъ словѣ Божіемъ, въ золотой книжечкѣ Тома Кемпійскаго (1471) „О подражаніи Христу“, которая по справедливости считается послѣднимъ и самымъ прекраснымъ цвѣткомъ средневѣковой мистики.

Богодуховенность Тома Кемпійскій считаетъ основаніемъ, почему къ Писанію должно относиться съ глубокимъ уваженіемъ. „Это—твои слова, Христе, вѣчная Истина, хотя они и изречены не въ одно и то же время и написаны не въ одномъ мѣстѣ. Такъ какъ они—Твои и истины, то и принимаются мною всѣ чистосердечно, съ благодарностію“. Чтеніе св. Пи-

1) Schaupt: Nicolaus von Cusa. 1871 p. 262.

2) Loc. cit. p. 250.

3) Scharpft: p. 166, 266. Denzinger. 1 Bd. p. 356 и 363; 2 Bd. p. 274.

санія бываетъ плодотворнымъ, когда сопровождается благодатнымъ просвѣщеніемъ отъ Бога, и неплодотворнымъ, когда бываетъ по мірскимъ мотивамъ. Случается, что многіе часто слышатъ Евангеліе и, однако, не имѣютъ Духа Христова. Кто же желаетъ быть совершеннымъ, тотъ долженъ не только съ радостію принимать слова Христа, но и всю жизнь свою уподоблять Ему. „Если же ты наружно (совнѣ) знаешь всю Библию и всѣ изреченія философовъ, то какую пользу принесетъ тебѣ все это безъ любви и благодати?“ Не сами по себѣ, конечно, стремленія ученыхъ къ наукѣ заслуживаютъ порицанія, но жизнь, противорѣчащая ихъ мудрости и знанію ¹⁾).

Когда чтеніемъ св. Писанія руководитъ Богъ своею благодатію, тогда не буква Писанія, но Самъ Господь говоритъ къ намъ, и только тогда это чтеніе производитъ богоугодныя мысли. „Тогда уже не Моисей или кто либо другой изъ пророковъ говоритъ со мной, но Самъ Ты, Господи Боже, вдохновляющій и просвѣщающій всѣхъ пророковъ, ибо Ты одинъ безъ нихъ можешь наставить меня, а они безъ Тебя не успѣютъ въ этомъ. Если же они и произнесутъ слова, то все же не дадутъ имъ Духа. Если они и скажутъ что-либо прекрасное, а Ты будешь молчать, то они одни не воспламенятъ сердца. Они предлагаютъ только букву, Ты открываешь ея смыслъ. Они сообщаютъ тайны, Ты же прикрываешь ихъ значеніе“ ²⁾).

Приобрѣтеніе знаній о Богѣ есть прямая обязанность христіанина. „Никто никогда не долженъ быть празднымъ, но каждый пиши, или молись, или разсуждай, или трудись на пользу общества“. Въ молчаніи благоговѣйная душа совершенствуется и научается тайнамъ св. Писанія.

Высшая цѣль занятій св. Писаніемъ есть познаніе христіанской истины. Въ св. Писаніи нужно искать не краснорѣчія, а истины, не утонченности рѣчи, а пользы, и читать слова Божіе должно въ томъ же самомъ Духѣ, чрезъ Котораго она и написано. Точно также мы съ большею охотою должны читать простыя и исполненныя благоговѣніемъ книги, чѣмъ возвышенныя и глубокомысленныя. Любовь къ истинѣ должна

¹⁾ Lib. I cap. 3.

²⁾ Lib. III cap. 2.

располагать насъ къ чтенію, а не ученость тѣхъ лицъ, которыя пишутъ кнѣги. „Не спрашивай, кто сказалъ, но примѣчай, что говорится“¹⁾. Люди прейдуть, истина же Господня пребываетъ во вѣкъ“. Господь говоритъ къ намъ безъ лицепріятія, и наше остроуміе не должно препятствовать пониманію словъ Его. Мы не должны понапрасну трудиться объяснять то, что скорѣе нужно принять со смиреніемъ, просто и довѣрчиво; охотно выслушивай слова святыхъ и не отвращайся отъ притчей старцевъ, такъ какъ они ничего не предлагаютъ безъ основанія²⁾.

Сакраментальная (сокровенная) благодать и чтеніе св. Писанія служатъ для души тѣмъ же, чѣмъ пища и свѣтъ для тѣла. „Ты далъ мнѣ немощному для успокоенія духа тѣло Свое и ногамъ моимъ положилъ свѣтильникомъ слово. Безъ нихъ я не могу жить, такъ какъ слово Божіе есть свѣтъ для моей души, а твои таинства пища для моей жизни“. Они могутъ быть названы какъ бы двумя трапезами, поставленными въ сокровищницѣ св. Церкви. Одна есть трапеза св. алтаря съ св. хлѣбомъ, который есть драгоцѣнное тѣло Христово, другая трапеза есть божественный законъ, содержащій св. ученіе и наставляющій насъ въ правой вѣрѣ³⁾.

Изъ представленнаго историческаго очерка догмата о богодухновенности св. Писанія можно видѣть, что точка зрѣнія средневѣковыхъ писателей весьма близка къ той, которой держались и отцы Церкви: изъ восточныхъ—главнымъ образомъ Аѳанасій Александрійскій, Василій Великій, Іоаннъ Златоустъ, Іоаннъ Дамаскинъ, а изъ западныхъ—Иринеи Ліонскій, бл. Августинъ, Іеронимъ и Григорій Двоесловъ. Со времени патріарха Фотія и Алкуина до Виссаріона Никейскаго и Томы Кемпійскаго включительно (IX—XV вв.), на всемъ протяженіи этого періода, въ высшей степени исполненаго воодушевленіемъ религіозными идеями, всѣ писатели сходятся въ единогласномъ

¹⁾ Lib. I, cap. 3.

²⁾ Loc. cit. Lib. I cap. 3.

³⁾ Lib. IV cap. 11.

признаніи того, что Библія есть богодухновенное слово Божіе и что она имѣетъ исключительное значеніе въ жизни и вѣрѣ христіанскихъ народовъ.

Всѣ церковные писатели признаютъ каноническія книги достовѣрными лѣтописями Божественнаго откровенія и считаютъ св. Писаніе первымъ и рѣшительнымъ средствомъ для доказательства религіозныхъ истинъ. Господственное значеніе въ актѣ вдохновенія они усвояютъ, конечно, св. Духу, Котораго называютъ всесовершеннымъ и собственнымъ виновникомъ происхожденія св. книгъ, тогда какъ св. писатели были только простыми орудіями, простыми служителями небеснаго Художника, которыми Онъ пользовался такъ же, какъ книжникъ-скорописецъ письменною тростью. Это, однако, вовсе не значить, что человѣческая личность при вдохновеніи поглощалась Божествомъ: св. писатели были разумными, а не слѣпыми и безсознательными орудіями св. Духа; естественныя способности ихъ оставались цѣлыми и неповрежденными, благодаря чему и возможна была дальнѣйшая передача богооткровеній какъ письменно, такъ и устно. Самыя свойства первоначальнаго текста и языка св. книгъ носятъ на себѣ человѣческой отпечатокъ, такъ какъ богодухновенные авторы стараются снизойти къ обычнымъ способамъ человѣческой рѣчи, чтобы въ формахъ разговорнаго языка приблизить божественныя тайны къ пониманію людей. Безъ этихъ образныхъ выраженій и сравненій мы, падшіе люди, не могли бы вынести свѣта божественной премудрости.

Какъ видимъ, средневѣковые богословы были весьма далеки отъ крайностей ложныхъ теорій о богодухновенности. Признавая библейскихъ авторовъ простыми орудіями Божественной благодати и въ каждомъ выраженіи ихъ находя полноту Божественной премудрости и неисчерпаемое сокровище Божественныхъ тайнъ, они однако совершенно чужды недостатковъ вербальной теоріи вдохновенія и нигдѣ не отождествляютъ библейское вдохновеніе съ безсознательнымъ и безвольнымъ экстазомъ древне-языческой мантики. Съ другой стороны, они усвояютъ Божественный авторитетъ не только содержанію св. книгъ, но отчасти и самой формѣ ихъ, а также и отдѣльнымъ

выраженіямъ и словамъ. Слѣдовательно, ученіе ихъ не имѣетъ ничего общаго съ современной полураціоналистической теоріей такъ называемаго „ограниченнаго вдохновенія“, по которой богодухновенными въ обширномъ смыслѣ этого слова почитаются только религіозныя истины Библии, но отнюдь не историческія, археологическія, географическія, хронологическія и т. п. Наконецъ, въ свидѣтельствахъ средневѣковыхъ писателей нельзя найти ни малѣйшаго основанія и для позднѣйшихъ крайностей Лютера и его послѣдователей, преувеличивающихъ значеніе св. Писанія въ ущербъ неписанному преданію Церкви, до совершеннаго отрицанія всякаго значенія за этимъ послѣднимъ. Въ средніе вѣка, наоборотъ, очень хорошо понимали, что самое каноническое достоинство св. книгъ основывалось на общепризнанной и несомнѣнной церковной традиціи, что самое изъясненіе св. Писанія, особенно темныхъ его мѣстъ, немыслимо безъ руководственнаго авторитета богомудрыхъ учителей Церкви, что, наконецъ, самыя толкованія необходимо провѣрять символомъ вѣры. Несправедливо обвиняютъ средневѣковый христіанскій міръ и въ томъ, будто чтеніе св. Писанія въ тѣ времена было чрезвычайно ограничено и даже почти невозможно для простыхъ вѣрующихъ, несправедливо потому, что всѣ относящіяся сюда ограниченія церковной власти имѣли характеръ простыхъ предостереженій отъ превратныхъ и неразумныхъ толкованій слова Божія.

Д. Леонардовъ.

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ ДРЕВНЕ-РУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ.

(Окончаніе *).

Св. Димитрій Ростовскій. Третьимъ, по времени, знаменитымъ представителемъ юго-западнаго образованія въ Велико-россіи былъ св. Димитрій Ростовскій (1651—1709), литературная дѣятельность котораго стоитъ собственно на переходѣ отъ XVII в. къ XVIII в., отъ періода схоластики къ просвѣтительной эпохѣ Петра Великаго. Онъ родился близъ Кіева. Отецъ его, по имени Савва Туптало, былъ сотникомъ малороссійскаго казачьяго войска. Образованіе св. Димитрій получилъ въ Кіевской академіи. 18 лѣтъ онъ постригся въ монахи. Свое служеніе Церкви св. Димитрій началъ съ должности проповѣдника и своимъ ораторскимъ талантомъ прибрѣлъ такую славу, что разные города Малороссіи наперерывъ приглашали его къ себѣ для проповѣди. Обративъ на себя вниманіе святою жизнію и проповѣдническою дѣятельностію, онъ былъ посвященъ въ митрополита Сибирскаго; но такъ какъ по слабости здоровья не могъ ѣхать такъ далеко, то былъ назначенъ митрополитомъ Ростовскимъ. Въ періодъ семилѣтняго (1702—1709) управленія Ростовской епархіей онъ неутомимо трудился для духовнаго просвѣщенія своей паствы, основалъ въ Ростовѣ семинарію, проповѣдывалъ слово Божіе, боролся съ расколомъ и писалъ разныя сочиненія. Изъ духовно-литературныхъ трудовъ св. Димитрія нужно отмѣтить: его проповѣди, *Малыя Четы-Минеи*, „Розыскъ о раскольнической Брынской вѣрѣ“, духовныя драмы, псалмы и молитвенныя размышленія.

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 23, за 1897 г.

Среди всѣхъ своихъ занятій *проповѣдь* св. Димитрій считалъ главнымъ своимъ дѣломъ. „Моему сану, говорилъ онъ, надлежитъ слово Божіе проповѣдати не точію языкомъ, но и пишущею рукою: то мое дѣло, то мое званіе, то моя должность“. Слова и поученія св. Димитрія отличаются иногда пріемами, глубиною и красотою свято-отеческой проповѣди, на которой преимущественно онъ воспиталъ свой ораторскій талантъ; но въ то же время въ нихъ, естественно, отразились черты юго-западнаго стиля; впрочемъ, въ этомъ отношеніи его проповѣди должны быть раздѣлены на два отдѣла: малорусскій и великорусскій. Въ проповѣдяхъ, произнесенныхъ въ Ростовской епархіи, вліяніе схоластики сказывается слабѣе; онѣ особенно выдѣляются простотою и естественностію, знаніемъ жизни и примѣнительностію къ понятіямъ народа. Самъ проповѣдникъ различаетъ простое, общедоступное изложеніе отъ изложенія искусственнаго, понятнаго только людямъ книжнымъ. Иногда св. Димитрій въ одной и той же проповѣди послѣ искусственныхъ сближеній переходилъ къ простымъ, общедоступнымъ наставленіямъ для простыхъ людей. Такъ, въ *Словѣ на Благовѣщеніе* послѣ замысловатаго объясненія сходства между праздни-ками Благовѣщенія и Воскресенія Христова, проповѣдникъ говоритъ: „но еще не аминь, еще нѣчто къ простѣйшимъ реку, пользы ради; то бо, еже глаголахъ, глаголахъ книжныхъ ради, не хочу же и безкнижныхъ отпустить не пользовавъ“,—и затѣмъ объясняетъ этимъ безкнижнымъ людямъ, чему научаютъ оба праздника, Благовѣщеніе и Воскресеніе; это объясненіе составляетъ другую половину слова. Изъ проповѣдей св. Димитрія, написанныхъ въ Малороссіи и отличающихся преимуще-ственно указанными выше свойствами югозападнаго стиля, особенно замѣчательно *Слово на св. Троицу*, сказанное въ Батуринѣ въ 1698 г. Въ этомъ словѣ проповѣдникъ прино-ситъ Св. Троицѣ три златника отъ трехъ частей человѣка: отъ души—Богу Отцу, отъ тѣла—Богу Сыну, отъ духа—Богу Духу Св. Златникомъ онъ называетъ вѣру во святую Троицу и при этомъ проводитъ параллель между золотомъ и вѣрою. „Яко бо злато огнемъ очищается“, говоритъ онъ, такъ святая вѣра бѣдами, гоненіями очищена: *яко злато въ горнилтѣ искуси*

ихъ (Прем. 3, 6); чищено сіе злато каменіемъ: *каменіемъ побіени быша*; пилено пилами: *претрени быша*; рѣзано желѣзомъ: *убійствомъ меча умроша*; пробовано разными образы: *искушени быша* (Евр. 11, 37): то въ огонь, то въ воду кладено, искушаемо: *продохомъ сквозь огнь и воду...* Златомъ дорогія вещи покупаются, и за златникъ вѣры чего же не купишь? Если бы кто имѣлъ того духовнаго злата вѣры такъ много, какъ велико есть зерно горчицы, купилъ бы себѣ таковую силу, которою бы могъ горы представляти. *Аще имате вѣру, яко зерно горчишчно, речете горт сей: двинися и верзися въ море, и будетъ тако*⁴ (Матѳ. 21, 21). Какъ святая вѣра сравнивается съ золотомъ, такъ и Богъ-Троица сравнивается также съ золотомъ. „Золото въ глубокихъ, закрытыхъ нѣдрахъ родится, не скоро его кто найдетъ, а божество св. Троицы кому открыто? Кто его дознатися и възскати можетъ?.. Злато полированное прекраснымъ блескомъ блещетъ, иногда какъ бы солнечныя изъ себя издаетъ отбѣны; а божество св. Троицы, о какихъ пресвѣтлыхъ лучей, неизреченнаго сіянія есть исполнено! котораго сіянія малую часточку, на Фаворѣ оказанную, и святыхъ очи не могли възрѣти... Злато людей обогащаетъ, и божество св. Троицы богатствомъ даровъ своихъ исполняетъ весь свѣтъ“. Первымъ златникомъ проповѣдникъ называетъ вѣру въ Бога Отца; изображеніе на этомъ златникѣ — образъ Ноя съ голубицею и масличною вѣтвію, что значитъ спасеніе міра. Вторымъ златникомъ называется вѣра въ Бога Сына; изображеніе на немъ — Исаакъ, несущій бремя, что значитъ: Сынъ Божій понесъ на себѣ бремя грѣховъ нашихъ. Третій златникъ — вѣра въ Бога Духа Святаго, на немъ изображеніе голубя съ серебряными крыльями и огнь во храмѣ свидѣнія, на алтарѣ всегда горящій, ибо Духъ Святой въ видѣніи голубя и въ видѣ огня сходитъ. Все слово имѣетъ символическій характеръ и наполнено разными сближеніями новозавѣтныхъ писаній съ ветхозавѣтными, духовныхъ предметовъ съ предметами вещественными¹⁾. Есть, наоборотъ, цѣлыя слова и поученія, гдѣ св. Димитрій излагаетъ глубокія истины отъ начала и до конца

1) Порфирьевъ. Истор. Русск. Слов. 690—691.

простымъ языкомъ въ общедоступныхъ и наглядныхъ, взятыхъ изъ окружающей дѣйствительности, картинахъ и образахъ. Такъ, въ поученіи на недѣлю Мироносиць, изъ текста: *Иисуса ищите Назарянина распятаго; воста, нѣсть здѣ* (Марк. 16, 6), проповѣдникъ имѣетъ въ виду указать, гдѣ Христосъ нынѣ обитаетъ. Сначала онъ замѣчаетъ, что при исканіи Христа, надобно имѣть осторожность, чтобы, вмѣсто истиннаго Христа, не найти ложнаго, какъ это случилось съ раскольниками, которые, ища Христа и правой вѣры, оставляютъ свои дома и бѣжатъ въ пустыню (въ лѣса Брынскіе) „будто бы Христосъ и яже вѣра въ Него сидитъ нѣгдѣ въ лѣсу за колодою“. Затѣмъ, ища Христа, проповѣдникъ останавливается прежде всего на храмѣ. Храмъ и создается для Христа, но христіане часто дѣлаютъ изъ него вертепъ разбойниковъ. „Соберутся людіе въ церковь будто бы на молитву, а между собою молвятъ и празднословятъ о внѣшнихъ, или о куплѣ, или о бранехъ, или о пиршествахъ, или кого осуждаютъ, или ругаются кому и хульными словесы добрую ближняго славу разбиваютъ, и творятъ храмъ Божій не храмъ Божій, но вертепъ разбойникомъ“... „Бѣ то время, егда Господь нашъ сотворилъ бичъ отъ вервій, и изгна вся продающія и купующія въ церкви. О, аще бы нынѣ видимо пришелъ во храмъ свой съ бичемъ онѣмъ! Не всѣхъ ли бы изгналъ вонъ молвящихъ и сквернословящихъ, и скверная мыслящихъ, и чтенію и пѣнію не внимающихъ? Но, о Господи! уже то Твое время прошло, когда Ты изгонялъ безчинниковъ отъ святаго твоего храма; нынѣ наше окаянное время настало: уже мы Тебя изгоняемъ, а храмъ твой въ вертепъ разбойниковъ претворяемъ, и уже иногда рещи есть о храмѣ Господнемъ: нѣсть здѣ Бога; былъ да пошелъ прочь: воста, нѣсть здѣ“¹⁾ Выбравъ главнымъ предметомъ своихъ поученій обязанности христіанской жизни, св. Димитрій допускалъ частныя изліянія религіознаго чувства: учительный тонъ проповѣди у него нерѣдко переходитъ въ лиризмъ, и она разрѣшается въ молитву, произносимую отъ имени пастыря или паствы²⁾.

1) Тамъ же. 693 стр.

2) Галаховъ. Исторія русск. слов. I ч. 387 стр.

Четы-Минеи нужно признать важнѣйшимъ литературнымъ трудомъ св. Димитрія Ростовскаго. На составленіе ихъ онь посвятилъ цѣлыя 20 лѣтъ. Работа эта начата была въ Кіевѣ, гдѣ сознавалась тогда настоятельная потребность въ описаніи житій святыхъ православной Церкви. Малороссія, вслѣдствіе частыхъ татарскихъ погромовъ и войнъ съ Литвою и Польшею, лишилась почти всѣхъ литературныхъ памятниковъ и въ томъ числѣ житій святыхъ. Книжные люди восполняли этотъ недостатокъ легендами на польскомъ и латинскомъ языкахъ, нерѣдко несогласными съ духомъ православія. Необходимо было дать имъ православную редакцію житій и на славянскомъ языкѣ. Объ этомъ думали и заботились еще Петръ Могила и Иннокентій Гизель, которые успѣли только достать нѣкоторые матеріалы для составленія житій: съ Афона были выписаны книги Симеона Метафраста, греческаго писателя X вѣка, который занимался собираніемъ житій святыхъ, а изъ Москвы—Великія Четы-Минеи митрополита Макарія. Эти труды вмѣстѣ съ отдѣльными патериками и прологами и послужили источниками для Четій-Миней св. Димитрія, которыя названы „Малыми“ только въ отличіе отъ „Великихъ“, или „Макарьевскихъ“, на самомъ же дѣлѣ заключаютъ обширный агіологическій, литургическій, гомилетическій и историческій матеріалъ. Кромѣ жизнеописаній святыхъ, онѣ содержатъ въ себѣ синаксари на многіе праздники, поучительныя слова и отдѣльныя историческія разсужденія. Четы-Минеи св. Димитрія Ростовскаго составляютъ 12 книгъ, по числу мѣсяцевъ въ году; книги эти собраны въ четырехъ частяхъ, по три мѣсяца въ каждой, и выходили въ свѣтъ по мѣрѣ изготовленія каждой четверти: въ 1689, 1695, 1700 и 1705 годахъ. Проникнутыя духомъ истинной вѣры и благочестія, онѣ сдѣлались любимымъ чтеніемъ православныхъ христіанъ.

„Розыскъ о раскольнической Брынской вѣрѣ“ написанъ св. Димитріемъ въ обличеніе раскола, проникшаго въ Ростовъ и Ярославль изъ Брынскихъ лѣсовъ (Калужской губ.). Розыскъ состоитъ изъ трехъ частей. Въ первой части авторъ доказываетъ, что вѣра раскольниковъ не можетъ быть названа правой: истина вѣры не въ старыхъ книгахъ и иконахъ, не въ ось-

миконечномъ крестѣ, не въ двоеперстіи и не въ седемеричномъ числѣ просфоръ на литургіи; не можетъ быть признава она и старой, потому что не сохраняетъ въ чистотѣ древнихъ догматовъ православія, явилась недавно и уже раздѣлилась на множество толковъ. Во второй части св. Димитрій говоритъ о раскольническихъ учителяхъ, о ихъ самозванствѣ и невѣжествѣ. Въ третьей—развиваетъ мысль, что добрыя дѣла раскольниковъ не имѣютъ никакой цѣны, такъ какъ совершаются внѣ святой Церкви. Разбирая заблужденія раскольниковъ, святитель въ то же время старается разъяснить, въ чемъ состоитъ истинная вѣра и истинная христіанская жизнь. Въ свое время „Розыскъ“ считался лучшимъ сочиненіемъ по обличенію раскола.

Изъ *духовныхъ драмъ* св. Димитрія Ростовскаго извѣстны слѣдующія шесть: „Рождество Христово“, „Воскресеніе Христово“, „Грѣшникъ кающійся“, „Есфирь и Агасеръ“, драма „Успенская“ и драма „Дмитріевская“. Написанныя въ Малороссіи, онѣ были потомъ разыгрываемы воспитанниками ростовской семинаріи. Лучшею считается „Рождественская“ драма. Она состоитъ изъ пролога, 18-ти явленій и эпилога. Предметъ ея—рождество Спасителя, поклоненіе пастырей и волхвовъ, избіеніе виледемскихъ младенцевъ и наказаніе Ирода. Въ прологѣ актеры испрашиваютъ у архіерея благословеніе на представленіе драмы. Въ пьесѣ много аллегорическихъ лицъ: Натура людская, Надежда, Кротость, Любовь, Ненависть, Злоба, Зависть, Жизнь, Смерть и т. п. Всѣ они ведутъ между собою длинные разговоры о судьбѣ человѣка, о его слабостяхъ, порокахъ и добродѣтеляхъ и т. д. „Всѣ эти безконечныя разсужденія выведенныхъ аллегорическихъ лицъ для насъ кажутся необыкновенно скучными; но они имѣли совсѣмъ другое значеніе для той публики, для которой писались. Для тогдашнихъ зрителей они представляли весьма живое реальное содержаніе. Мы не должны забывать нравственной фізіономіи этихъ зрителей. Ихъ умственный и нравственный кругозоръ былъ еще слишкомъ неширокъ и требовалъ самой реальной образности. Нравы зрителей были такъ же грубы, какъ ихъ пища, одежда, вся обстановка. Эта публика съ удовольствіемъ смотрѣла, какъ охотникъ, промахнувшійся на

бою съ дикимъ медвѣдемъ, на глазахъ у всѣхъ дѣлался жертвою своего противника: медвѣдь раздавливалъ охотника, разрывалъ на части когтями, объѣдалъ ему руку, голову,—и обо всемъ этомъ зрители дѣлали лишь лаконическое замѣчаніе: „медвѣдь его (охотника) ѣлъ“... Такъ въ 1619 году дикій медвѣдь ѣлъ коннаго псаля Петрушку, въ 1620 псарю Кондрашкѣ медвѣдь изъѣлъ руку, а его товарищу Сенькѣ изъѣлъ голову, въ 1627 г. медвѣдь дралъ истопника Илью и т. д. Во всѣхъ сферахъ общественной жизни еще слишкомъ мало было признаковъ общественности. Выслушать въ лицахъ моральные уроки было для такого общества въ высшей степени полезно¹⁾. Въ пьесѣ замѣтны попытки къ изображенію народно-бытовыхъ картинъ. Такова сцена Виолеемскихъ пастырей. Двое изъ нихъ, Авраамъ и Аеоня, пошли въ городъ купить хлѣба и зашли на кружало. Третій, Борисъ, оставшійся при стадѣ, соскучившись ждать, пошелъ отыскивать ихъ и вскорѣ встрѣтилъ. Пастухи сѣли, пьютъ вино и закусываютъ. Вдругъ они слышатъ пѣніе и съ изумленіемъ, съ кусками во рту („кусы въ ротахъ“, сказано въ пьесѣ), долго смотрятъ одинъ на другого. Наконецъ Аеоня говоритъ, что это поютъ птички.

Борисъ и Авраамъ: Е! е! е! видимъ, видимъ.

Аеоня: А што? правда, птички?

Авраамъ: Братъ, кажется, робятка стоятъ невелички?

Аеоня: Судари! и хто видалъ робяты съ крылами?

Птицы то залетѣли межъ облаками:

Етакъ бы хорошенько робята не пѣли.

Смотри, смотри: невидно, вотъ и полетѣли“.

Является ангелъ, возвѣщаетъ пастырямъ о рожденіи Спасителя и посылаетъ ихъ поклониться Ему. Пастыри недоумѣваютъ, но убѣжденные ангеломъ, начинаютъ наряжаться. Затѣмъ изображается самое поклоненіе пастырей. Пришедши къ вертепу, Борисъ говоритъ:

Постойте же вы здѣсь, я посмотрю пойду,

Есть ли въ ясляхъ реченный, и снова къ вамъ приду.

Есть, братцы, есть и не спитъ, и матушка сидитъ,

Ангелы поютъ, и старъ Іосифъ тамъ стоитъ.

Ходѣмъ; я сважу: здравствуй; ты рцы: милость пошли,

А ты скажи; прости намъ, что ни съ чимъ пришли“.

¹⁾ Архангельскій. Истор. хр. Покровскаго. Вып. III. 480—481.

Потомъ каждый изъ пастырей кланяется Спасителю и говоритъ привѣтствіе. Первый напр., Борисъ, говоритъ:

„Здравствуй, о Спасителю нашъ, нынѣ рожденный,
Самовольно въ ясляхъ смренъ положенный!
И подушечки нѣту, одѣяльца нѣту,
Чимъ бы тебѣ согрѣтися, нашему свѣту!
На небѣ, якъ сказуютъ, въ тебѣ палатъ много;
А здѣсь что въ вертепишку лежиши убого,
Въ ясляхъ, на остромъ сѣнѣ, между бун скоты,
Няща себя сотворивъ, всѣмъ даяй щедроты.
Это намъ деревенскимъ здѣ лежаша прилично,
А тебѣ, Спасителю, этакъ необычно“.

Въ эпилогѣ актеры благодарятъ зрителей за вниманіе, привѣтствуютъ ихъ съ „народленнымъ“ Христомъ и просятъ простить, если чѣмъ нибудь „согрѣшили въ дѣйствѣ“.

„Молитвенныя размышленія“ св. Димитрія въ прозѣ и стихахъ выражаютъ чувства христіанина, вызванныя размышленіями о страстяхъ Христовыхъ. Сюда относятся: „Молитва, или краткое страстей Христовыхъ воспоминаніе“, „къ Магдалинѣ, плачущей у ногъ Христовыхъ“, „Плачь на погребеніе Христова“. Высокаго лиризма исполнены также стихотворныя „канты“, въ которыхъ изливается любовь чистой христіанской души къ Господу Спасителю. За эти пѣснопѣнія Церковь величаетъ святителя „духовною цѣвницею“.

Григорій Котошихинъ и Юрій Крижанничъ. Среди литературныхъ памятниковъ XVII вѣка видное мѣсто занимаютъ своеобразныя сочиненія Котошихина и Крижанича, представляющія собою живое изображеніе и критическій разборъ разнообразныхъ явленій государственной, общественной и частной жизни на Руси.

Григорій Котошихинъ, или Кошихинъ, былъ подъячимъ „посольскаго приказа“ въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Во время польской войны, начавшейся въ 1660 году, онъ принужденъ былъ бѣжать изъ Россіи. Воевода кн. Долгорукій, при которомъ состоялъ тогда на службѣ Котошихинъ, потребовалъ отъ него ложнаго доноса на прежнихъ воеводъ, князей Трубецкаго и Прозоровскаго. Котошихинъ не хотѣлъ быть орудіемъ низкой клеветы, и опасаясь мести со стороны Долгору-

каго, бѣжалъ въ Польшу, оттуда въ Пруссію и наконецъ въ Швецію, гдѣ получилъ позволеніе поселиться въ Стокгольмѣ. Здѣсь, по желанію шведскаго государственнаго канцлера, графа Магнуса Делагарди, который хотѣлъ ознакомиться съ внутреннимъ бытомъ сосѣдней державы, Котошихинъ и написалъ (въ 1666—67 г.) свои замѣчательныя записки о Россіи. Сочиненіе это тогда же было переведено на шведскій языкъ. Подлинная рукопись автора хранится въ библіотекѣ Упсальскаго университета. Найденныя тамъ лишь въ 1837 г., записки Котошихина въ первый разъ были изданы у насъ въ 1840 г., подъ заглавіемъ: „О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича“. Изображенная эпоха представляетъ собой интересъ, какъ заключительный періодъ въ развитіи древне-русской жизни, какъ переходная ступень къ новому государственному и общественному строю, къ реформамъ Петра Великаго. Русское общество, въ огромномъ большинствѣ своемъ, еще продолжаетъ слѣпо и упорно держаться предрасудковъ и обычаевъ старины, давно утративъ патріархальныя доблести своихъ предковъ; но уже въ немъ начинаютъ появляться отдѣльныя личности, которыя подъ вліяніемъ разумнаго усвоенія западной цивилизаціи, приходятъ къ мысли о несостоятельности этихъ устарѣвшихъ формъ жизни. Знакомство съ учрежденіями и нравами европейскихъ народовъ помогло Котошихину яснѣе видѣть темныя стороны русской дѣйствительности, а независимое положеніе внѣ Россіи дало ему возможность открыто и смѣло выражать свои сужденія. Онъ говоритъ большею частію безпристрастно, судитъ зрѣло и обдуманно,—и въ словахъ его слышны скорбь и сожалѣніе о тѣхъ порокахъ и недостаткахъ, которыми страдала въ то время Русская земля. Замѣчательная живость изложенія придаетъ еще большій интересъ его запискамъ.

Сочиненіе Котошихина состоитъ изъ 13 главъ. Особенно интересны: 1, 2, 7 и 13 гл. Первая: „о царяхъ, царицахъ, царевичахъ и царевнахъ“. Здѣсь кратко излагается исторія московскихъ государей отъ Іоанна IV до Алексѣя Михайловича; авторъ подробно описываетъ коронованіе послѣдняго, его женитьбу и свадебный чинъ; потомъ рассказываетъ о покаяхъ царскихъ, о рожденіи и воспитаніи царскихъ дѣтей, о

преставленіи царей и царицъ, словомъ, изображаетъ весь домашній бытъ царя. Глава вторая „о царскихъ чиновныхъ и всякихъ служилыхъ людяхъ“. Глава седьмая „о приказахъ“ представляетъ любопытныя подробности о тогдашней администраціи и судопроизводствѣ. Особенно интересна тринадцатая глава „о житіи бояръ думныхъ и ближнихъ, и иныхъ чиновъ людей“; въ ней изображается жизнь боярская: пиры, обѣды, брачныя обычаи: сватовство и смотръ невѣсты, сговоры и рядныя записи, вѣнчаніе, свадебныя обѣды и подарки, подмѣны невѣстъ и расторженіе браковъ. Описанію боярскаго сословія: его спесивости и лѣни, невѣжества, взяточничества и др. недостатковъ—Котошихинъ посвящаетъ большую часть своей книги. Такъ, онъ увѣряетъ, что во время посольствъ послы нерѣдко записываютъ въ своихъ статейныхъ спискахъ вовсе не тѣ рѣчи, которыя ими дѣйствительно были говорены на посольствѣ, а другія, присочиненныя—„выславляючи (такую ложью), говоритъ Котошихинъ, свой разумъ на обманство, чрезъ чтобъ достать у царя себѣ честь и жалованье большое; и не срамляются, прибавляетъ онъ, того творити, понеже царю о томъ кто на нихъ можетъ о такомъ дѣлѣ объявить?“—„Для чего такъ творятъ?“—спрашиваетъ авторъ и отвѣчаетъ: „для того: россійскаго государства люди породю своей спесивы и необычайныя (неспособны, непривычны) ко всякому дѣлу, понеже въ государствѣ своемъ поученія никакого добраго не имѣютъ и не приемятъ, кромѣ спесивства“, и проч. Далѣе Котошихинъ говоритъ, что они „для науки и обычая (т.-е. для пріобрѣтенія опытности) въ иныя государства дѣтей своихъ не посылаютъ“, и что вообще выѣздъ московскимъ людямъ за границу былъ затрудненъ даже по торговымъ дѣламъ. Высшіе классы московскіе, отличаясь спесивостью и славясь только своими богатствами и породю, коснѣли въ грубомъ невѣжествѣ, и многіе изъ самыхъ породистыхъ бояръ, засѣдавшихъ въ государственной думѣ, по словамъ автора, сидѣли въ царскомъ совѣтѣ, „брады своя уставя и ничего не отвѣщая, понеже царь жаловалъ многихъ бояръ не по разуму ихъ, но по великой породѣ, и многіе изъ нихъ грамотѣ не ученые и не студерованныя“. Въ старинныхъ судахъ русскихъ свирѣпство-

вало сильное взяточничество, по увѣренію Котошихина, несмотря на то, что было положено за то наказаніе и что судьи „чинили крестное цѣлованіе (присягали) съ жестокимъ проклинательствомъ, что посуловъ (взятокъ) не имати и дѣлатъ все по правдѣ и по закону; но, прибавляетъ Котошихинъ, ни во что ихъ вѣра и заклинательство, и наказанія не страшатся отъ прелести (отъ соблазна) очей своихъ и мысли содержати не могутъ, и руки свои ко взятію скоро допускаютъ“... Съ неменьшею горечью и рѣзкостью говоритъ авторъ о жестокости пытокъ и уголовныхъ наказаній, о многочисленныхъ случаяхъ, за которые подвергались тогда смертной казни и мужчины и женщины; о затворничествѣ женщинъ, начиная съ царскихъ сестеръ и дочерей, которыя по словамъ Котошихина, „живутъ яко пустыницы, мало зряху людей, и ихъ люди“; о несчастныхъ бракахъ, происходившихъ вслѣдствіе обмановъ при выдачѣ дѣвушекъ замужъ: „а такого у нихъ обычая не повелось, говоритъ авторъ, какъ въ иныхъ государствахъ, смотрѣти и уговариватися временемъ съ невѣстою самому“; о совершенномъ невѣжествѣ женщинъ: „московскаго государства женскій полъ неученъ и не обычай тому есть“, говоритъ онъ. Пересказывая подобные факты и сужденія, Котошихинъ повторяетъ неоднократно: „благоразумный читателю! чтучи (читая) сего писанія, не удивляйся,—правда есть тому всему“¹⁾... Основная мысль, которая проходитъ чрезъ все сочиненіе Котошихина, заключается въ томъ, что главнѣйшею причиною всѣхъ бѣдствій русскаго народа и правительства служитъ невѣжество, отсутствіе науки и недостатокъ просвѣщенія древней Руси, происходящіе вслѣдствіе ея отчужденія отъ „иныхъ государствъ“. Въ запискахъ Котошихина есть нѣсколько выдуманныхъ и невѣрно переданныхъ фактовъ: онъ напр. говоритъ, что царь Михаилъ Ѳеодоровичъ имѣлъ сына Димитрія, котораго въ младенчествѣ отравили бояре за обнаруженную имъ склонность къ жестокости; что митрополитъ Алексѣй, по возвращеніи изъ плѣна, запретилъ русскимъ воевать съ крымскими Татарами и т. п. Извѣстно, что у царя Михаила

¹⁾ Карауловъ. Очерки Истор. Русск. Лит. 232—233.

не было сына, по имени Димитрія; что митрополитъ Алексѣй путешествовалъ въ Золотую орду не плѣнникомъ, а миротворцемъ, и что крымскаго ханства въ XIV в., при жизни св. Алексѣя, не существовало. Несмотря на подобные недостатки, записки Котошихина это лучший источникъ для изученія русской государственной и общественной жизни въ XVII вѣкѣ. Языкъ записокъ простой, весьма близкій къ народно-разговорной рѣчи.

Юрій Крижаничъ, католическій священникъ, родомъ былъ хорватскій сербъ. Онъ родился въ 1617 году въ австрійскихъ владѣнiяхъ, въ Загребѣ, и по своему происхожденiю принадлежалъ къ одному изъ древнихъ знатныхъ, но обѣднѣвшихъ родовъ. Первоначальное образованiе онъ получилъ у себя на родинѣ. Его замѣчательныя способности обратили на него вниманiе Загребскаго епископа Винковича, который отправилъ Юрія сначала въ Вѣнско-Хорватскую семинарiю, а оттуда въ Болонью для изученiя высшихъ, преимущественно юридическихъ наукъ. Отсюда въ 1640 году онъ уже по собственному желанiю, увлекаясь идеей унii, утправился въ Римъ и здѣсь вступилъ въ коллегiю св. Аванасiя, учрежденную папами для распространенiя унii между православными. Въ Римѣ Крижаничъ сошелся съ нѣкоторыми выходцами изъ Польши и Россii и при помощи ихъ ознакомился съ языкомъ русскимъ и церковно-славянскимъ, а также получилъ и первыя свѣдѣнiя о Россii и русскомъ народѣ. Позднѣе идея религiозной унii смѣнилась у Крижанича пылкой мечтой объ унii политической. Болѣя сердцемъ о тяжелой участи своей отчизны и другихъ славянскихъ земель, подъ гнетомъ Турокъ и Нѣмцевъ, онъ пришелъ къ мысли о созданiи громаднаго всеславянскаго государства подъ непосредственнымъ главенствомъ Россii. „На тебѣ одномъ, писалъ впоследствии Крижаничъ въ одномъ изъ своихъ сочиненiй, обращаясь къ Алексѣю Михайловичу, пресвѣтлый царь, попеченiе о всемъ славянскомъ народѣ. Ты, какъ отецъ, долженъ нести заботу и чинить промыселъ о разсыпанныхъ дѣтяхъ, да соберешь ихъ воедино. Ты одинъ поставленъ отъ Бога, да пособишь задунайцамъ и ляхамъ и чехамъ; да начнутъ они промышлять о просвѣщенiи и сбрасыванiи нѣмец-

каго ига". Увлекаемый идеей панславизма, Крижаничъ, запасшись обширными свѣдѣніями въ политико-экономическихъ наукахъ и славянскихъ нарѣчіяхъ, послѣ путешествія по городамъ и странамъ западной Европы, въ 1658 году прибылъ въ Россію. „Меня прозвали скитальцемъ, бродягой, волокитой (*vagum, volocitum*), пишетъ онъ, несправедливо. Я пришелъ къ тому царю, который одинъ въ мірѣ былъ царемъ моего рода и языка; я пришелъ къ націи своей, къ народу своему собственному. Я пришелъ туда, гдѣ единственно мои произведенія и труды могутъ найти употребленіе, могутъ принести плодъ". Сначала онъ жилъ въ Малороссіи, въ Нѣжинѣ (до октября 1659 г.), затѣмъ пріѣхалъ въ Москву. Здѣсь онъ имѣлъ въ виду указать на недостатки въ жизни и общественномъ строѣ русскаго народа, пробудить въ русскихъ сознаніе своей народности, познакомить ихъ съ единоплеменниками и разоблачить „обмапы“ иностранцевъ относительно Славянъ. Но въ Москвѣ Крижаничу не посчастливилось: 20 января 1661 года онъ былъ сосланъ въ Тобольскъ. Причины ссылки точно неизвѣстны. Одни думаютъ, что Крижаничъ пострадалъ за рѣзкія сужденія о Московскомъ государствѣ; другіе предполагаютъ, что онъ могъ возбудить къ себѣ недовѣріе и опасенія, какъ римскій католикъ. Нѣкоторые, наконецъ, причину ссылки Крижанича видятъ въ той горячности, съ которой молодой хорватъ возставалъ противъ прибывавшаго въ Россію греческаго духовенства, обличая его своекорыстіе и злоупотребленія щедростію русскихъ людей. Въ Сибири Крижаничъ пробылъ 15 лѣтъ и здѣсь написалъ свои важнѣйшія сочиненія. По смерти Алексѣя Михайловича, въ 1676 году онъ былъ возвращенъ изъ ссылки. Дальнѣйшая судьба его неизвѣстна.

Въ ссылкѣ Крижаничъ находилъ утѣшеніе въ своихъ ученыхъ занятіяхъ, посвященныхъ вопросамъ, тѣсно связаннымъ съ его любимыми славяно-фильскими планами. Здѣсь написаны его важнѣйшія сочиненія: „Русское государство во второй половинѣ XVII в. 1), „О промыслѣ“ и „Изысканія о славянской

1) Такъ озаглавлено это сочиненіе его издателемъ, проф. Безсоновымъ; у самаго же автора, въ рукописи, оно носитъ заглавіе: „Разговоры объ владательству (объ управленіи)“.

грамматикѣ“. Особенный интересъ представляетъ первое изъ этихъ сочиненій: „Русское государство“, иначе „Политика“. Содержаніемъ его служатъ разсужденія и изслѣдованія автора о внутреннемъ устройствѣ и внѣшней политикѣ государства вообще и русскаго въ особенности. Планъ сочиненія такой: сначала идеальное представленіе предмета, какимъ онъ долженъ быть; потомъ указаніе явленій, противорѣчащихъ этому идеалу; наконецъ, выясненіе способовъ и средствъ къ устраненію замѣченныхъ недостатковъ. Методъ изслѣдованія сравнительный: русскій народъ авторъ сопоставляетъ съ другими народами и такимъ путемъ раскрываетъ его достоинства и недостатки, излагая при этомъ свои теоріи общественнаго и государственнаго устройства. Форма изложенія нерѣдко діалогическая. Языкъ „Политики“ хорватскій, но съ русскими словами и особенностями; нѣкоторые отдѣлы написаны полатыни. Сочиненіе это дѣлится на три части: 1) о народномъ и державномъ благѣ и богатствѣ, 2) о силѣ державной и 3) о мудрости державной. Въ *первой* части Крижаничъ говоритъ сначала вообще о богатствѣ, а затѣмъ даетъ подробныя и обстоятельныя указанія средствъ, способствующихъ къ его увеличенію: онъ много пишетъ о торговлѣ, ремеслахъ, земледѣліи и добываніи металловъ. Цѣль автора не изображеніе какихъ нибудь новыхъ способовъ обогащенія государственной казны, а только указаніе на ложные и нечестные способы и совѣтъ, какъ можно и нужно пользоваться способами истинными, честными и полезными. Во *второй* части своей „Политики“ Крижаничъ говоритъ о внѣшней, военной силѣ русскаго государства. Сила эта, по его мнѣнію, заключается не только въ хорошихъ матеріальныхъ сооруженіяхъ, въ устройствѣ крѣпостей, въ усовершенствованіи оружія, но и въ болѣе надежныхъ твердыняхъ нравственныхъ: въ довольствѣ подданныхъ, въ народномъ согласіи и т. п. Разсуждая о качествахъ войска, онъ доказываетъ, что, храбрость не прирождена человѣку, а зависитъ отъ упражненія, искусства, образованія и больше всего отъ хорошаго управленія. Самое главное условіе успѣховъ войска—Божія помощь и кроткое управленіе. Крижаничъ подробно объясняетъ, чѣмъ нужно руководиться

при выборѣ полководца; при этомъ онъ особенно настаиваетъ на необходимости выбирать начальника для войска непременно изъ своего народа, туземца: „ни сынъ, ни внукъ инородниковъ“, по его мнѣнію, не можетъ быть полководцемъ. Въ *третьей*, самой обширной и самой важной, части политики авторъ разсуждаетъ о мудрости вообще и въ частности о мудрости политической. Говоря о мудрости вообще, онъ замѣчаетъ: „Высшій даръ человѣка есть разумъ; дѣятельность разума выражается въ мудрости, мудрость же пріобрѣтается ученіемъ и книгами. При живыхъ совѣтникахъ государямъ нужны еще лучшіе совѣтники мертвые—книги; книги не увлекаются ни алчностью, ни враждою, ни любовью, книги не ласкательствуютъ, не боятся повѣдать истину“. „Никто не можетъ сказать, говоритъ онъ, что намъ, Славянамъ, опредѣленіемъ неба закрыть путь къ знанію, какъ будто бы мы не могли и не должны были усвоивать себѣ науки; и другіе народы не въ одинъ день и годъ, но мало-по-малу учились отъ другихъ; такъ и мы можемъ научиться, если захотимъ и постараемся. И теперь именно время учиться, потому что Богъ возвысилъ на Руси государство славянское, какого прежде никогда не было въ нашемъ племени; у иныхъ народовъ мы видимъ, что въ то время и начинаютъ цвѣсти науки, когда государство достигаетъ наибольшей силы. Скажутъ: между мудрыми рождаются ереси, и потому мы не должны учиться мудрости. На это отвѣчаю: Магометъ не былъ мудръ и никакихъ мудрыхъ бесѣдъ и хитростей не выдумалъ, а крайнюю глупость написалъ въ своихъ книгахъ, а между тѣмъ наплодилъ ересь, болѣе всѣхъ распространившуюся по свѣту. А на Руси ересь встала развѣ не отъ глупыхъ, некнижныхъ мужиковъ?... Отъ мудрости ереси искореняются, а отъ невѣжества пребываютъ во вѣки... Святые отцы были мудры, а не зачинали ересей, но ратовали противъ нихъ... Отъ огня, воды, желѣза умираютъ многіе, а между тѣмъ люди не могутъ жить безъ нихъ; также точно и мудрость потребна людямъ“. Разсуждая о разныхъ родахъ мудрости и знанія, Крижаничъ особенно останавливается на мудрости политической. Основаніе этой мудрости заключается въ познаніи народомъ самого себя: „познай самъ

себя и не вѣруй инородникомъ“. Пристрастіе къ иностранцамъ и ко всему иноземному, иначе *ксеноманія*, или *чужебѣсія*, какъ выражается Крижановичъ, и презрѣніе къ своему родному составляетъ, по его мнѣнію, господствующую черту въ характерѣ, Славянъ вообще и Русскихъ въ частности. Въ этой слабости нашей нужно искать причины постигающихъ насъ многоразличныхъ бѣдствій. „Сія смертоносная болѣзнь, говоритъ онъ, заразила весь нашъ народъ. Неисчислимы бѣдствія и срамоты, какія терпѣлъ и терпитъ весь нашъ народъ отъ чужебѣсія, т. е. отъ того, что мы чрезмѣрно довѣрчивы къ иноземцамъ и допускаемъ ихъ дѣлать въ своей землѣ все, что они хотятъ“. Иностранцы сводятъ насъ съ ума краснорѣчіемъ, красотой, изнѣженностью и любезностью; ихъ острый разумъ, мудрость, хитрость, чрезвычайная лесть и ругательства насъ обманываютъ, прельщаютъ и глупятъ; ихъ неискреннее сердце, наглость и алчность обнищаютъ насъ“. Самыми сильными врагами Славянъ онъ считаетъ Нѣмцевъ. „Ни одинъ народъ подъ солнцемъ, говоритъ онъ, искони вѣковъ не былъ такъ осрамленъ и изобиженъ, какъ мы, Славяне, отъ Нѣмцевъ“. Но, упрекая Русскихъ и Славянъ въ крайнемъ пристрастіи къ иноземному и иноземцамъ, Крижановичъ иногда впадаетъ въ крайность—въ излишнее порицаніе иноземцевъ. Въ этой крайности онъ доходитъ даже до того, что проповѣдуетъ напр. изгнаніе иностранцевъ, требуетъ не допускать иностранныхъ купцовъ во внутреннія области, не принимать на службу ни одного иностранца, не давать ни одному права гражданства. Къ народнымъ порокамъ, кромѣ „чужебѣсія“, онъ относитъ: лѣность, расточительность и рядомъ съ нею скудость, пированіе, пьянство и излишнее гостепріимство, жестокость къ подвластнымъ, недостатокъ благородной гордости, неумѣренность во власти, какъ слѣдствіе той же склонности къ крайностямъ, гибельную охоту мѣшаться въ чужія дѣла и несогласіе между собою. Нарисовавъ картину печальнаго положенія русскихъ и другихъ славянъ и предложивъ мѣры къ улучшенію, Крижановичъ переходитъ далѣе къ свѣтлымъ сторонамъ нашей народной жизни, причемъ болѣе всего останавливается на Россіи; какъ будущей освободительницѣ и объединительницѣ славянскихъ племенъ. Главную при-

чину благосостоянія Россіи онъ справедливо усматриваетъ въ неограниченномъ самодержавіи: „это жезлъ Моисеевъ, говоритъ онъ, которымъ царь можетъ дѣлать всякія чудеса, потому что при этомъ правленіи легко могутъ быть исправлены всѣ ошибки, недостатки и утверждены всякія хорошія постановленія“. „Самодержавіе восхваляютъ греческіе философы и св. отцы. При самодержавіи „болѣе всего извершается общая правда“ и легче сохраняется покой и согласіе народа; этотъ способъ правленія самый безопасный, а главное, онъ подобенъ Божьему управленію, потому что Богъ есть первый самодержецъ всего міра, а самодержавные цари—его намѣстники“. Остановившись на самодержавіи, какъ на самомъ лучшемъ образѣ правленія, Крижаничъ разбираетъ его далѣе со стороны своего идеала и отклоняющейся отъ послѣдняго дѣйствительности, при чемъ касается всевозможныхъ сторонъ государственной жизни: законодательства, сословныхъ правъ и т. д., примѣняя все это въ частности къ государству русскому ¹⁾.

Конечно, Крижаничъ прежде всего былъ сыномъ своего времени, его мысли, идеи сложились подъ вліяніемъ его времени, обстоятельствъ его жизни и его пылкой, возвышенной натуры. Въ своихъ разсужденіяхъ онъ иногда впадаетъ въ крайности и увлеченія; стремясь вывести славянъ изъ ихъ печальнаго положенія на новую дорогу, желая произвести улучшенія (или лучше указать для этого средства) во всевозможныхъ проявленіяхъ жизни Русскихъ и другихъ Славянъ, онъ высказываетъ иногда мысли, не выдерживающія критики и не осуществимыя для того времени. Но это все неудивительно, если обратить вниманіе на то, что ему одному, безъ указаній предшественниковъ, безъ помощи и совѣтовъ современниковъ, нужно было коснуться такой массы вопросовъ, такой массы проявленій и недостатковъ общечеловѣческой, а въ частности славяно-русской жизни, указать средства и способы исправленія, реформъ... Безукоризненно исполнить все это одному человѣку—немыслимо; а потому вполне извинительны тѣ недостатки, которые встрѣчаются въ „Политикѣ“ Крижанича. Но во всякомъ слу-

¹⁾ Истор. Хр. Покровскаго. Вып. III. 621 стр.

чаѣ для литературы весьма важна идеальная сторона „Политики“, какъ проявленіе высшихъ, поэтическихъ, такъ сказать, сторонъ духа ея знаменитаго автора ¹⁾).

Въ тѣсной связи съ сочиненіемъ „Русское государство“ находится и книга Крижанича „о Промыслѣ“. Въ ней онъ излагаетъ свои государственныя теоріи, свой взглядъ на исторію и свои понятія о внутренней и внѣшней жизни народовъ. Государственная теорія Крижанича, изложенная въ книгѣ „о Промыслѣ“, отличается богословскимъ характеромъ. Въ исторической жизни народовъ, въ устройствѣ ихъ обществъ и государствъ, дѣйствуетъ, по его ученію, божественный Промыслъ, который или даетъ счастье или посылаетъ бѣдствія народамъ, соотвѣтственно ихъ добродѣтелямъ или грѣхамъ. По этому самому и книга его, въ подлинной рукописи, озаглавлена такъ: „о Промыслѣ Божіемъ, или о причинѣ побѣдъ и поражений“, т. е., о счастливомъ или бѣдственномъ состояніи государствъ. „Грѣхами“ онъ называетъ всѣ нестройныя явленія въ жизни государствъ и народовъ и занимается подробнымъ перечисленіемъ этихъ „грѣховъ“, ихъ подраздѣленіемъ и объясненіями, какъ за тотъ или за другой „грѣхъ“ постигаютъ извѣстный народъ различныя бѣдствія и несчастія. Все это авторъ подтверждаетъ множествомъ библейскихъ и другихъ историческихъ примѣровъ. При разборѣ явленій русской государственной и народной жизни въ книгѣ о „Русскомъ государствѣ“ Крижаничъ постоянно имѣетъ въ виду свою теорію и прилагаетъ ее къ явленіямъ русской жизни ²⁾).

Въ своей грамматикѣ Крижаничъ излагаетъ правила языка общеславянскаго, языка, который былъ бы понятенъ всѣмъ Славянамъ, хотя онъ называетъ этотъ языкъ и грамматику русскими. Онъ оправдываетъ такое названіе, во-первыхъ, исторіею славянскихъ племенъ, а во вторыхъ, свойствами русскаго языка. Русское племя, по мнѣнію Крижанича, было центральнымъ славянскимъ племенемъ, отъ котораго вышли и образовались прочіе славянскіе народы; потому имя „Русскихъ“ должно служить общимъ именемъ для всѣхъ славянскихъ пле-

¹⁾ Маркевичъ. Тамъ-же 123 стр.

²⁾ Карауловъ. Очерки Исторіи Русск. Литер. 636 стр.

мень. Названіе Русскаго прилично, по мнѣнію Крижанича, общеславянскому языку еще и потому, что прочіе Славяне, покоренные другими народами, потеряли, одни—цѣлую треть, другіе—даже половину своего языка; а въ Россіи, оставшейся свободною, первоначальный славянскій языкъ сохранился неиспорченнымъ и удержалъ все свое первоначальное богатство и построеніе. Языкъ древняго славянскаго перевода св. Писанія, по мнѣнію Крижанича, всего ближе подходитъ къ языку русскому.

Въ нашей старинной литературѣ сочиненія Крижанича представляютъ явленіе исключительное. Они не суть плодъ русской почвы; они написаны человѣкомъ не русскаго воспитанія, хотя искренно преданнымъ благу Россіи. Крижаничъ, воодушевляемый высокими стремленіями на пользу Россіи, обязанъ однако своимъ развитіемъ европейскому вліянію и европейской образованности, а не Россіи, гдѣ онъ не могъ получить ни такого развитія, ни образованія. Его произведенія могутъ считаться русскими лишь потому, что они появились въ Россіи и написаны для Русскихъ ¹⁾. Въ этомъ отношеніи, да и судьбой своей на Руси, онъ нѣсколько напоминаетъ собою другого, тоже чуждаго Русской землѣ по своему происхожденію и образованію, знаменитаго литературнаго дѣятеля, Максима Грека.

Имя Крижанича должно быть дорого русскому сердцу. Его глубокій патріотизмъ, его самоотверженная преданность дѣлу возрожденія славянскихъ народовъ заслуживаютъ особеннаго уваженія. Вся его дѣятельность, всѣ разсужденія, всѣ мысли вытекали изъ его страстной любви къ славянству.

Повѣсть о Горѣ-Злочастіи. Въ одномъ изъ рукописныхъ сборниковъ XVII в. г. Пыпинымъ, извѣстнымъ ученымъ и знаткомъ русской словесности, въ 1856 году было найдено полународное, полу-литературное произведеніе, подъ заглавіемъ: „Повѣсть о Горѣ-Злочастіи, какъ Горе-Злочастіе довело молодца во иноческій чинъ“. Въ сборникъ повѣсть занесена сплошными, какъ проза, строками; но стихотворный складъ ея не подлежитъ сомнѣнію и напоминаетъ форму тягучей былинной рѣчи. Ко-

¹⁾ Тамъ-же 239 стр.

стомаровъ раздѣлилъ ее на стихи, которыхъ въ повѣсти насчитывается болѣе 450 ¹⁾. По содержанію повѣсть о Горѣ-Злочастіи дѣлится на двѣ неравныхъ части. Въ *первой* всего лишь 47 стиховъ; она служитъ какъ бы вступленіемъ къ дальнѣйшему повѣствованію и содержитъ краткое воспоминаніе о грѣхопадении прародителей ²⁾, о преслушаніи ими заповѣди Божіей, какъ началъ всякаго непослушанія на землѣ: „и пошло, говорится въ повѣсти, зло племя человѣческое непокорливо, къ отцову ученію зазорчиво, къ своей матери непослушливо и къ совѣтному другу обманчиво“. *Вторая* часть начинается родительскими наставленіями: отецъ и мать научаютъ добра молодца уму-разуму; они говорятъ сыну, чтобы онъ не ходилъ во пиры и братчины, не пилъ двухъ чаръ вмѣсто единой; не знался съ костарями (игроками въ кости) и корчемниками, а знался съ мудрыми и разумными и друзьями надежными. Но сынъ тогда былъ еще молодъ и глупъ, несовершенъ разумомъ: стыдно было ему своему отцу покориться, своей матери поклониться; захотѣлось жить, какъ самому любо. Наживалъ молодецъ пятьдесятъ рублей, находилъ пятьдесятъ друзей, честь его какъ рѣка текла. Но не взявъ отъ отца съ матерью благословенія великаго, своевольный сынъ нашелъ плохую опору въ дружбѣ. Его названный братъ, милъ надеженъ другъ прельстилъ молодца рѣчами прелестными, напоилъ его замертво, далъ ему добрый совѣтъ, чтобы онъ гдѣ пилъ, тутъ и спать ложился, и соннаго обобралъ до чиста. Проснулся на другой день молодецъ и видитъ: подъ буйну голову положенъ кирпичъ, самъ накрытъ онъ „гункою“ ³⁾, въ ногахъ лежатъ лапотки-отопочки, а мила друга и близко нѣтъ. Закручинился добрый молодецъ:

1) „Гимназія“. 1896 г. Ноябрь—Декабрь. 3 стр.

2) Замѣчательно, что здѣсь, вмѣсто ветхозавѣтнаго яблока, грѣхопаденіе совершается при посредствѣ „плода винограднаго“: „Прельстился Адамъ съ Евою, позабыли заповѣдь Божию, вбусали плода винограднаго“. Такое отступленіе отъ библейскаго повѣствованія, по мнѣнію Буслаева, вполне согласно съ апокрифическими сказаніями и древне-русскими живописными изображеніями. Въ рассказываемой повѣсти оно имѣетъ тѣсную связь съ дальнѣйшимъ ея содержаніемъ, гдѣ изображается страданіе добраго молодца отъ *виннаго питія*.

3) Кусокъ грубаго холста, отренье. У малороссійскихъ козаковъ *гуней* называлась конская попона. Ц. Полевой. Истор. Русск. Лит. 232 стр. прим.

Ясти-кушати стало нечего!
 Какъ не стало деньги, ни полуденьги,
 Табъ не стало ни друга, ни полудруга!

Стыдно ему явиться къ отцу, къ матери, къ своему роду-племенн,—и пошелъ онъ въ чужую дальнюю сторону. Здѣсь молодецъ попадаетъ къ добрымъ людямъ на „честенъ пирь“:

Пришелъ молодецъ на честенъ пирь,
 Крестилъ онъ лице свое бѣлое,
 Поклонился чуднымъ образомъ.
 Билъ челою онъ добрымъ людямъ
 На всѣ четыре стороны.
 А что видятъ молодца люди добрые,
 Что гораздъ онъ крестится,
 Ведеть онъ все по писанному ученію,
 Емлютъ его люди добрые подъ руки,
 Посадили его за дубовый столъ.

Пирь въ самомъ разгарѣ, но добрый молодецъ сидитъ скорбенъ, нерадостенъ, онъ не пьетъ и не ѣстъ ничего. Его спрашиваютъ о причинѣ грусти, и тутъ, на дальней сторонѣ, онъ признается, что ослушался наставленія родительскаго и навлекъ на себя Божій гнѣвъ:

Государи вы, люди добрые!
 Скажу я вамъ про свою пужду великую,
 Про свое ослушанье родительское...
 Язъ какъ принялся за питье за пьяное,—
 Ослушался язъ отца своего и матери:
 Благословеніе мнѣ отъ нихъ мнновалося;
 Господь Богъ на меня разгнѣвался.

Молодецъ проситъ у чужихъ людей наставленія, какъ ему жить на дальней сторонѣ, и добрые люди даютъ ему полезные совѣты. Отсюда молодецъ пошелъ еще дальше, сталъ жить умѣючи, и нажилъ имѣнія больше прежняго. Онъ уже задумалъ было жениться и нашелъ себѣ невѣсту, но на бѣду возгордился своими достатками и однажды на пиру похвалился, что нажилъ на чужой сторонѣ „живота больше стараго“.

А всегда гнило слово похвальное,
 Похвала живеть человѣку пагуба,

прибавляетъ повѣсть. Откуда ни возмись, подслушало Горезлочастіе похвалбу молодецкую. „Не хвались ты, добрый молодецъ, своимъ счастіемъ—говорить это страшилище про се-

бя ¹⁾),—были у меня люди, и мудрѣе и досужѣе тебя; до смерти со мною боролися, во зломъ злосчастіи позорилися; не могли у меня, Горя, уѣхать“. Излукавилось Горе-Злочастіе и явилось молодцу во снѣ; оно научаетъ его отказаться отъ невѣсты, которая будто бы хочетъ отравить его изъ-за серебра и золота, и начать прежнюю разгульную жизнь. Молодецъ не вѣритъ Горю; тогда оно снова является ему во снѣ, на этотъ разъ уже въ образѣ архангела Михаила, и настойчиво совѣтуетъ ему покинуть свою невѣсту и прогулять всѣ свои недостатки: такъ будетъ лучше: Горе за нагимъ не погонится. Тому сну молодецъ повѣровалъ и пошелъ проживать „свои животы“. Онъ спустилъ все, что имѣлъ, сталъ нищъ и нагъ, и вотъ скрываясь отъ своихъ, снова идетъ скитаться по чужой сторонѣ. Подошелъ молодецъ къ рѣкѣ, заплатитъ за перевозъ нечѣмъ, а даромъ перевозить его никто не хочетъ; сидитъ молодецъ и пригорюнился:

Ахти мнѣ Злочастіе-горинское!
 До бѣды меня, молодца, домыкало...
 Ино кинусь я, молодецъ, въ быстру рѣву:
 Полощи мое тѣло, быстра рѣка!
 Ино ѣйте, рыбы, мое тѣло бѣлое!

Но только что хочетъ молодецъ самовольною смертію покончить свое горемычное житье-бытье, какъ вдругъ изъ-за камня является предъ нимъ Горе во всемъ своемъ отвратительномъ видѣ:

Босо, наго, нѣтъ на Горѣ ни пятнышки,
 Еще лычкомъ Горе подпоясано —

и обращается къ молодцу съ своими грозными увѣщаніями: „ты не хотѣлъ покориться отцу съ матерью, хотѣлъ жить какъ тебѣ любо; а кто своихъ родителей не слушаетъ, того выучу я, Горе—Злочастное! Покорись же теперь ты мнѣ, *Горю нечистому*; поклонись мнѣ до сырой земли: нѣтъ меня, Горя, мудрѣе на семь свѣтъ“ ²⁾). Видитъ молодецъ неминуемую бѣду, поклонился онъ Горю *нечистому*. За то оставило оно ему одно утѣшеніе: „не будь въ горѣ кручиновать, сказало оно, въ горѣ жить не кручинну быть“. Стало молодцу какъ будто легче, под-

¹⁾ Буслаевъ. Истор. Очерки Русск. народной Словесности и Искусства. I т. 550 стр.

²⁾ Тамъ-же, 551 стр.

скочилъ онъ, идетъ по красному по бережку и думаетъ: „когда у меня нѣтъ ничего, и тужить мнѣ не о чемъ“. Онъ затанулъ даже „хорошую напѣвочку“, въ которой звучало какое-то надтреснутое веселье:

Безпечальна мати мени породила,
Гребешкомъ кудерцы расчесывала,
Драгими порты ¹⁾ меня одѣяла
И отшедь подь ручку посмотрела:
Хорошо-ли мое чадо въ драгихъ портахъ?
А въ драгихъ портахъ чаду и цѣны нѣту!
Какъ бы до вѣку она такъ пророчила! и т. д.

Эта молодецкая горемычная попѣвочка такъ полюбилась перевозчикамъ, что они не только даромъ перевезли молодца, но еще накормили, напоили его и дали одежду крестьянскую. Добрые люди совѣтуютъ ему воротиться къ отцу, къ матери и принять отъ нихъ благословеніе родительское. Молодецъ послушался ихъ совѣта, и пошелъ было на родину; но Горе не хочетъ его оставить:

Полетѣлъ молодецъ яснымъ соколомъ,
А Горе за нимъ бѣлымъ кречетомъ;
Молодецъ полетѣлъ сизымъ голубемъ,
А Горе за нимъ сѣрымъ ястребомъ;
Молодецъ пошелъ въ поле сѣрымъ волкомъ,
А Горе за нимъ съ борзыми выжлецы (собаками);
Молодецъ сталъ въ полѣ ковыль-травой,
А Горе пришло съ косою вострою,
Да еще Злочастіе надъ молодецъ посмѣялось:
Быть тебѣ, травонька, посѣченной
И буйны вѣтры быть тебѣ развѣяной.
Молодецъ пошелъ пѣшь дорогою,
А Горе подь руку подь правую:
Научаетъ молодца богато жить—
Убиты и грабиты,
Чтобы молодца за то повѣсили.

Нѣтъ конца издѣвательству Горя: то оно совѣтовало молодцу прожить все свое имѣніе, а теперь, когда у него нѣтъ ничего, проницески злобно подзадориваетъ его *богато жить*. Тогда молодецъ, не видя для себя среди этихъ злключеній никакого исхода, „спамятуетъ спасенный путь“ и идетъ въ монастырь

¹⁾ Одеждами.

„постригаться“. Здѣсь нѣтъ мѣста Горю печистому, и злобный демонъ оставляетъ измученнаго имъ человѣка:

А Горе у святыхъ воротъ остается,
Къ молодцу впредь не привяжется.

Этимъ заканчивается повѣсть: „сему житію конецъ мы вѣдаемъ“, говоритъ авторъ и заканчиваетъ свой рассказъ молитвеннымъ обращеніемъ къ Богу: „избави, Господи, вѣчныя муки, а дай намъ, Господи, свѣтлый рай! Во вѣки вѣковъ. Аминь“¹⁾.

Неизвѣстенъ авторъ этой прекрасной повѣсти: подобно пѣвцу „Слова о полку Игоревѣ“ онъ умолчалъ о себѣ, не поставивъ своего имени ни подъ текстомъ рассказа, ни въ какомъ-либо послѣсловіи. Но несомнѣнно, что повѣсть въ своемъ законченномъ видѣ есть произведеніе отдѣльнаго лица: слѣды книжной обработки въ общемъ планѣ и отдѣльныхъ частяхъ ясно указываютъ здѣсь на личное творчество. Основу же поэтического склада повѣсти нужно искать въ произведеніяхъ устной, народной словесности. Духъ народной поэзіи чувствуется въ каждомъ словѣ этой печальной повѣсти, чувствуется въ ея образахъ, въ ея заунывномъ мотивѣ, хватающемъ за самыя живыя и чувствительныя струны русскаго сердца. Повѣсть эта стоитъ въ самой тѣсной, органической связи съ народными сказаніями и пѣснями о „Горѣ“ и „Нуждѣ“, въ которыхъ эти стороны человѣческаго бытія такъ же точно олицетворяются и почти такъ же наглядно выражаются, какъ и страшное преслѣдующее молодца Горе Злочастіе. Эти произведенія народной фантазіи должны были оказать непосредственное вліяніе на безыменнаго автора разбираемой повѣсти, должны были запастъ въ его душу, и подъ вліяніемъ его личнаго творчества, возбуждаемаго тягостными условіями современной дѣйствительности, должны были явиться въ формѣ новаго и прекраснаго произведенія, которому суждено было рядомъ съ другимъ произведеніемъ, „Словомъ о п. Игоревѣ“ занять видное мѣсто въ исторіи нашей древне-русской литературы. Оба эти

¹⁾ *Аминь* является обычнымъ заключительнымъ словомъ въ памятникахъ нашей древней письменности, не только духовной, но и свѣтской. Такъ поставлено это слово въ житіи пр. Феодосія Печерскаго, въ Паломникѣ Данила, въ Моленіи Заточника, въ Словѣ о полку Игоревѣ и др.

памятника,—не смотря на полное несходство въ содержаніи, не смотря на принадлежность къ двумъ совершенно различнымъ эпохамъ древне-русской жизни, вполне объединяются въ ихъ отношеніи къ почвѣ безыскусственной народной словесности ¹⁾).

Содержаніе этой повѣсти широко захватываетъ бытовую область древне-русской жизни. Взглядъ древне-русскаго человѣка на силу родительскаго благословенія, „на вѣки нерушимаго“, на святость власти родительской и семейнаго начала и на житіе иноческое—составляетъ важнѣйшую сторону этого глубоко-трогательнаго произведенія. Своеволью вышелъ несчастный молодецъ изъ своей семьи, отказался онъ отъ отца съ матерью, отъ роду и племени, и такое нарушеніе священныхъ узъ семьи и рода повлекло за собой неминуемыя бѣдствія. Не хотѣлъ покориться молодецъ своимъ родителямъ, и за то долженъ былъ поклониться и покориться Горю нечистому. Мысль о почитаніи отца и матери находитъ себѣ ясное выраженіе въ произведеніяхъ русской словесности, начиная отъ стародавней эпохи народнаго творчества. „Русскій богатырскій эпосъ, говоритъ проф. Незеленовъ, высоко ставитъ семейное начало, и наши богатыри отличаются любовью и уваженіемъ къ родителямъ. Илья Муромецъ ѣдетъ на подвиги не иначе, какъ съ благословенія отца. Добрыня Никитичъ благоговѣнно уважаетъ мать; онъ простилъ Алешу Поповича за себя, когда тотъ обманомъ хотѣлъ жениться на его женѣ Настасьѣ Микуличнѣ; но онъ не прощаетъ Алешу за то, что онъ заставляетъ плакать его мать, привезя изъ поля ложное извѣстіе о Добрыниной смерти. Даже буйный Новгородскій удалецъ Василій Буслаевичъ, не знающій удержа своей грубой силѣ и своимъ страстямъ, даже онъ уважаетъ мать: она одна только могла остановить устроенное имъ на Волховскомъ мосту смертное побоище; ее онъ послушалъ и укротилъ свое сердце. Собираясь подъ старость ѣхать въ Святую землю, онъ къ ней же пришелъ за благословеніемъ“ ²⁾). Кто уходилъ самовольно изъ семьи, пренебрегалъ благословеніемъ родительскимъ, тотъ,

¹⁾ Полевой. Исторія Русск. Лит. 230 стр.

²⁾ „Гимназія“. 15 стр.

подобно горемычному молодцу въ повѣсти о Горѣ-Злочастіи, несъ, по сознанію русскаго человѣка, на душѣ своей тяжелый грѣхъ. Гдѣ же искать спасенія? Во мракѣ порока и прочихъ бѣдствій, среди всяческихъ грѣховъ и заблужденій древне-русскому человѣку „свѣтился одинъ только свѣтлый лучъ, но онъ былъ такъ живителенъ, по словамъ Буслаева, такъ могущественъ, что уже достаточно было его одного, чтобы опознаться на темномъ и тяжкомъ поприщѣ жизни, и узрѣть *путь спасенія*. Не одинъ этотъ добрый молодецъ находилъ себѣ утѣшеніе и силу въ искренней, глубокой вѣрѣ: ею всегда была крѣпка наша Русь, ею одною спасалась она въ старыя времена отъ тѣхъ наважденій духа тьмы, которыми смущалась нечистая совѣсть нашего добраго молодца“¹⁾).

Такимъ образомъ, въ основѣ повѣсти о Горѣ-Злочастіи, сложенной подъ вліяніемъ древне-русской церковной нисъменности, лежитъ та глубокая христіанская идея, что бѣдствія въ жизни человѣческой бываютъ естественнымъ послѣдствіемъ грѣха, уклоненія отъ путей правды и закона Божія, а потому и „спасеный путь“ нужно искать въ покаяніи и нравственномъ самоисправленіи.

Н. Протопоповъ.

---

¹⁾ Буслаевъ. Истор. Очерки. I т. 593 стр

Англійская религіозная литература въ 1896 году.

(БИБЛОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАМѢТКА).

Въ послѣднее время, и у насъ, и за границею, много говорили о томъ религіозномъ возбужденіи среди англичанъ, которое предшествовало и за тѣмъ совпадало съ національнымъ торжествомъ шестидесятилѣтняго юбилея ихъ королевы императрицы. Это возбужденіе выразилось въ многочисленныхъ народныхъ митингахъ, въ религіозныхъ конгрессахъ, частныхъ и общихъ, въ стремленіи войти въ общеніе съ древними церквами, римскою или восточною, и въ особенности въ богословской литературѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что жизнь того или другого народа всего вѣрнѣе отражается въ его литературѣ, поэтому въ литературѣ же надобно искать отображенія и того религіознаго возбужденія англичанъ, которое еще такъ недавно громко заявляло себя повсюду и отголоски котораго слышатся еще и теперь. Именно богословская литература англичанъ всего лучше можетъ охарактеризовать намъ это возбужденіе и показать его дѣйствительныя совершенства и недостатки.

Впрочемъ изъ обширной области этой литературы, мы желали бы указать только на сочиненія, или непосредственно предшествовавшія или совпадавшія съ національнымъ юбилейнымъ торжествомъ англичанъ (таковы сочиненія 1896 года), и служившія какъ бы прологомъ къ этому торжеству. Да и изъ этихъ сочиненій мы ограничимся указаніемъ лишь на тѣ, которыя или наиболѣе рельефно характеризуютъ это религіозное возбужденіе, или носятъ на себѣ типическія черты англійской религіозности вообще.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1897 года англичане готовились праздновать шестидесятилѣтній юбилей своей любимой королевы императрицы Викторіи. Много великихъ событій и переворотовъ совершилось во всемъ цивилизованномъ мірѣ съ тѣхъ поръ, какъ юная королева въ 1837 году вступила на англійскій престолъ. Бурно проносились въ Европѣ революціи, разрушались государства, падали государи и гибли цѣлыя династїи, а англійская королева, по словамъ „Церк. Вѣстн.“, какъ „очарованная царица“, спокойно и безмятежно возсѣдала на своемъ тронѣ. Но этого мало. Въ теченіе продолжительнаго царствованія королевы императрицы, Англія, сравнительно съ прежнимъ временемъ, достигла небывалаго могущества, величія и блеска. По свидѣтельству статистическихъ данныхъ, англійскій языкъ распространился съ удивительною быстротою и въ настоящее время на немъ говорятъ или его понимаютъ сотни милліоновъ людей, англійскій флотъ покрываетъ всѣ моря, англійскія владѣнія существуютъ во всѣхъ частяхъ свѣта, англійская торговля уже давно прїобрѣли міровое значеніе, англійская цивилизація не знаетъ предѣловъ. Не могло ли все это внушить англичанамъ самаго высокаго мнѣнія о себѣ, какъ о народѣ особенномъ, избранномъ и преимуществующемъ предъ всѣми остальными народами? „Будущее неизвѣстно, еще не такъ давно говорилъ Чарльзъ Дилкѣ въ Парламентѣ, но есть вѣроятіе, что англосаксонская цивилизація со временемъ поглотитъ всѣ остальные“.

На встрѣчу этому національному самомнѣнію и самопревозношенію пошла и англійская богословская литература. Надобно было доказать, что высокія преимущества англичанъ подтверждаются и словомъ Божіимъ. И эти доказательства были найдены въ близкомъ и даже племенномъ сродствѣ съ народомъ богоизбраннымъ. Не говоритъ ли ап. Павелъ въ посланіи къ римлянамъ: „не хочу оставить васъ, братія, въ невѣдѣніи о тайнѣ сей (чтобы вы не мечтали о себѣ), что ожесточеніе произошло во Израилѣ отчасти, до времени, пока войдетъ полное число язычниковъ“; но что „весь Израиль спасется, какъ написано: прїидетъ отъ Сїона Избавитель, и отвратитъ нечестіе отъ Іакова“ (Рим. 11, 25—26)? Это спасеніе, а вмѣстѣ съ нимъ и

всѣ божественныя обѣтованія, несомнѣнно принадлежатъ англичанамъ, какъ потомкамъ или близкимъ родственникамъ десяти израильскихъ племенъ, принявшихъ христіанскую вѣру. Откуда же это видно? Извѣстно, что происхожденіе британской націи совпадаетъ съ появленіемъ въ Европѣ народовъ, пришедшихъ вслѣдъ за скивами. Событія эти произошли, приблизительно, въ 725 году до Р. Х., то есть, именно въ то время, когда цари ассирійскіе увели въ плѣнъ десять колѣнъ израильскихъ, когда колѣна эти сошли съ исторической сцены и объ ихъ дальнѣйшей судьбѣ долго ничего не было извѣстно. А между тѣмъ этотъ затерянный Израиль не могъ погибнуть. Напротивъ, согласно съ древними пророчествами, онъ долженъ былъ стать народомъ „многочисленнымъ и могущественнымъ“ (Осія), „монархіей“, „народомъ на островѣ, съ многочисленными и обширными колоніями“, „народомъ, исповѣдующимъ новый законъ“, т. е., народомъ христіанскимъ, и „долженъ стать извѣстнымъ подъ другимъ именемъ“, а не подъ своимъ прежнимъ (Исаія). Именно къ этимъ десяти колѣнамъ, а не къ колѣнамъ Іуды и Левія, образовавшимъ изъ себя царство Іудейское, относится слѣдующее обѣтованіе Божіе: „Благословляя благословлю тебя, умножая и умножу сѣмя твое, какъ звѣзды небесныя и какъ песокъ на берегу моря; и овладѣтъ сѣмя твое городами враговъ твоихъ, и благословятся о сѣмени твоёмъ всѣ народы земли за то, что ты послушался голоса Моего“ (Быт. XII, 17—18). Какъ же совершилось превращеніе израильтянъ въ англичанъ? Очень просто. Разсѣянный Израиль, поселившійся въ разныхъ мѣстахъ, сдѣлался родоначальникомъ нѣсколькихъ племенъ. Отъ этихъ родоначальниковъ возникло племя саксонское, которое, такимъ образомъ, должно быть признаваемо не германскаго и даже арійскаго происхожденія, а семитическаго, и должно быть отождествляемо съ израильскими колѣнами, уведенными въ неволю. Эти саксы прошли чрезъ земли, занимаемыя нынѣ Россією и Скандинавією, и овладѣли Британскими островами, населенными въ то время кельтами. Израильтянами надобно признавать и датчанъ, которые пришли въ Европу позднѣе и сохраняютъ названіе родоначальника своего Дана. Какъ ни страненъ, сомнителенъ и даже совер-

шенно не вѣроятенъ этотъ историческій тезисъ, тѣмъ не менѣе для защиты его въ Англии существуетъ цѣлая историческая школа религіозно-политическаго характера. Но и этого мало. Въ англійской литературѣ стали доказывать, что потомство еврейскаго царя Давида перешло въ страну, которую ветхозавѣтные пророки называли „Западными островами“ и которые суть не что иное, какъ два большіе острова, образующіе нынѣ соединенное королевство Англии съ Шотландіей и Ирландіей. Послѣдній царь іудейскій Седекія, умершій въ неволѣ, не оставилъ по себѣ иного потомства, кромѣ дочерей. Чтобы спасти ихъ, Господь Богъ повелѣлъ пророку Іереміи перевезти ихъ на Западные острова и вмѣстѣ съ ними перевезти сокровища храма Іерусалимскаго. Судно Іереміи пристало къ Ирландіи, гдѣ царь Эохандъ женился на одной изъ дочерей Седекіи. Ихъ потомство царствовало сначала въ Ирландіи, затѣмъ перешло въ Шотландію и, наконецъ, въ Англию, въ лицѣ Іакова I Стюарта (въ Шотландіи Іакова VI). Нынѣ царствующая королева Англии, происходя отъ внучки Іакова I, является прямою нисходящею представительницею рода древнихъ королей Ирландіи и Шотландіи. Родственная связь англичанъ съ евреями подтверждается и нѣкоторыми общими у нихъ обычаями. Такъ священный камень, на которомъ коронуются короли Англии въ Весминстерскомъ аббатствѣ, есть тотъ камень, на которомъ помазывались цари іудейскіе. Онъ перевезенъ былъ пророкомъ Іереміею въ Ирландію и на немъ въ первый разъ короновался Эохандъ, и затѣмъ всѣ его преемники. Поставленный сначала въ Ирландіи, камень былъ перевезенъ затѣмъ на островъ Іона, гдѣ короновались на немъ первые короли шотландскіе; позднѣе онъ былъ перемѣщенъ въ королевскій дворецъ въ Скоуѣ и оставался тамъ до 1297 г. Въ означенномъ году Эдуардъ I, король Англии, вторгся въ Шотландію, овладѣлъ священнымъ камнемъ и перевезъ его въ Лондонъ, гдѣ онъ и употребляется при коронованіи англійскихъ царственныхъ особъ. Родство англичанъ съ древними евреями доказывается также и тѣмъ, что знамя Израиля развѣвается нынѣ на башнѣ королевскаго дворца въ Виндзорѣ. Царь Эохандъ первый принялъ царское знамя Израиля, со

львомъ Іуды, а лира Давида перешла въ гербъ Ирландіи, гдѣ она остается и до сихъ поръ. Это знамя перешло и въ англійскій королевскій штандартъ, гдѣ въ первой части герба находится левъ колѣна Іудина. Родственная связь англичанъ съ древними евреями доказывается также сходствомъ въ характерахъ сѣверныхъ пиратовъ съ разбойниками Палестины, аналогіею въ англійскихъ единицахъ мѣры длины и вѣса съ древними еврейскими единицами, нѣкоторыми коренными словами еврейскаго происхожденія и т. п. Вообще въ указанное нами время много издано было сочиненій, доказывающихъ племенное родство англичанъ съ евреями и еврейское происхожденіе царствующей въ Англии династіи. Многіе журналы основаны исключительно для теоретической поддержки этого историческаго тезиса и между ними, повидимому, два главные суть: „Life from the dead“ (Жизнь отъ смерти) ¹⁾ и „The banner of Israel“ (Знамя Израиля). И всѣ эти книги и журналы, со многими богословами во главѣ, проповѣдуютъ, что королева Викторія происходитъ отъ царя Давида, а англичане—отъ еврейскаго расцѣпленія ²⁾. Трудно предположить, чтобы образованные англичане, а такихъ людей въ Англии достаточно, могли повѣрить подобнымъ историческимъ измышленіямъ, основаннымъ на пророческихъ перетолкованіяхъ, догадкахъ, предположеніяхъ, аналогіяхъ, филологическихъ гипотезахъ и т. п.; но этого нельзя сказать о многомилліонной массѣ простого народа, особенно принимая во вниманіе его своеобразную религіозность и превратную вѣру въ Библию. Достаточно сказать, что книги, доказывающія еврейское превосходство англичанъ предъ всѣми народами, расходятся въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ, а журналы: „Жизнь отъ смерти“ и „Знамя Израиля“ имѣютъ болѣе 300000 подписчиковъ каждый. Притомъ же идеи, распространяемыя этими книгами и журналами, такъ льстятъ народной гордости и, повидимому, подтверждаются историческими, политическими и бытовыми событіями. Нельзя наконецъ забывать и того, что эти идеи ищутъ себѣ опоры въ религіозныхъ вѣрованіяхъ на-

¹⁾ Названіе журнала заимствовано изъ пророчесвенныхъ словъ ап. Павла: Рим. гл. XI, ст. 15.

²⁾ См. „Нов. Врем.“ 1897 г. № 7730. Статья: *Союзъ англичанъ съ іудеями.*

рода, а эти вѣрованія, какъ и повсюду, особенно сильны въ народныхъ массахъ, чуждыхъ исторической критики.

Хотя весьма сомнительно превосходство англичанъ предъ всѣми народами, основанное на ихъ богоизбранности или сродствѣ съ древними израильтянами; тѣмъ не менѣе нельзя сомнѣваться въ томъ, что англичане по своему весьма религіозны. Не только за границей, но и у насъ говорятъ, что англійскій народъ отличается своеобразнымъ религіознымъ смысломъ.

Этотъ смыслъ находитъ свое выраженіе прежде всего въ практической религіозной дѣятельности, въ соблюденіи церковныхъ обрядовъ, въ благоговѣйномъ провозженіи праздничныхъ дней и въ особенности въ дѣятельности духовно-просвѣтительныхъ обществъ. Такъ изъ отчета „Общества религіозныхъ трактатовъ“ за 1896 годъ открывается, что оно, распространяя въ сотняхъ тысячъ старые трактаты, вмѣстѣ съ тѣмъ выпустило 658 новыхъ брошюръ и сочиненій. Доходъ его равнялся 1,200,000 р. на наши деньги, а расходъ—около 1,500,000 р.,—причемъ дефицитъ былъ покрытъ щедрыми пожертвованіями благотворителей. Еще болѣе извѣстно своею всемірною дѣятельностью „Британское и инославное библейское общество“. Изъ отчета его за 1896 г. открывается, что оно имѣло доходъ до 2,000,000 рублей на наши деньги и распространило въ теченіе года изъ Лондонскаго и другихъ складовъ до четырехъ милліоновъ экземпляровъ Библій, Новыхъ Завѣтовъ и отдѣльныхъ книгъ ¹⁾).

На ряду съ этою практическою религіозною дѣятельностію надобно отмѣтить и теоретическую дѣятельность англійскихъ богослововъ по Библиологіи. Извѣстно, что на Западѣ существуетъ критическая школа, отвергающая подлинность священныхъ книгъ, не говоря уже о суемудромъ толкованіи ихъ. Сущность ученія этой школы можетъ быть выражена въ слѣдующихъ немногихъ положеніяхъ. Выступая изъ произвольныхъ теорій, школа эта полагаетъ, что первоначально еврейскія племена жили разрозненною жизнію и каждое изъ нихъ имѣло своихъ особыхъ или отдѣльныхъ боговъ, съ особымъ или отдѣльнымъ культомъ. Но по мѣрѣ того, какъ от-

¹⁾ „Церк. Вѣстн.“. 1897 г., № 30.

дѣльные племена начали объединяться, ихъ культы тоже стали сливаться, и у евреевъ явился наконецъ одинъ національный богъ—Иегова. Такимъ образомъ все содержаніе библейскихъ книгъ состоитъ въ изложеніи того, какъ еврейскій національный Богъ постепенно вытѣснялъ племенныхъ боговъ и въ концѣ концовъ сталъ единственнымъ Богомъ, Иеговою. Сообразно съ этою произвольною теоріею, школа устанавливаетъ свой, будто бы болѣе естественный порядокъ священныхъ книгъ, по которому книги Моисея должны были появиться послѣ пророческихъ; потому что Законъ, согласно съ научными предположеніями, могъ явиться только послѣ дѣятельности пророковъ. Легко понять какое извращеніе всей священной исторіи должно получаться подъ вліяніемъ этой теоріи, не говоря уже о подлинности священныхъ книгъ и хронологическаго порядка ихъ, принятаго евреями и христіанами. Противъ этого то извращенія священной исторіи и вооружились англійскіе богословы, призвавши на помощь новѣйшія открытія по ассириологіи и египтологіи. Еще въ 1895 году на англійскомъ языкѣ появилось ученое изслѣдованіе подъ названіемъ: „Lex Mosaica. Законъ Моисея и современный критицизмъ.“ (Lex Mosaica. The Law of Moses and Higher Criticism). Книга написана пятнадцатью лицами, ученѣйшими богословами, профессорами и ориенталистами. Предисловіе къ этой книгѣ, трактующее о духѣ и и цѣли ея, написано епископомъ Лордомъ Гервеемъ и говоритъ, что задача книги состоитъ въ томъ, чтобы опровергнуть теорію поздняго происхожденія закона Моисея и доказать, что традиціонное представленіе о времени происхожденія пятокнижія вполне соотвѣтствуетъ научнымъ изысканіямъ настоящаго времени, что порядокъ законоположительныхъ и историческихъ книгъ не противоестественъ, а соотвѣтствуетъ дѣйствительной исторической послѣдовательности событій. Сочиненіе произвело прекрасное впечатлѣніе и, можно сказать, въ корнѣ подкопало раціоналистическую теорію. Къ подобнымъ же сочиненіямъ надобно причислить и появившееся въ 1896 году сочиненіе профессора Шотландскаго университета, пользующагося широкою извѣстностію, Джемса Робертсона. Его сочиненіе носитъ названіе: „Древняя религія Израиля“ (The early reli-

gion of Israel). Въ своемъ изслѣдованіи въ общемъ (но не въ частностяхъ) онъ становится на сторону традиціоннаго взгляда и раздѣляетъ убѣжденіе своихъ ученыхъ коллегъ. Его книга появилась и въ нѣмецкомъ переводѣ подъ заглавіемъ: „Die alte Religion Israels vor dem achten Iarhundert v. Chr. nach der Bibel und nach den modernen Kritiken. 1896“¹⁾.

Переходя отъ сочиненій по ветхозавѣтной исторіи къ сочиненіямъ, касающимся собственно вопросовъ христіанской религіи, прежде всего надобно указать на сочиненіе политическаго дѣятеля и члена парламента, Джемса Бальфура. Его сочиненіе носитъ названіе „Основы вѣры“ (The Foundations of Belief); оно переведено и на французскій языкъ подъ заглавіемъ: „Les bases de la croyance.“ Врагъ, котораго поражаетъ Бальфуръ, есть современный агностицизмъ или, какъ онъ называетъ его, натурализмъ. Извѣстно, что современный агностицизмъ хочетъ ограничить область нашего знанія одними лишь явленіями и законами природы, связывающими эти явленія. Агностицизмъ утверждаетъ, что единственная реальность, доступная нашему знанію, есть міръ нашихъ воспріятій, составляющій предметъ естественныхъ наукъ, и что міръ духовный совершенно не извѣстенъ намъ. Противъ этого врага Бальфуръ и направляетъ свои удары.

Въ первой части своего труда, подъ названіемъ: „Нѣкоторыя слѣдствія вѣры“, авторъ поставляетъ натурализмъ предъ лицомъ нравственности, эстетики и разума, и приходитъ къ слѣдующему заключенію. Натурализмъ превращаетъ нравственность въ каталогъ полезныхъ правилъ, красоту въ поводъ къ мимолетнымъ удовольствіямъ, разумъ въ перебѣжчика отъ одной системы къ другой; да и самъ разумъ, подобно самымъ грубымъ влеченіямъ нашей тѣлесной природы, при подобномъ возрѣніи, данъ намъ только для удовлетворенія нашихъ матеріальныхъ потребностей. Долгъ? Самопожертвованіе? Именно при посредствѣ этой хитрости природа побуждаетъ насъ совершать альтруистическіе поступки, имѣя въ виду не наше счастье, а бытіе тѣхъ, которые замѣнятъ насъ на землѣ. Та-

¹⁾ „Богосл. Вѣстн.“ 1897 г., Іюнь. См. статью С. С. Глаголева: „Религія, какъ предметъ историч. и философ. изученія“, стр. 433—434.

кимъ то способомъ природа побуждаетъ насъ къ безкорыстнымъ дѣйствіямъ, прикрывая свою хитрость покрываломъ, доставляемымъ нравственными чувствами.

Во второй части сочиненія подъ названіемъ: „Основы вѣры“, Бальфуръ доказываетъ несостоятельность эмпирической теоріи происхожденія вселенной. Его болѣе всего удивляетъ то, что эмпиризмъ утверждаетъ бытіе самой тѣсной связи между матеріализмомъ и наукой и усиливается усвоить имъ высшій авторитетъ надъ мыслью и совѣстью человѣчества! Да и идеализмъ не болѣе удовлетворяетъ человѣчество! Отсюда слѣдуетъ, что мы не обладаемъ ни метафизической, ни научной теоріей, могущей дать удовлетвореніе духу человѣческому. На этомъ основаніи „мы не должны держаться ни той, нѣкогда распространенной и односторонней точки зрѣнія, когда при дѣйствительныхъ или кажущихся разногласіяхъ религіи и науки, утвержденія науки отбрасывались, какъ еретическія; ни другой, равно наивной точкой зрѣнія, возникшей вслѣдствіе крайностей первой, будто всякое богословское утвержденіе сомнительно, если оно не подтверждается наукой, и даже ложно, если только оно не согласуется съ мнѣніями пользующихся славой ученых“.

Въ первыхъ двухъ частяхъ своего сочиненія авторъ достигаетъ своей цѣли путемъ отрицательнымъ. Третью часть своего труда онъ посвящаетъ положительному выясненію своего предмета. Теперь вниманіе автора обращено на „Авторитетъ и разумъ“. Долго существовало всеобщее мнѣніе будто *разумъ* и *право* эквивалентны въ отношеніи другъ къ другу и будто авторитетъ необходимъ только для ограниченныхъ умовъ и закоснѣлыхъ въ ханженствѣ. Съ этой точки зрѣнія полагали, что авторитетъ не имѣетъ никакихъ законныхъ правъ быть руководителемъ вѣры и разумъ можетъ благоразумно передѣлывать религіозныя вѣрованія человѣчества. Крайнее заблужденіе! Ни одно общество не могло бы существовать, если бы каждый изъ членовъ имѣлъ право поступать по принципамъ, которые онъ самъ себѣ составлялъ бы для себя „*de novo*“. Въ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія! Подобный порядокъ вещей никогда даже и не могъ бы возникнуть, потому что ни одинъ индивидуумъ не мо-

жетъ начать свою жизнь съ душой вполнѣ свободной отъ вліянія воспитанія и окружающей его среды. Руководство нашего разума въ жизни бываетъ весьма незначительно въ сравненіи съ могущественнымъ вліяніемъ авторитета и даже обычая, которые дѣйствуютъ на нашъ умъ даже безъ нашего вѣдома, будь это индивидуумы, члены семьи, партіи, націи или церкви. Развѣ не существуетъ какъ бы психологическая атмосфера, которой избѣжать мы не можемъ и которая составляетъ какъ бы ирраціональную основу, на которой возвышается знаніе нашихъ вѣрованій? Эта основа становится для насъ источникомъ, откуда мы ежечасно почерпаемъ матеріалъ для нашихъ дѣйствій. Вѣрованія и идеи, управляющія нами, мы усваиваемъ не при посредствѣ сознательнаго разума, но какъ даръ, получаемый нами по наслѣдству; однимъ словомъ, такимъ путемъ, на которомъ разумъ не принимаетъ никакого участія. И даже должно признать, что именно отъ авторитета разумъ и почерпаетъ самыя важныя послышки для своихъ умозаключеній.

Затѣмъ авторъ переходитъ къ четвертой части, въ которой, послѣ предварительныхъ философскихъ соображеній, касается изложенія идей, необходимыхъ для обоснованія богословскихъ воззрѣній.

Бальфуръ полагаетъ, что вѣра въ бытіе Бога живаго должна быть принимаема не только богословіемъ, но и наукой вообще. Если она будетъ признана въ богословіи, то вмѣстѣ съ тѣмъ она отразится и во всѣхъ остальныхъ наукахъ, этикѣ, эстетикѣ, юриспруденціи и пр. Принятая, какъ общій научный принципъ, она дастъ намъ отвѣтъ на самыя трудныя вопросы, которые не разрѣшимы для натурализма. Но мы не можемъ остановиться на одномъ лишь теизмѣ. Исключительно одинъ теизмъ, разрѣшая теоретическія затрудненія, не разрѣшаетъ нравственной загадки и не объясняетъ участія, принимаемаго въ насъ Богомъ. Да и не всѣ члены человѣческаго общества могутъ предаваться умозрительному анализу своей нравственной природы, которая только и можетъ дать намъ нѣкоторые отвѣты въ этомъ отношеніи. Кто же поможетъ намъ утвердиться въ той существенной истинѣ, что для Бога нравственное возрастаніе души человѣческой гораздо важнѣе, нежели сохраненіе тверди не-

бесной? Для достиженія этой цѣли дѣйствительное средство можно найти только въ христіанскомъ Откровеніи, въ высокомъ христіанскомъ ученіи о боговоплощеніи, со всѣми предшествующими и послѣдующими событіями. Вообще, сущность возрѣній нашего автора можно выразить въ слѣдующемъ общемъ выводѣ. И богословіе, и наука нуждаются въ предпосылкахъ, возвышающихся надъ опытомъ. И наука, какъ и богословіе, выступаютъ изъ предположеній не основанныхъ на опытѣ; а потому и возраженія, направляемая противъ основъ вѣры, могутъ быть еще въ большей степени примѣняемы противъ основъ самой науки.

До какой степени этотъ ученый трудъ произвелъ сильное впечатлѣніе на западѣ, можно видѣть изъ того, что онъ послужилъ поводомъ къ появленію большой статьи Берлинскаго профессора Кафтана въ журналѣ „Preussisch Jahrbücher“ подъ заглавіемъ: „Введеніе въ богословіе“, напечатанной потомъ отдѣльною брошюрою, спустя нѣсколько мѣсяцевъ. Кафтанъ богословъ—раціоналистъ, но и онъ, подобно Бальфуру, старается ограничить сферу вліянія естественныхъ наукъ и лишаетъ ихъ права юрисдикціи въ областяхъ философіи и богословія. Наконецъ и тотъ, и другой, желая установить основы для возведенія зданія своихъ наукъ, ссылаются на глубокія и нескоренимыя требованія человѣческой души въ богообщеніи.

Въ болѣе или менѣе близкой связи съ этимъ трудомъ стоитъ сочиненіе Ледлау: „Библейское ученіе о человѣкѣ“ (The Bible Doctrine of Man). Онъ хочетъ представить подлинное ученіе св. Писанія о человѣческой природѣ. Онъ отвергаетъ тройственный составъ человѣческой природы и утверждаетъ, на основаніи св. Писанія, что человѣкъ состоитъ изъ двухъ, такъ сказать, элементовъ; одного взятаго изъ земли и другаго, „введеннаго въ него Божественнымъ дыханіемъ“. Въ этомъ отношеніи Ледлау близко сходится съ православными богословами. Вотъ его основныя положенія. Въ Новомъ Завѣтѣ слова душа и духъ употребляются безразлично, и оба они взаимно опредѣляютъ внутреннюю природу человѣка. Для библейской психологіи слово духъ означаетъ, съ одной стороны, божественное происхожденіе самой физической жизни человѣка; а съ

другой стороны, глубочайшую сторону внутренней естественной жизни; наконецъ, по ученію ап. Павла, духовная жизнь примѣняется къ жизни возрожденной, т. е., той, посредствомъ которой чрезъ Иисуса Христа человѣкъ соединяется съ Богомъ. Что касается образа Божія, то онъ заключается въ разумѣ, совѣсти и личности. Божественный образъ, по которому былъ созданъ человѣкъ, долженъ быть мыслимъ нами, главнымъ образомъ, не какъ высшая чистая воля, но какъ совершенная любовь. Авторъ касается идеи о предсуществованіи Иисуса Христа и указываетъ на то, что отношеніе между предсуществовавшимъ Логосомъ и человѣчествомъ, какъ такое божественное предусмотрѣніе, по которому Логосъ долженъ былъ отъ вѣчности быть предопредѣленнымъ явить себя человѣчеству въ воплощеніи, весьма важно въ сотерологіи Новаго Завета. Онъ признаетъ также, что великія, еще не осуществившіяся обѣтованія Божіи, возвѣщенныя намъ въ св. Писаніи, соединены съ будущимъ откровеніемъ Сына Божія во вселенной, Его искупительнымъ подвигомъ и всеобщимъ возстановленіемъ падшей природы человѣческой. Онъ вполнѣ признаетъ христіанское ученіе о безсмертной душѣ и въ этомъ ученіи находитъ новое доказательство невозможности принимать тройственный составъ человѣческой природы. Онъ утверждаетъ, что безсмертіе есть фактъ, столько же подтверждаемый словомъ Божиимъ, какъ и здравымъ ученіемъ о человѣческой природѣ вообще.

Д-ръ Брандфордъ въ своемъ трудѣ „Наслѣдственность и христіанская проблема“ (Heredity and Christian Problems) тоже занимается изученіемъ природы человѣческой и затрагиваетъ весьма важные вопросы. Въ сущности его книга есть неудачная попытка примѣнить дарвиновскія идеи о наследственности къ христіанскому ученію о первородномъ грѣхѣ съ его послѣдствіями. Онъ послѣдователь Дарвина и Вейсмана, ученіе которыхъ ясно излагаетъ. Къ ихъ фактамъ онъ присоединяетъ еще извѣстное число фактовъ, добытыхъ собственнымъ опытомъ и наблюденіемъ. На основаніи этихъ фактовъ, онъ спрашиваетъ себя, какое вліяніе должны имѣть подобныя идеи на наши понятія о нравственной отвѣтственности? Онъ настолько увлекается своими идеями, что почти забываетъ христіан-

ское ученіе о Промыслѣ и во всякомъ случаѣ забываетъ о той великой истинѣ, что та же наслѣдственность, подѣ мудрымъ управленіемъ Промысла, была средствомъ приготовленія рода человѣческаго къ принятію Искупителя, къ нравственному возвышенію всѣхъ и упроченію культурныхъ благъ. Далѣе авторъ разсматриваетъ условія воспитанія, нищеты, пороковъ и преступленій. Затѣмъ онъ касается вопросовъ, относящихся къ нашему спасенію и къ Лицу Іисуса Христа. Съ его точки зрѣнія, спасеніе—это есть освобожденіе насъ отъ закона наслѣдственности, поскольку эта послѣдняя представляетъ собой сохраненіе и передачу дурной природы. Спасеніе выражается послѣдовательно и постепенно замѣною въ человѣкѣ природы грѣховной и испорченной природою лучшею и совершенною. Въ подтвержденіе этихъ мыслей онъ приводитъ ученіе Апостола о тайныхъ воздыханіяхъ тварей, подверженныхъ суетѣ не по своей волѣ, и ожидающихъ освобожденія отъ этой суеты, имѣющаго наступить въ будущемъ времени. Въ послѣдней главѣ своего сочиненія авторъ доказываетъ, что человѣческую природу Іисуса Христа нельзя объяснить ни закономъ наслѣдственности, ни вліяніемъ среды. Словомъ, сочиненія Брайфорда есть неудачная и даже противорѣчащая себѣ попытка примирить христіанство съ дарвинизмомъ.

Предметъ изслѣдованія Смита составляетъ: „*Управленіе Божіе* въ связи съ эволюціей человѣчества“. (The Government of God, in relation to the Evolution of Man). Спенсеръ не допускаетъ, чтобы Божество могло проявиться во Христѣ, въ формѣ Личности. Этотъ философъ думаетъ, что наука постепенно лишитъ религіозныя воззрѣнія всѣхъ человѣкообразныхъ представленій, которыми антропоморфизмъ прошлыхъ вѣковъ надѣлилъ ихъ, такъ что для человѣка Богомъ будущаго времени будетъ только непознаваемое. Спенсеръ считаетъ, что высочайшее, т. е. божественное могущество можетъ обладать формою бытія болѣе высокой, чѣмъ Личность. Нашъ же авторъ, напротивъ, твердо держится того убѣжденія, что человѣкъ, среди своихъ страданій и во время смерти, обращая взоры къ небесамъ, стремился не къ туманной и неопредѣленной реальности, высшей чѣмъ Личность, но несомнѣнно къ Богу Лич-

ному. Онъ находитъ, что высшая граница эволюціи могла быть достигнута человѣчествомъ только тогда, когда Самъ Богъ непосредственно явился на помощь человѣческому созданію. Онъ полагаетъ, что въ теченіе вѣковъ, протекшихъ со временъ Адама, эта эволюція лишь во Христѣ достигла своей высшей точки развитія и лишь послѣ этого продолжается безъ остановки. И въ этомъ то состоитъ высочайшее дѣйствіе божественнаго міроуправленія.

Предметъ, тѣсно связанный съ предшествующимъ трудомъ, разсматривается Иллингвортомъ въ его сочиненіи: *Личность человека и личность Бога*. (Personality human and divine). Указавъ, какъ человѣкъ послѣдовательно достигаетъ познанія своей собственной личности, и разобравъ элементы составляющіе это сложное познаніе, авторъ послѣдовательными чертами изображаетъ развитіе нашей идеи о Личности въ Богѣ, и говоритъ, что эта идея, или лучше—истина, достигаетъ высшей точки развитія въ ученіи о Св. Троицѣ. Но если Богъ и человѣкъ суть личности, то изъ этого явно слѣдуетъ, что между ними можетъ установиться общеніе. „Естественно, что въ силу нашей вѣры въ Личнаго Бога, мы должны ожидать, что Онъ проявитъ Себя не только нѣкоторымъ немногимъ избранныкамъ, но и всему роду человѣческому.“ „Мы не можемъ представить себѣ, чтобы Божественная Личность, свободно дающая жизнь личностямъ отличнымъ отъ Него, не имѣла намѣренія вступить съ ними въ соотношеніе“.

Признаки этого чаянія авторъ находитъ во 1) въ древнѣйшихъ, даже въ доисторическихъ религіозныхъ явленіяхъ; и во 2) во всѣхъ религіяхъ, предшествовавшихъ христіанству. „Теистъ имѣетъ право относиться разумно къ религіозной исторіи человѣчества. Онъ вѣруетъ въ Бога Личнаго, а потребность сообщаться съ другими личностями составляетъ потребность всякой личности. Молитва, восходящая къ Божеству и отвѣтъ на молитву, суть двѣ стороны одного и того же духовнаго дѣйствія. Вслѣдствіе этого авторъ считаетъ, что религія бываетъ повсемѣстно устанавливаема съ того момента, когда человѣкъ заслужитъ названіе человѣка; онъ увѣренъ, что вездѣ, гдѣ обнаруживается это религіозное проявленіе, встрѣчается

также и соотвѣтственное божественное обнаруженіе. Это убѣжденіе, быть можетъ, не опирается на историческія данныя, но оно опирается на анализъ своей собственной личности и свой религіозный опытъ. Человѣкъ носитъ въ душѣ своей это чаяніе, не какъ скрытое заключеніе, но какъ чаяніе, предшествующее самому факту и подтверждаемое изученіемъ фактовъ исторіи.“ Это то продолжительное чаяніе человечества, начало котораго онъ указалъ, и затѣмъ постепенное утвержденіе въ немъ, нашло свое окончательное удовлетвореніе въ воплощеніи Иисуса Христа.

О теизмѣ разсуждаетъ и Воазей въ сочиненіи своемъ: „Theism as a science of natural Theology and natural Religion“. По его мнѣнію, теизмъ есть религія здраваго смысла, но имѣетъ и научную цѣнность, потому что основывается на фактахъ и фактахъ естественныхъ, которыхъ не можетъ оспаривать никто. Но Богъ теистовъ, безъ признанія котораго были бы необъяснимы явленія этого міра, каковъ по своей природѣ? Авторъ старается доказать, что Онъ по природѣ своей есть благодать. За тѣмъ онъ разбираетъ смыслъ страданій и смерти, открываетъ въ нихъ элементъ благодати и отношеніе связывающее ихъ даже съ божественной любовью. До сихъ поръ мы могли соглашаться съ авторомъ, но слѣдующія его мнѣнія уже не могутъ быть принимаемы никакимъ христіанскимъ богословомъ. „Теизмъ, говоритъ онъ, раньше или позже долженъ войти въ столкновеніе съ Откровеніемъ и долженъ разрушить его основы, подобно тому какъ онъ это дѣлаетъ съ атеизмомъ. Мысль странная, чтобы не сказать болѣе. По ученію и богослововъ и философовъ всѣхъ школъ, теизмъ ищетъ и находитъ свое восполненіе въ Откровеніи; а потому Откровеніе никогда не можетъ сдѣлаться бесполезнымъ и быть уничтожено теизмомъ. Таково, можно сказать, убѣжденіе всеобщее.

Это убѣжденіе развиваетъ и подтверждаетъ и богословъ Фразеръ въ своей „Философіи теизма“ (Philosophy of Theism). Если мы спросимъ его, какое можетъ быть для разума самое раціональное разрѣшеніе проблемы вселенной, и въ то же время вполне удовлетворяющее человѣческую природу, то онъ отвѣтитъ намъ, что оно должно быть теистическое. Развѣ матеріализмъ

можетъ рѣшить эту таинственную проблему? Нѣтъ, потому что онъ превращаетъ вселенную въ совокупность движущихся молекулъ, и утверждаетъ, безъ всякаго основанія, будто открылъ въ матеріи то, что всеобщее сознаніе находитъ только въ Богѣ и человѣкѣ“. Пантеизмъ также въ этомъ отношеніи безсиленъ. Тогда какъ матеріализмъ вводитъ въ понятіе о матеріи элементы, противныя идеѣ самой матеріи, пантеизмъ обожествляетъ ее. Но прежде всего онъ уничтожаетъ нравственность, а затѣмъ умственную дѣятельность и продукты этой дѣятельности. И въ самомъ дѣлѣ, такъ какъ матерія есть ничто, если нѣтъ сознанія, и міръ внѣшнихъ предметовъ зависитъ отъ сознательнаго воспріятія его человѣкомъ, то слѣдовательно, такая вселенная рождается и умираетъ вмѣстѣ съ тѣмъ лицомъ, которое ее сознаетъ или воспринимаетъ. Но существенная несостоятельность этой системы заключается въ непостижимости нравственнаго закона. Какимъ образомъ пантеизмъ можетъ объяснить угрызеніе совѣсти, отвѣтственность и появленіе зла въ твореніи? Природа можетъ быть понятна только въ томъ случаѣ, если на нее смотрятъ, какъ на откровеніе Божіе. Человѣкъ, одаренный разумомъ, самосознаніемъ и самоопредѣленіемъ представляетъ собою тоже нѣкоторое откровеніе Бога въ природѣ. Наконецъ Самъ Богъ есть существо въ одно и то же время вѣдомое и невѣдомое. Онъ есть совершеннѣйшій образецъ высочайшихъ качествъ, отражающихся въ человѣкѣ, но въ то же самое время другія свойства Его природы трансценденты для насъ и непостижимы.

Остановимся нѣсколько на слѣдующемъ замѣчаніи нашего писателя: „Ученый достигаетъ знанія міра физическаго при посредствѣ гипотезъ, т. е., дѣйствіемъ вѣры, дающей ему увѣренность въ присутствіи порядка и цѣлесообразности въ природѣ. Религія тоже представляетъ собой нѣкотораго рода гипотезу, но человѣкъ допускаетъ ее съ вѣрой и надеждой на постоянное дѣйствіе совершеннаго нравственнаго разума, открывающагося, какъ въ мірѣ физическомъ, такъ и во всеобщемъ принципѣ жизни. Такимъ образомъ нравственная и религіозная вѣра утверждаютъ и оправдываютъ вѣру въ самую природу“.

Двѣ слѣдующія книги, составляющія послѣдніе труды двухъ англійскихъ ученыхъ, значительно разнятся между собою по своему достоинству; одна изъ нихъ принадлежитъ извѣстному натуралисту, Эрнесту Геккелю, и носитъ названіе *Исповѣданіе вѣры человека науки* (The confession of Faith of a Man of science), а другая Жоржу Іонъ-Романесу, тоже натуралисту, и носитъ такое же названіе, какъ и бессмертная книга Паскаля: *Мысли о религіи* (Thoughts on Religion). Первый изъ нихъ заявляетъ себя крайнимъ приверженцемъ моизма, а потому совершенно отвергаетъ личное безсмертіе; но въ то же самое время хочетъ сохранить нѣкоторую тѣнь религіи. По его мнѣнію, Богъ двадцатаго столѣтія будетъ представлять собою какой-то смутный „*Идеаль божественной тройственности*“, соединяющій въ себѣ три божественныя единства: Истину, Красоту и Благо. Мы упоминаемъ о его книгѣ только потому, что писатель ея пользуется славою ученаго натуралиста и во всякомъ случаѣ чуждающагося грубаго матеріализма. Вторая книга представляетъ намъ отраднѣйшій примѣръ безпристрастнаго разума и благородной души, постепенно переходящихъ отъ мрачнаго скептицизма къ вѣрѣ религіозной, приводящей ученаго опять къ подножію христіанскаго алтаря.

Упомянемъ еще о бесѣдахъ Д-ра Депеня, произнесенныхъ сначала въ Чикаго, а потомъ появившихся въ Англій отдѣльною брошюрою подъ названіемъ „*Опыты по богословію*“ (Studies in Theology). По его мнѣнію, если уничтожить связь, соединяющую богословіе съ метафизикой и наукой, то отъ этого богословіе лишится необходимыхъ для него основъ. Девизъ автора слѣдующій: надобно возвратиться ко Христу. Къ Нему приводитъ все; прежде всего исторія человѣка, его природа, его паденіе и возстановленіе. Начнемъ съ человѣка. Древнее богословіе было склонно видѣть въ немъ только духъ. Наука видитъ въ немъ только наслѣдственность. Религія усвоаетъ ему нравственный законъ, которому человѣкъ подчиненъ роковымъ образомъ. Она и сама налагаетъ на него нравственныя требованія, но въ то же время даетъ возможность утвердить его личную свободу и почувствовать могущество и благодать Божію. Когда мы приходимъ къ пониманію своей человѣчности, тогда

для насъ открывається необходимость понять законъ смерти; между тѣмъ какъ остальные твари, испытывая ужасъ смерти, по Апостолу, только воздыхаютъ и жаждутъ обновленія своей природы, и существованіе ихъ ограничено самою природой. Это значеніе или это опредѣленіе смерти дается намъ св. Писаніемъ, которое признаетъ смерть наказаніемъ за грѣхъ. Затѣмъ авторъ указываетъ на искупленіе, проповѣданное ученіемъ апостольскимъ, какъ на средоточіе Евангелія—драгоценный рычагъ, на которомъ вращается вся система христіанской истины. Что же такое само христіанство? Христіанская религія, изложенная въ Новомъ Завѣтѣ, есть религія вѣрующихъ въ то, что Христосъ живъ и царствуютъ во благодати, и что вѣрующіе находятся въ живомъ общеніи съ живущимъ Господомъ. Для апостоловъ прославленный Господь превознесенъ выше условій времени и пространства. Онъ Царь милосердія, всемогущій Владыка, Живущій всей полнотою жизни, которую они созерцали, когда Онъ былъ еще на землѣ... Безъ этой увѣренности никогда не могла бы возникнуть христіанская религія. Безъ нея, она не пережила бы и перваго поколѣнія учениковъ Царя Славы.

Обратимъ наконецъ вниманіе на богословское сочиненіе знаменитаго политическаго дѣятеля, имя котораго, безъ сомнѣнія, съ глубокимъ уваженіемъ будетъ упоминаться въ политической исторіи Англій. Разумѣемъ славнаго Гладстона, издавшаго сочиненіе *въ защиту твореній епископа Бутлера*, подъ заглавіемъ: „Studies subsidiary to the Works of Bishop Butler“. Послѣ окончательнаго изданія сочиненій епископа—апологета Бутлера, Гладстонъ задался цѣлію защитить его отъ критическихъ нападокъ. Хотя Бутлеръ и не можетъ считаться въ числѣ первоклассныхъ англійскихъ богослововъ—философовъ, но Гладстонъ находитъ, что большая часть возставшихъ противъ него критиковъ заблуждаются, потому что забываютъ главную задачу, предположенную себѣ Бутлеромъ. По мнѣнію Гладстона, задача апологета заключалась въ томъ, чтобы доказать, что человекъ, при серіозномъ отношеніи къ религіи, вовсе не имѣетъ необходимости приносить въ жертву закон-

ныя требованья своего разума; и эта задача разрѣшена Бутлеромъ, по его мнѣнію, вполне удовлетворительно.

Наибольшая часть изслѣдованій Гладстона посвящена вопросу о будущей или загробной жизни. Гладстонъ потому сосредоточилъ свое вниманіе на этомъ вопросѣ, что этотъ вопросъ совсѣмъ не находитъ себѣ мѣста въ книгѣ Бутлера. Поэтому писатель весьма основательно желаетъ остановить вниманіе своихъ читателей на той мысли, что условія человѣка послѣ смерти относятся къ той области божественныхъ истинъ, важность которой (судя по замалчиванію ихъ въ англійской богословской литературѣ), повидимому, ускользаетъ отъ вниманія его соотечественниковъ, такъ что, къ великому его огорченію, имъ грозитъ опасность совершенно потерять ее изъ виду. Гладстонъ посвящаетъ двѣ главы исторіи этого ученія, содержащагося въ Ветхомъ Завѣтѣ и писаніяхъ христіанской церкви. И въ области богословскихъ наукъ Гладстонъ обнаруживаетъ такое знаніе, которому можетъ до нѣкоторой степени позавидовать богословъ по профессіи. Онъ указываетъ на то, что, въ теченіе первыхъ христіанскихъ вѣковъ, вопросъ о безсмертіи оставался открытымъ, въ виду того, что въ Евангеліи участь злыхъ будто бы не представлена намъ, какъ полная противоположность участи праведныхъ. Первымъ христіанамъ различныя причины мѣшали сосредоточить свое вниманіе на этомъ ученіи. Они заняты были скорѣе практикой, чѣмъ теоріей во всѣхъ вопросахъ, касающихся религіи, а надежда на скорое явленіе Христа настолько поглощала ихъ мысли, что они почти совершенно не интересовались столь важнымъ вопросомъ, какъ вопросъ о будущей жизни. Бл. Августинъ будто бы первый установилъ этотъ вопросъ въ церкви. Онъ доказалъ, что душа человѣческая по природѣ своей безсмертна, но въ то же время думалъ, что участь нашихъ душъ будетъ не одинакова, и наказаніе грѣшниковъ будетъ продолжаться безконечно. Гладстонъ колеблется въ признаніи этой истины и говоритъ довольно неопредѣленно. Известно, что англійскіе богословы, говоря вообще, не признаютъ ученія о вѣчности мученій грѣшниковъ общеобязательнымъ догматомъ. Гладстонъ говоритъ, что вопросъ о будущемъ без-

смерти не подвергался обширнымъ и глубокимъ изслѣдованіямъ. Онъ проникъ въ церковь незамѣтно, при посредствѣ прогрессивнаго движенія богословской мысли. Писатель нашъ затѣмъ, съ большою осторожностію разбираетъ общезвѣстныя теоріи о будущей участи злыхъ людей. Онъ отвергаетъ оригеновскую теорію о всеобщемъ возстановленіи, какъ противную св. Писанію. Онъ не признаетъ также и *условнаго* возстановленія, которое, въ его глазахъ, создано повидимому для того, чтобы можно было употреблять языкъ св. книгъ, но не признавать ихъ ученія. Онъ связываетъ свои предположенія по этому предмету съ слѣдующими мнѣніями Бутлера. Можно предполагать, говоритъ Дургамскій епископъ Бутлеръ, что въ какой нибудь отдаленный періодъ времени, добродѣтель обнаружится въ столь восхитительной формѣ среди вѣрующихъ и благочестивыхъ людей, что эта лучезарная добродѣтель, созерцаемая грѣшниками, можетъ при посредствѣ вліянія примѣра, или другимъ какимъ нибудь образомъ, произвести преобразование въ сердцахъ тѣхъ, кому нужно покаяніе. Нашъ авторъ считаетъ возможнымъ примѣненіе вышеупомянутой мысли къ тѣмъ душамъ, которыя находятся въ періодѣ слѣдующемъ за смертію и предшествующемъ всеобщему воскресенію и называемымъ обыкновенно среднимъ состояніемъ. Онъ не думаетъ, чтобы св. Писаніе позволяло намъ признавать существованіе какихъ-то загробныхъ испытаній для тѣхъ христіанъ, нравственное совершенствованіе которыхъ не было закончено въ настоящей жизни. Но онъ все таки считаетъ обязательнымъ имѣть надежду, что большинство тѣхъ людей, которые оставляютъ земную жизнь въ состояніи сомнительномъ, по мнѣнію людей, могутъ получить въ душѣ своей зародышъ новой жизни; и весьма возможно, что они все же будутъ помилованы Богомъ. Предположеніе Бутлера, замѣчаетъ нашъ авторъ, есть ничто иное, какъ развитіе раціональной и философской вѣры въ законы, управляющіе всеобщимъ развитіемъ нашего сознанія, есть будто бы то самое, что тщательно было сохраняемо большею частью христіанской Церкви. Церковь Спасителя слѣдовала въ этомъ случаѣ по пути, открытомъ Ап. Павломъ въ его ходатайствѣ

за Онисифора. Она осудила то, что называли сномъ души,— теорію, которая могла привести, по меньшей мѣрѣ, къ убѣжденію въ прекращеніи человѣческаго существованія. Впрочемъ эта теорія противна не только св. Писанію, а даже и разуму, который показываетъ намъ, что наша природа создана такимъ образомъ, что должна постоянно совершенствоваться и развиваться соотвѣтственно съ дѣятельностью, которую предполагаютъ наше продолжительное существованіе. На этихъ основаніяхъ можно думать, что промежутокъ между смертью и воскресеніемъ (*status intermedius*) необходимъ и для христіанъ, именно необходимъ для утвержденія въ приобрѣтенной добротѣ, для укрѣпленія святыхъ привычекъ, усвоенныхъ борьбой, и для уничтоженія всего того, что осталось въ умершихъ отъ слабостей и пороковъ человѣчества. Допускаемое Бутлеромъ будущее или загробное развитіе должно, по Гладстону, приводить насъ къ слѣдующему заключенію. Церковь можетъ знать нравственное состояніе только тѣхъ, которые передъ своей смертью проявили доказательства раскаянія и вѣры. Но тамъ, гдѣ не могло быть такого проявленія, всемогущій Богъ можетъ дать подобнымъ людямъ зависящее уже отъ Него Самого то развитіе, которое очевидно проявилось у истинно вѣрующихъ и благочестивыхъ предъ ихъ смертью. Что же касается тѣхъ душъ, которыя уже здѣсь на землѣ обнаружили свою праведность, то Создатель можетъ назначить имъ въ посмертномъ состояніи завершеніе того развитія, которое они начали уже на землѣ“.

Съ точки зрѣнія православнаго богословія. чаянія или гаданія Гладстона не выдерживаютъ критики. Послѣ смерти нѣтъ покаянія. Но кто рѣшится отвергать христіанскій смыслъ славнаго англійскаго политическаго дѣителя? При томъ же его богословская теорія связана съ загробною участію тѣхъ многочисленныхъ людей, которые въ теченіе здѣшней жизни никогда не слышали призыва Евангелія и которыхъ наша св. Церковь предоставляетъ милосердію Божію.—Въ этомъ же сочиненіи Гладстонъ рассматриваетъ еще вопросы о детерминизмѣ, конечныхъ причинахъ и чудесахъ. Слово его настолько

еще юно и живо, что невольно съ удивленіемъ задаешь себѣ вопросъ, какимъ образомъ этотъ „великій старикъ“ могъ до заката своей жизни сохранить тотъ порывъ, который напоминаетъ обѣщаніе Божіе всѣмъ искреннимъ и честнымъ читателямъ предвѣчнаго Бога: „Они поднимутъ крылья, какъ орлы, потекутъ, и не устанутъ, пойдутъ и не утомятся“ (Ис. XI, 31). Гладстонъ ошибается въ своихъ религіозныхъ вѣрованіяхъ, какъ и многіе его соотечественники; но онъ сохранилъ свѣжесть и теплоту христіанской вѣры ¹⁾).

Наконецъ, мы должны упомянуть о тѣхъ попыткахъ церковнаго сближенія, которыя повидимому начинаются между Англиканскою и Православною Церковію. Эти попытки особенно усилились съ тѣхъ поръ, какъ папа Левъ XIII въ 1895 г. отвергъ англиканское рукоположеніе, признавъ англиканскую іерархію незаконною и потребовалъ полного подчиненія англиканской церкви своему престолу ²⁾). Разумѣется, англиканскіе іерархи не остались въ долгу у папы и постарались отвергнуть его незаконныя притязанія ³⁾). Среди этихъ то прискорбныхъ обстоятельствъ англиканская церковь должна была невольно обратить взоръ свой на Восточную Церковь, гдѣ она всегда искала поддержку въ трудныя минуты жизни. Извѣстно, что англиканская церковь, вслѣдствіе особаго положенія своего въ догматическомъ и каноническомъ отношеніи, неоднократно пыталась войти въ общеніе съ независимыми національными церквями, чтобы въ союзъ съ ними, какъ говоритъ „Церк. Вѣст.“, найти себѣ по крайней мѣрѣ нравственную поддержку въ ея борбѣ съ внѣшними и внутренними врагами. Но эти попытки всегда были или неустойчивы или не имѣли никакого успѣха. Повидимому, теперь дѣло стоитъ нѣсколько иначе. Вотъ что говорятъ сами англичане за послѣднее время: „Англичане нѣкогда думали, что

1) Свѣдѣнія объ этомъ сочиненіи Гладстона, равно какъ и о нѣкоторыхъ другихъ, упомянутыхъ въ настоящей статьѣ, мы заимствовали изъ „Revue de Theologie et de Philosophie“. 1897. Janvier.

2) Полный переводъ палской буллы Льва XIII противъ англиканской іерархіи помещенъ въ „Богосл. Вѣстн.“ въ ноябрьской книжкѣ за 1896 годъ.

3) См. „Отвѣтъ архіепископовъ Англій на апостольское посланіе папы Льва XIII“. Богосл. Вѣстн. 1897 г., іюнь и іюль.

православная церковь замѣчательна лишь невѣжествомъ многихъ изъ ея сельскихъ священниковъ и мірянъ. Устойчивымъ убѣжденіемъ въ душѣ англичанъ было и то, что она со-всѣмъ не миссіонерская церковь. Однако въ теченіе послѣднихъ пятидесяти лѣтъ, когда умножились средства сообщенія, мы узнали, что каково бы ни были состояніе сельскихъ священниковъ и народа въ Россіи, во всякомъ случаѣ въ центрахъ богословской учености ея много умственной жизни и что если русская Церковь въ какомъ нибудь смыслѣ и окаменѣла, то это лишь въ томъ, что она ревниво сохранила священный залогъ вѣры, порученный ей отъ первоначальныхъ временъ,—сохранила безъ всякой примѣси въ развитіи со стороны Рима, Лютера и Кальвина. Затѣмъ мы, или большинство изъ насъ, узнали о замѣчательномъ успѣхѣ русскихъ миссій, особенно среди магометанъ, и теперь мы знаемъ, что православная Церковь благородно и дѣятельно выполняетъ свою долю въ распространеніи чистой вѣры Евангелія, всего Евангелія, а не части только Евангелія,—въ языческихъ странахъ, входящихъ въ область ея вліянія¹⁾.

Англиканская церковь неоднократно пыталась войти въ общеніе съ римскою церковію, но всегда безуспѣшно. Еще до изданія послѣдней папской буллы въ 1895 г., направленной противъ англиканской іерархіи, Гладстонъ въ открытомъ письмѣ къ архіепископу іоркскому, выражалъ убѣжденіе, что не можетъ быть, чтобы такой дальновидный и умный человекъ, какъ Левъ XIII, рѣшился отвергнуть всю іерархію великаго англійскаго народа. И однако же Гладстонъ ошибся. Непогрѣшимый *ex cathedra* изрекъ свое непогрѣшимое слово, весьма прискорбное для англиканъ. И вотъ Гладстонъ, въ брошюрѣ своей подъ заглавіемъ „Монологъ и Постскриптумъ“ (*Soliloquium and Postscriptum*), дѣлаетъ дополнительныя замѣчанія къ своему открытому письму къ архіепископу іоркскому и говоритъ, что англиканской церкви, какъ и христіанству вообще, нечего ждать отъ Ватикана, что папство очевидно потеряло способ-

¹⁾ „Церк. Вѣстн.“. 1897, № 37, стр. 1174.

ность читать знаменія временъ, и новѣйшая папская булла есть крайне печальное произведеніе, которое показываетъ, какъ трудно имѣть дѣло съ системой, которая искажила таинства, заключила въ тюрьму Библию, возвела положенія Аристотелевой метафизики въ догматы вѣры и требуетъ такого повинovenія человѣческому трибуналу, какое принадлежитъ только Богу.

Итакъ у англичанъ остается надежда на возстановленіе церковного союза съ одною лишь Восточною Церковію и въ частности—Русскою. Сами англичане говорятъ: „Мы не забываемъ Греціи, Сербіи, Румыніи или четырехъ патріархатовъ Турецкой имперіи, когда говоримъ о воссоединеніи съ Восточною церковію. Но въ то же время остается вѣрнымъ, что если этому воссоединенію суждено когда либо осуществиться, то оно по всей вѣроятности осуществится чрезъ посредство Православной русской Церкви“. Дай Богъ! Но до этого воссоединенія въ настоящее время еще слишкомъ далеко. Вѣдь нельзя же считать серьезными признаками воссоединенія недавнее посѣщеніе Россіи іоркскимъ архіепископомъ Маклаганомъ и отвѣтное посѣщеніе столицы Англій однимъ изъ виднѣйшихъ православно-русскихъ іерарховъ, преосвященнымъ Антоніемъ. Нельзя считать серьезнымъ симптомомъ воссоединенія и того, что отъ св. Синода командированы въ Лондонъ четыре окончившихъ курсъ студента С.-Петербургской академіи, на обязанности которыхъ лежитъ слѣдить за текущею богословскою литературою англичанъ, способствовать живѣйшему обмѣну новостей церковной жизни между Англіею и Россіею и такимъ образомъ, при посредствѣ печати, знакомить послѣдователей англиканской церкви съ главнѣйшими истинами православія ¹⁾). Нельзя наконецъ считать вѣрными признаками воссоединенія и того, что англикане теперь заинтересованы русскою богословскою литературою, переводятъ замѣчательнѣйшія произведенія русскихъ богослововъ на англійскій языкъ и отдаютъ имъ полную справедливость. Отъ подобныхъ фактовъ до возстановленія церковнаго союза еще слишкомъ далеко. Да и сами

1) „Нов. Врем.“. 1897 № 7687.

англичане не обманываются въ этомъ отношеніи. Вотъ, напримеръ, что говоритъ ихъ церковная печать: „Раздѣленіе между востокомъ и западомъ существуетъ уже девять вѣковъ, и нельзя надѣяться, чтобы полное воссоединеніе ихъ совершилось въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, хотя бы мы и вполне сочувствовали душевному настроенію тѣхъ, благочестивыя сердца которыхъ повседневно терзаются при видѣ нашихъ несчастныхъ раздѣленій. Но прежде, чѣмъ можетъ состояться полная взаимность между нами и православною церковію, сначала должно быть искреннее единеніе съ обѣихъ сторонъ, должно установиться въ умахъ предстоятелей восточной церкви убѣжденіе, что мы не заражены лютеранской или кальвинской ересью и что мы содержимъ всю вѣру, какъ она передана безспорными соборами Церкви. Мы, съ своей стороны, должны познать, что вѣра Православной Церкви есть та самая, за которую проливали свою кровь и умирали мученики, и у насъ не должно быть ни малѣйшаго подозрѣнія въ томъ, что восточное ученіе есть пализмъ, разбавленный водицей. Однимъ словомъ, необходимо взаимное довѣріе. Если къ этому желанію единенія и къ этому взаимному довѣрію мы присоединимъ и неустанную молитву и трудъ, то результатъ не замедлитъ своимъ появленіемъ“¹⁾).

Будетъ ли возстановленъ церковный союзъ между нашею и англиканскою церковію, или не будетъ,—это вѣдомо одному только всемогущему Богу. Но начинающееся церковное сближеніе несомнѣнно имѣетъ одну хорошую сторону. Оно ослабляетъ или даже сильно разрушаетъ тотъ національный антогонизмъ, глубочайшіе корни котораго подобно искать въ религіозныхъ воззрѣніяхъ англиканъ. До послѣднихъ временъ англикане не знали ученія нашей церкви и не были знакомы съ религіозною жизнію нашего народа. Въ этомъ отношеніи они руководились ходячими, вымышленными и злыми мнѣніями, усердно распространявшимися по всему западу сынами Лойолы. Подъ вліяніемъ этихъ мнѣній, ихъ популярная цер-

- 1) „Церк. Вѣст.“ 1897 г., № 37, стр. 1174.

ковная литература создавала чудовищныя представленія о русскомъ народѣ. Къ намъ, русскимъ людямъ, примѣняли пророческія видѣнія Іезекіиля и Апокалипсиса и говорили, что нѣкогда міръ будетъ раздѣленъ между Гогомъ и Магогомъ. Гогъ—это Великобританія, Магогъ—Европа, подъ главенствомъ Россіи. Въ борьбѣ между ними Магогъ будетъ сокрушенъ, и тогда снова наступитъ царство Израиля (англичанъ), возсоединеннаго съ Іудою, съ котораго снято будетъ проклятiе ¹⁾. Думаемъ, что подобныя нелѣпыя представленія, къ которымъ однакоже нельзя относиться слегка, всего легче могутъ быть уничтожаемы при посредствѣ распространенія среди англичанъ болѣе разумныхъ воззрѣній на религіозно-нравственную жизнь русскаго народа.

К. И—нъ.

---

¹⁾ „Нов. Врем.“ 1897 г., № 7730. См. *Союзъ англичанъ съ іудеями.*

О православіи, какъ истинно-христіанской вѣрѣ.

ВѢРА БЕЗЪ ДѢЛЪ МЕРТВА.

Христіанство не есть ученіе, не есть также законъ, собраніе постановленій, упорядочивающихъ жизнь практическую; оно не есть также извѣстное направленіе или совокупность чувствованій извѣстнаго рода. Все это можно сказать о христіанствѣ въ томъ лишь случаѣ, если берется одна какая либо его сторона, но каждое изъ означенныхъ опредѣленій оказывается недостаточнымъ, коль скоро требуется показать, что такое христіанство, взятое въ его цѣлости и единствѣ, и когда необходимо выразить существенный характеръ христіанства во всей его полнотѣ.

Христіанство есть жизнь,—не плотская, а духовная,—*жизнь по духу*.

Плотская жизнь начинается рожденіемъ. Также—и духовная. Черезъ плотское рожденіе человѣкъ становится членомъ семьи, его родившей. Черезъ духовное рожденіе христіанинъ дѣлается членомъ духовной семьи—церкви. Источникъ и коренное начало духовной жизни человѣка заключается въ Богѣ, ибо Богъ есть Духъ. Рожденное отъ плоти плоть есть, а рожденное отъ Духа—духъ есть. Итакъ сущность христіанской жизни заключается въ общеніи человѣка съ Богомъ, ибо только чрезъ такое общеніе возможно развитіе въ человѣкѣ жизни духовной. А такъ какъ Богъ есть Духъ, то ясно, что полное и отчетливое понятіе о христіанской жизни мы можемъ добыть чрезъ разсмотрѣніе отличительныхъ свойствъ духа и основныхъ его проявленій.

Отличительныя свойства духа въ наибольшемъ совершенствѣ и чистотѣ могутъ открыться только въ христіанствѣ, но несовершенное ихъ обнаруженіе мы находимъ и внѣ христіанства. Посему твердое и болѣе или менѣе обоснованное понятіе объ отличительныхъ свойствахъ духа можетъ быть выведено чрезъ сравнительное разсмотрѣніе какъ болѣе, такъ и менѣе совершенныхъ проявленій таковыхъ свойствъ на почвѣ исторической жизни человѣчества. Для предварительнаго же установленія, въ смыслѣ самомъ общемъ и отвлеченномъ, понятія объ отличительныхъ свойствахъ духа достаточно сравнить бытіе духа съ противоположнымъ ему бытіемъ матеріальнымъ.

Матерія—начало множественное по самому своему существу, ибо матерію составляютъ безконечное *множество* тѣлъ простыхъ и сложныхъ, а равно и ихъ составныхъ частей—молекулъ и атомовъ. Напротивъ духу свойственно *единство*. Матерія—*пассивна*, духъ же *дѣятеленъ*. По сему и въ матеріальномъ мірѣ условіемъ активности признается обыкновенно нѣчто подобное духу, именно сила движущая, присущая матеріи.

Наконецъ матерія есть царство слѣпой *необходимости*. Закопъ же бытія духа есть *свобода*,—способность къ самоопредѣленію.

Единство, какъ необходимое свойство духа, выражается въ жизни стремленіемъ къ *общенію*: стремленіе это свойственно всѣмъ людямъ, и въ различныхъ формахъ является оно: *въ семьѣ, общинѣ, племени, государствѣ*. Можно смотрѣть на эти формы, какъ на степени, по коимъ происходитъ расширеніе означеннаго стремленія. Высшею формою или степенью стремленія къ единству въ этомъ направленіи является идея всемірной монархіи: идея эта еще въ древности возникла и за тѣмъ имѣла важное значеніе и въ средневѣковой и въ новой исторіи Европейскаго человѣчества.

Способъ осуществленія желаемаго единства въ означенныхъ формахъ состоитъ по преимуществу въ установленіи *внѣшняго* порядка *подчиненности и господства*. Но этотъ способъ, какъ имѣющій характеръ по преимуществу *внѣшняго* механическаго объединенія, не соотвѣтствуетъ истинному существу духа, которому свойственна прежде всего жизнь *внутренняя*, а слѣдо-

вательно и единство, болѣе соотвѣтствующее духу, должно быть внутреннее по преимуществу. Внѣшнее единство, по отношенію къ духу, можетъ имѣть значеніе только второстепенное; оно важно лишь настолько, насколько служить выраженіемъ внутренняго строя духовной жизни и ея потребностей. Истинное единство должно быть въ согласіи съ самодѣятельностію и свободою духа. Оно должно осуществляться чрезъ развитіе духовной дѣятельности и свободы, а равно и наоборотъ само должно служить условіемъ для той и другой. Единство же, состоящее исключительно во внѣшнемъ порядкѣ подчиненности, или приводило къ подавленію дѣятельности и свободы, или же просто съ самаго начала исключало всякую возможность той и другой. Посему для осуществленія единства истинно духовнаго необходимо учрежденіе, отличное отъ всѣхъ выше указанныхъ формъ общежитія. Такое учрежденіе есть церковь. Источникъ и корень духовной жизни, какъ сказано, заключается въ Богѣ, а потому и самая церковь, предназначенная служить къ осуществленію и выраженію единства духовной жизни, есть *общество Богоучрежденное*. Идею всемірной монархіи стремились въ разное время осуществить чрезъ завоеваніе, силою оружія, чрезъ распространеніе повсюду единой власти, чрезъ насильственное введеніе тѣхъ же порядковъ, обычаевъ, нравовъ, одного и того же языка. Всемірность же (каѳоличность) церкви Христовой должна осуществиться иными средствами, именно силою слова (проповѣдь, обученіе), чрезъ воспитательное воздѣйствіе примѣровъ духовныхъ совершенствъ, посредствомъ священнодѣйствій,—т. е., хотя внѣшнихъ дѣйствій, но исполненныхъ духовной силы и значенія, вообще чрезъ развитіе дѣятельности духовной. Важнѣйшимъ условіемъ духовнаго единства служитъ *единомысліе*. Вотъ почему церковью установлены начала или опредѣленія вѣры (догматы), долженствующие направлять всю духовную жизнь членовъ церкви. Потому-то уклоненіе отъ установленныхъ началъ вѣры, а тѣмъ болѣе отрицаніе ихъ строго осуждается, какъ нарушеніе мира церковнаго и духа общенія въ дѣлѣ вѣры ¹⁾.

¹⁾ Опредѣленіями вѣры не исключается свобода мышленія и изслѣдованія и вообще своеобразное развитіе индивидуальнаго духа, а только полагаются основы

Простѣйшая форма человѣческаго общежитія есть *семья*. Внѣшняя и внутренняя сторона общенія здѣсь еще не расходятся, но пребываютъ какъ-бы въ слитномъ, нераздѣльномъ состояніи, между тѣмъ какъ дальнѣйшія формы общежитія: *общество* (племя, родъ, братство) и *государство* представляютъ собою господство одной стороны общенія—внѣшней, либо внутренней. Естественно, что преобразовательное воздѣйствіе церкви христіанской прежде всего должно было проявиться въ жизни семейной. По христіанскому возрѣнію, семья—подобіе церкви, т. е., того духовнаго общенія, къ которому предназначается все человѣчество и первый источникъ котораго заключается въ Богѣ. Сверхъ того, церковь христіанская вновь создавала малыя общины (монастыри), основанныя на чисто духовныхъ началахъ. Но преобразование государственной жизни, какъ уже выработавшей для себя вполнѣ прочныя формы (римское право), и притомъ какъ самой обширной и многообъемлющей, могло быть и доселѣ остается дѣломъ отдаленнаго будущаго. Впрочемъ, такъ какъ внѣшній порядокъ подчиненности существенно необходимъ, то требуется лишь восполненіе и проникновеніе этого порядка духомъ новыхъ началъ, а вовсе не устраненіе его, что невозможно для человѣка, какъ существа не просто духовнаго, а тѣлесно-духовнаго. Вотъ почему первые проповѣдники христіанскіе, напримѣръ, не отрицаютъ рабства, а только убѣждаютъ рабовъ повиноваться господамъ не изъ страха, а по совѣсти, также и господамъ внушаютъ вести дѣло управленія съ духомъ кротости, а Спаситель прямо требуетъ, чтобы желающій и ищущій господства самъ былъ слугою: очевидно такимъ образомъ, что христіан-

---

для такого развитія, безъ чего проявленія индивидуальнаго мышленія были бы только безпорядочными и хаотическими. Какъ общія начала, на которыхъ должно утверждаться единомысліе членовъ церкви, догматы очевидно суть такія опредѣленія (изложеніе ихъ называлось символомъ вѣры), которыя имѣютъ значеніе всеобъемлющее, т. е., имя регулируются всѣ силы духа въ нераздѣльномъ единствѣ, а потому имѣютъ характеръ сколько теоретическій, столько же и практическій и тѣмъ отличаются отъ положеній научныхъ: послѣднія суть либо теоретическія, либо практическія. Теоретическія положенія имѣютъ своею цѣлью—удовлетвореніе человѣческой любознательности; чисто практическія положенія имѣютъ въ виду достиженіе чего либо полезнаго въ жизни. Опредѣленія же вѣры имѣютъ отношеніе единственно къ предназначенію человѣка для вѣчной жизни (спасеніе душъ).

ство въ самомъ началѣ указывало на необходимость смягченія чисто внѣшняго порядка подчиненности и постепеннаго преобразования этого порядка во взаимообщеніе характера духовнаго. Христіанство не требуетъ внезапныхъ (насколько это отъ человѣка зависитъ), а тѣмъ болѣе насильственныхъ перемѣнъ въ образѣ жизни. Поэтому же хотя матерія и духъ противоположны, но отсюда не слѣдуетъ, что для торжества духовныхъ началъ необходимо отрицаніе всего матеріальнаго: какъ ветхозавѣтный законъ преобразуется христіанствомъ, а не разрушается, такъ равно и вообще чувственный міръ не отвергается, а только возводится къ высшимъ началамъ духовныхъ и преобразуется въ духъ этихъ началъ. *Постепенность и непрерывность* возрастанія духовной жизни—это только дальнѣйшее опредѣленіе *единства*: единство, какъ признакъ или свойство духа, не только настоящее должно обнимать, но простирается и на прошедшее, переходя изъ рода въ родъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе (преданіе).

Непрерывность продолженія и развитія духовной жизни въ человѣчествѣ возможна лишь при условіи не ослабѣвающей *дѣятельности*. Конечно, первое дѣло—сохраненіе разъ навсегда установленныхъ началъ жизни; вотъ отъ чего прежде всего зависитъ непрерывность и продолжающееся единство самой этой жизни, но вѣдь сохраненіе должно быть *дѣятельнымъ*, а не пассивнымъ, т. е., чисто формальнымъ. Вѣдь не что либо, а начала *жизни* подлежатъ сохраненію; но конечно только чрезъ развитіе жизненной энергіи, въ духѣ таковыхъ началъ, чрезъ дѣятельное ихъ отстаиваніе и проведеніе ихъ въ жизнь, сообразное съ условіями данной дѣйствительности, только этимъ способомъ начала жизни могутъ имѣть для человѣка подобающее имъ значеніе во всей полнотѣ. Итакъ необходимо теперь разсмотрѣть *дѣятельность*, какъ другое, наряду съ *единствомъ*, столь же существенное свойство духа.

Какова дѣятельность, свойственная духу, и въ чемъ она должна состоять?

Основные дѣятельныя силы духа—это *разумъ* и *воля*. Безполезно разсуждать о томъ, что выше—разумъ или воля, и какая изъ этихъ силъ должна господствовать надъ другою. Един-

ство—это существенное свойство духа—требуется совершеннаго согласія между собою разума и воли и исключаетъ возможность раздѣленія этихъ силъ—одной отъ другой: воля безъ разума, т. е., не разумная, не есть воля, а прихоть, произволь, т. е., чувственное влеченіе, слѣдовательно не духовная сила; равно разумъ безъ воли былъ бы пассивнымъ, а не активнымъ, т. е., уже не есть болѣе разумъ, а чувственное воспріятіе; слѣдовательно также теряетъ характеръ духовный.

Какъ разумъ и воля должны быть нераздѣльны, такъ равнымъ образомъ *познаніе истины*, которое признается дѣломъ разума, и *выраженіе* познанной истины *въ самой жизни*, т. е., въ чувствованіяхъ и поступкахъ человѣка, должны составлять одно непрерывное и нераздѣльное дѣйствіе или явленіе духа. Но всякое ли познаніе способно переходить въ самое дѣло, т. е., воздѣйствовать на характеръ человѣка и проникать собою его духъ? Нѣтъ не всякое, а только познаніе истины. Какое же это познаніе? Если разумъ не отдѣлимъ отъ воли, то и познаніе по преимуществу свойственное разуму, очевидно должно быть *активное*, дѣятельное, а не пассивное. Пассивное познаніе—это опытное или эмпирическое познаніе, какъ происходящее главнымъ образомъ чрезъ чувственное воспріятіе. Напротивъ познаніе философское, приобретаемое чрезъ отвлеченное мышленіе, отличается характеромъ, активнымъ, дѣятельнымъ. Эмпирическое познаніе приковываетъ духъ къ землѣ; напротивъ познаніе умозрительное способно возвышать духъ отъ земли къ небу. Эмпирическое познаніе всегда имѣетъ своимъ предметомъ что либо частное; напротивъ философское познаніе направляется всегда къ постиженію и усвоенію общаго и существеннаго; содержаніемъ его служатъ общія начала, и вотъ почему такое познаніе не можетъ не оказывать своего дѣйствія на весь духъ человѣка. Активное, т. е., философское познаніе дѣлаетъ человѣческой духъ свободнымъ и потому приводитъ къ сознанію свободы. Напротивъ эмпирическое познаніе, будучи пассивнымъ, обыкновенно рождаетъ склонность къ отрицанію свободы (детерминизмъ).

Посмотримъ теперь, насколько историческіе факты согласуются съ этими положеніями о значеніи умозрительнаго познанія и подтверждаютъ ихъ.

Древніе греки имѣли *философію*, и это было предметомъ ихъ гордости, ибо себя только, какъ народъ образованный, считали предназначенными къ свободѣ, другіе же народы, именно *восточные*, именовали *варварами*; но греки не имѣли откровенія. Іудеи наоборотъ—имѣли *откровеніе*, но не имѣли философіи,—не обладали ни научнымъ, ни художественнымъ образованіемъ. Посему іудеи, руководимые непосредственно самимъ Провидѣніемъ, жили преимущественно *вѣрою*. Напротивъ, для грековъ основнымъ началомъ въ ихъ жизни было *знаніе*. Для іудеевъ главною добродѣтелью была покорность, преданность волѣ Божіей, а для грековъ стремленіе къ знанію составляло главную добродѣтель (Сократъ). Такъ какъ у іудеевъ, при существованіи Откровенія, не было философіи, а греки наоборотъ, при существованіи у нихъ философіи, вообще науки, были лишены Откровенія, то повидимому разумъ и Откровеніе, или знаніе и вѣра не совмѣстимы и взаимно другъ друга исключаютъ. Дѣйствительно, не видимъ ли мы, что въ теченіе почти всего средневѣковаго періода, въ исторіи западно-европейскихъ народовъ, напрасно трудятся надъ разрѣшеніемъ задачи—соединить въ одно цѣлое, въ единую систему философію, которая есть произведеніе *разума*, съ богословіемъ, основаннымъ на *Откровеніи*, и такимъ образомъ согласить между собою вѣру и знаніе,—эти совершенно противоположныя начала. Къ чему привели усилія, направленные къ этой цѣли? къ застою науки, къ неподвижности и бесплодности философіи. И вотъ, когда философія совершенно отдѣлилась отъ богословія, сдѣлалась вполне самостоятельною и независимою отъ авторитета Откровенія и руководства вѣры, съ тѣхъ поръ дѣйствительно видимъ въ новое время развитіе философіи, преуспѣяніе умственного, т. е., научнаго образованія и распространеніе его въ обществѣ. И теперь уже говорятъ, что не вѣра, а знаніе должно быть руководственнымъ началомъ въ жизни; по мнѣнію значительнаго большинства такъ называемыхъ образованныхъ людей—вѣра знаменуетъ собою неподвижность, невѣжество, напротивъ, знаніе, наука—есть начало плодотворное, ибо повсюду приносить съ собою возбужденіе дѣятельности, стремленіе къ улучшенію, усовершенствованію.

Вопросъ объ отношеніи между разумомъ и Откровеніемъ,

знаніемъ и вѣрою, между философіей и богословіемъ не таковъ, чтобы возможно было его разрѣшить разъ навсегда. Напротивъ, этотъ вопросъ требуетъ для каждаго даннаго времени особаго разрѣшенія, сообразнаго съ духомъ этого времени, съ состояніемъ науки, образованія, съ потребностями и условіями жизни. Хотя основныя начала вѣры опредѣлены разъ навсегда, тѣмъ не менѣе самая живнъ, для которой предназначены эти начала, подлежитъ непрерывнымъ перемѣнамъ, и такъ какъ вѣра, если только она дѣйствуетъ, а не отсутствуетъ въ жизни, по необходимости входитъ во взаимодействіе съ перемѣнами жизни, то и самое сознаніе началъ вѣры не можетъ не видоизмѣняться извѣстнымъ образомъ. Содержаніе и значеніе началъ вѣры всегда одинаковы, но нельзя не признать важнымъ измѣненіемъ въ сознаніи таковыхъ началъ уже то, что въ одно время напр. выдвигается на первый планъ одно начало, а въ другое время главное значеніе получаетъ другое начало. Пояснимъ это слѣдующимъ примѣромъ. Въ средніе вѣка богословіе было предметомъ исключительно школьнаго изученія, и потому характеръ построенія и изложенія системы богословія былъ схоластическій. Именно,—основаніемъ системы богословія были исключительно отвлеченныя логическія требованія, а не практическія потребности жизни. Въ порядкѣ логическомъ на первомъ мѣстѣ конечно должно быть поставлено ученіе о Богѣ, такъ какъ это основной догматъ, отъ котораго состоятъ въ логической зависимости всѣ другіе догматы о твореніи, о промышленіи, искупленіи и т. д. Между тѣмъ, если взять во вниманіе, что вѣра должна быть руководительнымъ началомъ жизни, то уже не логическую точку зрѣнія, а жизненно-практическую мы должны принять за основаніе при построеніи системы богословія, тѣмъ болѣе, что и самая школа въ новое время измѣнилась, сравнительно съ состояніемъ ея въ средніе вѣка: она теперь находится въ тѣсной связи съ жизнью, чего нельзя сказать о средневѣковой школѣ. Что такое вѣра, какъ начало религіозной жизни? Это есть довѣріе къ тому лицу или учрежденію, которое сообщаетъ намъ необходимое въ этой жизни ученіе и руководство, а затѣмъ истекающая изъ этого довѣрія увѣренность въ истинности и благотворности для

насъ того, что намъ сообщается. Если бы самъ Богъ непосредственно насъ училъ и руководилъ нами, то конечно вѣра въ Бога была бы основаніемъ для насъ всякой иной вѣры. На дѣлѣ же ученіе и руководство, необходимое для жизни, исходить не прямо отъ Бога, но отъ Церкви, какъ общества Богоучрежденнаго; не слѣдуетъ ли поэтому и въ системѣ богословія на первомъ мѣстѣ поставить ученіе о Церкви, при чемъ всѣ дальнѣйшіе догматы, какъ это и должно быть, получаютъ видъ и значеніе ученія Церкви, а съ тѣмъ вмѣстѣ и увѣренность въ ихъ истинности и важности для насъ должна утверждаться на довѣрїи къ авторитету самой Церкви.

Такъ какъ вопросъ о вѣрѣ и знанїи, Откровенїи и разумѣ, богословіи и философіи, для каждаго времени, т. е., для всякой исторической эпохи, по необходимости долженъ быть рѣшаемъ особеннымъ образомъ, то невозможность для насъ принять то рѣшеніе этого вопроса, какое установлено было въ средніе вѣка вовсе не означаетъ, что этотъ вопросъ неразрѣшимъ, а означаетъ только, что средневѣковое рѣшеніе названнаго вопроса было пригодно для своего времени, а для нашего времени необходимо иное рѣшеніе того же вопроса. Въ средніе вѣка иной философіи не знали, кромѣ философіи Аристотеля; естественныхъ наукъ, можно сказать, вовсе не было. Поэтому вопросъ о вѣрѣ и знанїи въ средніе вѣка означалъ—*какъ согласить между собою христіанскую догматику съ философіей Аристотеля*. Такое соглашеніе, какъ извѣстно, было установлено наилучше Томою Аквиномъ, система котораго и теперь въ католическихъ школахъ служитъ обязательнымъ для всѣхъ руководствомъ по философіи. Что католичество совершенно оставляетъ безъ вниманія всю новую философію, такъ какъ бы и вовсе ее не было,—это понятно: почти вся новая философія возникла и развилась на почвѣ протестантства, съ которымъ католичество находится во враждѣ; извѣстный историкъ философіи—Эрдманнъ прямо смотритъ на всю новую философію, какъ на выраженіе протестантства. Къ тому же, для католичества интересъ утвержденія и распространенія власти важнѣе самой истины, ибо въ самомъ ли дѣлѣ удалось Θ . Аквинату согласить христіанское ученіе съ философіей Аристотеля, безъ

малѣйшаго ущерба для перваго? Въ древности вполнѣ развито-го сознанія личности не было; оно могло явиться во всей полнотѣ только въ христіанскомъ мірѣ; поэтому нѣтъ правильнаго понятія о личности и въ философіи Аристотеля. Мѣсто личности заступаетъ у Аристотеля *индивидуумъ* какъ цѣлое, состоящее изъ формы и матеріи, причѣмъ *матерія* признается основаніемъ индивидуальности, и формѣ усваивается значеніе общаго начала, значеніе *вида*. Отсюда Θ. Аквинатъ вывелъ правильное заключеніе, что чистые духи, каковы ангелы, какъ не состоящіе изъ матеріи и формы, т. е., изъ тѣла и души, какъ существа безтѣлесныя, чисто духовныя, не могутъ быть признаны индивидуальностями, т. е., личными существами: каждый ангель есть видъ, а не индивидуумъ; но не ведетъ ли это къ отрицанію личности въ самомъ Богѣ?

Въ періодъ отцовъ церкви вопросъ о вѣрѣ и знаніи также былъ рѣшаемъ сообразно условіямъ того времени: требовалось опредѣлить отношеніе новой вѣры къ тогдашнему языческому образованію, которымъ отцы церкви не могли пренебрегать, такъ какъ желали распространенія христіанства не только между людьми простыми, но и между образованными, и кромѣ того имѣли въ виду необходимость отражать нападки на христіанство со стороны языческихъ философовъ ихъ же оружіемъ. Какъ извѣстно, на примѣръ у Климента Александрійскаго понятія о вѣрѣ и знаніи, а равно о взаимномъ ихъ отношеніи между собою устанавливаются въ духѣ господствовавшей тогда *Платоновской философіи*.

Такъ какъ въ настоящее время науки непрерывно развиваются, и вліяніе научнаго образованія все болѣе распространяется въ обществѣ, уже не ограничиваясь однимъ только верхнимъ слоемъ его; да и самые способы этого вліянія все болѣе умножаются, то все болѣе и болѣе чувствуется недостаточность той задачи, которая по преданію возлагается на высшую духовную школу, долженствующую служить органомъ церковно—религіознаго просвѣщенія. Задача эта полагается обыкновенно въ усвоеніи знаній по предметамъ, входящимъ въ кругъ богословскаго образованія: такая задача имѣетъ характеръ болѣе пассивный, нежели активный. Нельзя этимъ огра-

ничиваться. Школа должна выступить на путь непрерывной и систематической разработки наукъ, составляющихъ область высшаго церковно-религіознаго просвѣщенія *сообразно съ потребностями настоящаго времени*. Общество нуждается въ такомъ просвѣщенномъ руководствѣ, по вопросамъ нравственно-религіознымъ, которое стояло бы на высотѣ научныхъ требованій, въ руководствѣ предусмотрительномъ, систематическомъ, многостороннемъ и непрерывно бдительномъ. Такимъ руководствомъ могла бы служить духовная журналистика въ томъ только случаѣ, если бы она имѣла подъ собою твердую и плодотворную почву непрерывно и неустанно воздѣлываемой учено-богословской литературы. При отсутствіи же таковой литературы, наппа духовная журналистика не можетъ оказывать серьезно просвѣтительнаго вліянія на общество. И вотъ мы видимъ, что потребность религіознаго просвѣщенія гложеть въ обществѣ, распространяется равнодушіе къ религіи и къ высшимъ вопросамъ жизни; общество всецѣло отдается интересамъ матеріально-практическимъ. Необходимо признать главною задачею высшей духовной школы—непрестанно трудиться надъ установленіемъ живой и дѣятельной связи и вообще правильнаго отношенія *между интересами научнаго образованія и интересами вѣры*. Теперь все относящееся къ духовному вѣдомству представляется, такъ сказать, загнаннымъ въ самый далекій уголъ, гдѣ и пребываетъ тихо и не замѣтно для остальнаго большаго общества, шествующаго по широкому пути утилитарно-матеріальнаго образованія. Едва ли можно признать такое состояніе духовнаго просвѣщенія, его представителей и дѣятелей соотвѣтствующимъ тому пазначенію, какое должно принадлежать Церкви христіанской въ жизни человѣчества.

Но необходимы ли для вѣрующихъ христіанъ научное образованіе и философія? Какъ широко ни распространяется это образованіе въ наше время, какъ ни велико вліяніе науки теперь, подобное сомнѣніе все еще возможно и у многихъ оно несомнѣнно существуетъ, въ особенности у представителей религіозно—богословскаго просвѣщенія,—должно сознаться къ тяжкому вреду для самаго этого просвѣщенія. Вѣдь говорятъ же о крушеніи надеждъ, возлагавшихся на

науку, смѣшивая очевидно науку и научное образованіе съ невѣжественнымъ полуобразованіемъ и пустымъ фантазерствомъ котораго, разумѣется, не чужды бываютъ и люди ученые, ибо фантазерство—слабость, свойственная всѣмъ людямъ вообще болѣе или менѣе. Нѣтъ ли какихъ либо болѣе серьезныхъ основаній для означеннаго сомнѣнія относительно важности для вѣрующаго человѣка научно-философскаго образованія? Выше сказано, что у іудеевъ не было науки и философіи, а у грековъ наоборотъ хотя философія была, но не было откровенія. Не значить ли это, что Богу было не угодно, чтобы іудеи, занимались науками и философствовали? Хотя и были пророческія школы, особливо же въ послѣднія времена, предъ пришествіемъ Спасителя, іудеи много занимались ученіемъ, и самаго Спасителя именовали учителемъ, но, какъ извѣстно, то было ученіе исключительно религіозное, изучали законъ. Рабство грѣху имѣло послѣдствіемъ для іудеевъ рабство закону; но какъ извѣстно, это рабство закону, въ путяхъ Провидѣнія, было средствомъ къ тому, чтобы возбудить и воспитать въ іудейскомъ народѣ жажду спасенія и будущаго избавленія отъ рабства. Правда, іудеи жаждали свободы политической, но имъ дана была болѣе важная свобода,—духовная, по слову Спасителя: *истина сдѣлаетъ васъ свободными*. Какъ іудеи были лишены свободы, такъ грекамъ недоставало авторитета. И подобно тому какъ іудеи жаждали свободы, греки не менѣе чувствовали эту свою потребность, потребность въ авторитетѣ, въ *въ сильномъ и властномъ руководствѣ*. Потребность эта проявилась и въ томъ, что каждый изъ наиболѣе значительныхъ философовъ основывалъ школу учениковъ и послѣдователей своихъ, которые твердо держались разъ избраннаго руководителя; позднѣйшіе послѣдователи тщательно изучали и комментировали сочиненія своихъ наставниковъ. Извѣстно, что въ пифагорейской школѣ авторитетъ основателя этой школы, въ мнѣніи учениковъ, былъ такъ великъ, что слова: *онъ самъ это сказалъ* полагали конецъ спорамъ. Итакъ ясно, что для полноты и правильности духовнаго развитія одинаково необходимы, съ одной стороны свобода изслѣдованія и ученія, съ другой—непререкаемый авторитетъ.

Авторитетъ, подлежащій намъ, заключается въ опредѣленіяхъ вѣры, т. е., въ догматическомъ ученіи Церкви и вообще въ ея руководственномъ для насъ значеніи. Но необходимъ также съ нашей стороны трудъ свободнаго изученія и изслѣдованія научнаго, необходимо серьезное образованіе, дабы ученіе Церкви не было для насъ мертвою буквою и руководство Церкви было для насъ живымъ и дѣйственнымъ.

Полнота духовной жизни, для которой основою служитъ вѣра, и которая поэтому есть жизнь по вѣрѣ, какъ извѣстно, заключаетъ въ себѣ двѣ необходимыя стороны: *благодать*, которая въ христіанствѣ замѣнила собою законъ іудейскій, и *свободу*.

Какъ же должно повимать отношеніе между *благодатью* и *свободою*? Выше указаны три свойства духа: *единство*, *активность* и *свобода*. Доселѣ разсмотрѣны два свойства (единство и активность). Остается разсмотрѣть третье свойство, — именно *свободу*.

Къ вопросу о свободѣ и благодати относятся совершенно разнородныя, по своему происхожденію и духу ничего повидимому не имѣющія общаго между собою направленія и воззрѣнія и однакожь, въ существенномъ, по своему практическому значенію и вліянію совпадающія. Такъ, исключительное вниманіе къ богословскому ученію о благодати и пренебреженіе къ не менѣе важному для человѣка ученію о свободѣ, какъ извѣстно, ведетъ къ *квіэтизму*, къ бездѣятельности и пассивности въ нравственно-религіозномъ отношеніи. Квіэтизмъ нельзя считать давно прошедшимъ направленіемъ: онъ всегда былъ и теперь есть, ибо въ природѣ человѣка несомнѣнно есть предрасположеніе къ косности, бездѣятельности, лѣности. Извѣстная въ настоящее время секта, подъ названіемъ арміи спасенія, и у насъ имѣвшая и можетъ быть имѣющая еще значительный успѣхъ, проповѣдуетъ, что искупительными заслугами Спасителя все сдѣлано, необходимое для нашего вѣчнаго спасенія, и что поэтому ничего болѣе отъ насъ не требуется кромѣ вѣры въ эти заслуги. Къ духовному усыпленію и безпечности ведетъ также и другая, но уже совсѣмъ иного характера доктрина, именно довольно распространенная между юристами антропологическая

теорія, что преступники совершаютъ свои злодѣянія невольно, не по свободной волѣ, которой не существуетъ, а по врожденной склонности, которой противостоятъ они не въ состояніи, и что поэтому должно смотрѣть на таковыхъ какъ на больныхъ. Говорятъ, что не осуждать и не наказывать нужно тѣхъ, кто дѣлаетъ зло и причиняетъ вредъ своимъ ближнимъ, а лѣчить, заботиться объ исцѣленіи этихъ несчастныхъ людей. Правда и богословы иногда называютъ грѣхъ болѣзнью души, но такое названіе нельзя признать точнымъ: не самый грѣхъ, а послѣдствія грѣха дѣйствительно могутъ быть сравниваемы съ болѣзнями. Подобныя указаннымъ сейчасъ направленіямъ ясно свидѣтельствуютъ о томъ, какъ важно въ нравственно-воспитательномъ отношеніи ученіе о свободѣ воли. Исходитъ ли отрицаніе свободы воли изъ понятія о благодати, какъ силѣ непреодолимо дѣйствующей на человѣка и не оставляющей мѣста его произволу, или же изъ того воззрѣнія на человѣка, что всѣ его поступки всецѣло опредѣляются устройствомъ и отличительными признаками его организма,—результатъ получается въ сущности тотъ же: человѣку ничего болѣе не остается, какъ предаться во власть непреодолимо дѣйствующей надъ нимъ или же хотя въ немъ, но predeterminedной въ самомъ актѣ его рожденія, силы, слѣдовательно во всякомъ случаѣ посторонней для его нравственной личности, для его духа. Однакожь не слѣдуетъ думать, что въ нравственно-практическомъ отношеніи ученіе о свободѣ воли важнѣе, чѣмъ ученіе о благодати, и что послѣднее скорѣе лишаетъ человѣка нравственной энергіи, чѣмъ возбуждаетъ и поддерживаетъ оную. Было бы большимъ заблужденіемъ полагать это. Обратимъ вниманіе на направленіе, пожалуй еще болѣе распространенное въ настоящее время, чѣмъ указанна выше. Разумѣемъ *пессимизмъ*. Пессимизмъ проповѣдуетъ, что зло въ видѣ бѣдствій, страданій, несчастій, мало сказать, преобладаетъ,—просто безраздѣльно господствуетъ въ жизни человѣка. Наша жизнь, говорятъ, не что иное, какъ сплошное бѣдствіе, страданіе, отъ котораго одна лишь смерть можетъ насъ избавить. Поэтому мы не только не должны бояться смерти, напротивъ должны смотрѣть на нее, какъ на своего друга и спасителя отъ бѣдъ, при-

томъ такого друга, который, по нашему желанію, всегда можетъ придти къ намъ на помощь и услужить намъ, какъ только мы этого захотимъ. Пессимисты не ожидаютъ ничего лучшаго въ будущемъ, не вѣрятъ въ такъ называемый прогрессъ. Они увѣрены, что чѣмъ дальше, тѣмъ будетъ хуже, ибо самую природу вещей, они думаютъ, все живущее и имѣющее жить предопредѣлено къ гибели и разрушенію; жизнь наша во власти судьбы не что иное, какъ игрушка, которою она забавляется такъ, какъ хочетъ, и столько, сколько хочетъ. Есть мнѣніе, что пессимизмъ благопріятствуетъ религіозности, ибо, указывая на бѣдственность жизни, говорятъ, побуждаетъ тѣмъ самымъ искать утѣшенія въ религіи. Но это взглядъ на религію очевидно очень ограниченный. Религія представляется въ видѣ сильно дѣйствующаго наркотическаго средства, которымъ въ крайнемъ случаѣ можно воспользоваться, на подобіе того какъ иные, страдающіе болѣзнию неизлѣчимою или отягощаемые безисходною скукою, чтобы заглушить хотя временно боль и тоску, прибѣгаютъ къ помощи опиума, или морфія. Не таковъ истинный взглядъ на религію. Истинно-религіозный человекъ бодро и съ увѣренностію совершаетъ свой жизненный путь при всякихъ обстоятельствахъ; вѣдь уныніе, а тѣмъ больше отчаяніе, малодушіе онъ считаетъ тяжкимъ грѣхомъ. Нужно ли говорить, что источникъ этой бодрости и крѣпости духа, отличающей вѣрующаго христіанина, заключается въ его убѣжденіи, что Провидѣніе все направляетъ къ благимъ цѣлямъ, что всякому вѣрующему дается вспомошествовающая и спасительная для него благодать Духа Божія. Читая въ душѣ своей такое убѣжденіе, вѣрующій христіанинъ не смутится и не упадетъ духомъ, не станетъ унывать даже въ томъ случаѣ, если бы самыя лучшія его намѣренія не получили своего осуществленія и самыя благія усилія его оказались тщетными, ибо кто убѣжденъ, что ничто не дѣлается безъ воли Божіей, долженъ быть убѣжденъ и въ томъ, что никакое доброе стремленіе не должно остаться на самомъ дѣлѣ безслѣднымъ, что неудавшееся въ одно время можетъ осуществиться въ другое, и въ чемъ не посчастливилось успѣть одному лицу, то самое успѣетъ сдѣлать другой.

Сказанное сейчасъ о пессимизмѣ и объ истинной религіозности ведетъ къ тому заключенію, что съ вопросомъ о свободѣ и благодати въ тѣсной и неразрывной связи стоитъ вопросъ о происхожденіи и сущности зла въ мірѣ. Точно ли источникъ зла заключается въ самомъ существѣ міра, въ природѣ вещей, какъ это утверждаетъ пессимизмъ. Если признать такой взглядъ на зло, существующее въ мірѣ, тогда ученіе какъ о Провидѣніи вообще, такъ въ особенности ученіе о благодати теряетъ свое значеніе. А между тѣмъ пессимизмъ, какъ сказано, очень распространенъ въ настоящее время, и есть люди, которые не усматриваютъ въ немъ ничего противнаго духу православія и которые очевидно полагаютъ, что въ религіозномъ смыслѣ печаль и уныніе *во всякомъ случаѣ* предпочтительнѣе веселья и радости, вообще свѣтлаго настроенія духа.

Имѣетъ связь съ вопросомъ о свободѣ и благодати такъ же и вопросъ о боговдохновенности св. Писанія. Возможно такое пониманіе боговдохновенности, и едва ли оно не есть наиболѣе распространенное, при которомъ допустимо только пассивное, въ сущности безучастное и мертвенное отношеніе къ Писанію, такое отношеніе, которое есть не что иное, какъ проявленіе указаннаго выше квіэтизма. Вопросъ о боговдохновенности Писанія долженъ быть такъ рѣшаемъ, что бы свобода въ дѣлѣ изученія Писанія и истолкованія его не исключалась совершенно, а только регулировалась должнымъ образомъ, и чтобы энергія умственной дѣятельности не подавлялась, а возбуждалась и укрѣплялась. Въ ученіи о благодати православіе требуетъ не исключенія свободы, отъ чего и самое ученіе о благодати утратило бы свое нравственно-практическое значеніе, а только соглашенія и взаимнаго пополненія этихъ двухъ существенно важныхъ понятій о свободѣ и благодати.

Изъ предъидущаго видно, что разсмотрѣніе духа по тремъ его свойствамъ: *единству, активности и свободѣ* необходимо приводитъ къ тремъ, важнѣйшимъ для интересовъ духовнаго просвѣщенія и для преуспѣянія нравственно-религіозной жизни, вопросамъ. Эти вопросы слѣдующіе: *о Церкви и отношеніи*

Церкви къ государству, о вѣрѣ и знаніи, т. е., объ отношеніи между наукою и религіей, или иначе, между научнымъ образованіемъ и религіознымъ просвѣщеніемъ, и наконецъ о *свободѣ и благодати*.

Итакъ ясно, что важное руководственное значеніе во взглядѣ на задачи богословскаго образованія и въ дѣлѣ пониманія нашей православной вѣры должно имѣть понятіе о духѣ. Сказано, что Богъ есть духъ и кто поклоняется Ему, долженъ поклоняться духомъ и истиною. Главнѣйшая задача метафизики заключается въ томъ, чтобы установить и раскрыть понятіе о духѣ, какъ условномъ или конечномъ, такъ въ особенности о безусловномъ, безконечномъ духѣ.

Изъ названныхъ вопросовъ важнѣйшей и основной безспорно есть вопросъ о Церкви и отношеніи Церкви къ государству. Вопросъ этотъ подлежитъ изслѣдованію и разъясненію не одной какой либо изъ богословскихъ наукъ, а многихъ: и догматическаго богословія, и исторіи церкви, и науки о св. Писаніи, и патрологіи, и каноническаго права. О всѣхъ названныхъ вопросахъ, а о вопросѣ о Церкви по преимуществу, должно признать, что изслѣдованіе и правильное не скажу рѣшеніе, но скорѣе истолкованіе имѣющагося рѣшенія этого вопроса имѣетъ значеніе одинаково важное сколько въ теоретическомъ, столько же и въ практическомъ отношеніи.

Славянофилы всегда твердили, что насколько они преклоняются предъ православіемъ, какъ началомъ народной жизни, настолько же они не могутъ примириться съ православіемъ оффиціальнымъ, казеннымъ. Бывшій нѣкогда министръ народнаго просвѣщенія, графъ Уваровъ, въ одномъ изъ своихъ оффиціальныхъ отчетовъ, первый указалъ на общеизвѣстныя начала русской жизни: *православіе, самодержавіе и народность*. Но оффиціально признанное и провозглашенное чиновниками, въ качествѣ основнаго начала русской жизни, православіе, по мнѣнію славянофиловъ, вовсе не есть то православіе, какимъ оно является въ исторіи русскаго народа и въ народной жизни и какимъ оно дѣйствительно должно быть. Въ чемъ же заключается различіе? Въ томъ, что наша православная Церковь, говорятъ, вмѣсто того, чтобы проводить

свои начала не только въ быту народномъ, но и въ государственномъ быту и такимъ образомъ самое государство воспитывать въ духѣ своихъ началъ, сама усвоила новый порядокъ внутренняго административнаго управленія и совершенно подчинилась формамъ новаго государственнаго быта, навязаннымъ русскому народу реформою Петра Великаго, заимствованнымъ съ запада и потому совершенно чуждымъ народному духу. Сущность новыхъ порядковъ, усвоенныхъ Церковью, заключается въ бумажномъ дѣлопроизводствѣ, въ канцелярскомъ формализмѣ, въ централизаціи и уничтоженіи всякой мѣстной автономіи и самодѣятельности, въ сложности правящаго класса, въ неповоротливости управленія и происходящей отсюда крайней медлительности дѣлопроизводства. Церковное управленіе, которое должно бы не только обнимать народную жизнь, но и оживотворять и просвѣщать оную, превращено реформою Петра В. въ одно изъ многочисленныхъ вѣдомствъ совершенно безжизненное и мертвящее, не только не возбуждающее ни къ какой дѣятельности въ подчиненной ему области, напротивъ задерживающее и подавляющее таковую, въ случаѣ, если гдѣ либо оно проявится въ видѣ сколько пубудь отличномъ отъ казенныхъ формъ, хотя бы исходила изъ самыхъ чистыхъ побужденій, и могла бы привести къ самымъ благотворнымъ послѣдствіямъ. Пастыри Церкви превращены въ чиновниковъ, исполняющихъ свои обязанности, какъ бы нѣкоторую казенную повинность, не охотно и безучастно. Нельзя не признать, что увлеченные борьбою противъ ненавистнаго западничества, славянофилы во многомъ прогрѣшали: а) не въ мѣру идеализировали древнюю Русь до Петра В., а равно и церковную жизнь того времени; б) въ связи съ этимъ выражали неумѣренныя и не осуществимыя у насъ требованія (свобода печати, установленіе земскихъ соборовъ для свободнаго выраженія предъ правительствомъ страной своихъ мнѣній, наконецъ право народа и общества выбирать излюбленныхъ пастырей изъ своей среды); если бы подобныя требованія были у насъ осуществлены, то это могло бы привести къ самымъ дурнымъ послѣдствіямъ, что не трудно было предвидѣть. Вѣдь сами славянофилы главное зло видятъ въ оторванности нашего общества отъ народной жизни

вслѣдствіе того, что оно испорчено ложнымъ западническимъ образованіемъ. Очевидно, что ни о какихъ правахъ и требованіяхъ предъ правительствомъ со стороны этого общества, должно направленнаго и чуждаго народному духу не можетъ быть рѣчи. Единственною и самою настоятельною потребностію нашего времени, съ точки зрѣнія самихъ славянофиловъ, надо призвать перевоспитаніе нашего общества въ духъ православія ¹⁾. Теперь много заботъ прилагается къ устроенію церковно-приходскихъ школъ для простого народа. Но этого недостаточно. Не менѣе важно распространеніе церковнаго просвѣщенія и въ образованномъ классѣ, что возможно только при лучшей постановкѣ духовной школы особенно высшей.

Вообще понятіе о Церкви и отношеніи Церкви къ государству можно опредѣлить такъ: назначеніе Церкви земной, какъ общества людей, связанныхъ единствомъ вѣры и жизни по вѣрѣ, заключается въ томъ, чтобы быть носительницею и воспитательницею духовныхъ идеаловъ и стремленій въ государствѣ. Государство—учрежденіе практическое по преимуществу. Поэтому идеальныя цѣли и потребности, не относящіяся прямо къ практическимъ нуждамъ, должны быть ему чужды, составляютъ для него во всякомъ случаѣ предметъ посторонній и далекій. Конечно государство заботится и объ наукѣ, и объ искусствѣ, и даже пожалуй о доброй нравственности гражданъ, но все это лишь въ той мѣрѣ можетъ озабочивать государство, насколько оправдывается практическими соображеніями и цѣлями. Да и не можетъ государство въ отношеніи означенныхъ интересовъ имѣть слишкомъ обширные и далекіе виды, ибо не имѣетъ оно въ своемъ распоряженіи необходимыхъ для того способовъ. Орудія и средства, которыми оно располагаетъ, по преимуществу внѣшнія—*матеріальныя* и *формальныя*, слѣд.

1) Г. Татищевъ, пишущій въ Русскомъ Вѣстникѣ обзоръя иностранной политики, не разъ выражалъ мнѣніе, что много очень печальныхъ и вредныхъ для насъ ошибокъ было сдѣлано нашей дипломатіей въ царствованіе Александра I и Николая I отъ того, что ею завѣдывали иностранцы, которымъ интересы православія были чужды. Но извѣстно, что многіе изъ русской аристократіи измѣняли православію и переходили въ католичество. Много ли тогда было и въ русскомъ обществѣ людей, сильныхъ духомъ православія?

мало соотвѣтствуютъ выше названнымъ интересамъ. Церковь совсѣмъ иной имѣетъ характеръ и въ иномъ находится положеніи. Церковь сама есть царство не отъ міра сего, а потому всѣ стремленія и цѣли не отъ міра сего, источникомъ которыхъ служатъ различныя духовныя дарованія и потребности духовной жизни въ человѣчествѣ, должны быть для Церкви близки и дороги, нельзя не желать, чтобы такого рода стремленія, потребности и цѣли находили для себя поддержку и попеченіе о себѣ именно въ Церкви, какъ воспитательницѣ жизни духовной. Мы разумѣемъ не только стремленія, характеризующія жизнь подвижническую, но такъ же высшія стремленія въ области *науки* и въ *искусствѣ*. Для государства важнѣе всего науки, обезпечивающія матеріальный прогрессъ, науки о природѣ вещей и человѣка, а такъ же науки общественныя, но меньшее значеніе имѣютъ науки такъ называемыя гуманныя, а потому представители первыхъ наукъ всегда будутъ имѣть въ государствѣ большій успѣхъ и болѣе широкое поле для примѣненія своихъ познаній сравнительно съ представителями вторыхъ наукъ. Искусство прикладное, имѣющее значеніе промышленное, всегда, разумѣется, будетъ имѣть большую сферу распространенія и большій успѣхъ, нежели искусство, служащее цѣлямъ идеальнымъ, чисто духовнымъ (религіозная живопись, религіозное зодчество, пѣніе религіозное). Съ точки зрѣнія государственной важное значеніе имѣетъ внѣшнее положеніе человѣка, принадлежность его къ извѣстному сословію, преимущества его по происхожденію, по имущественному состоянію, а для Церкви важнѣе всего должны быть внутреннія свойства человѣка и его дарованія; поэтому своихъ дѣятелей она избираетъ безразлично изъ всякихъ сословій, не взирая ни на какія внѣшнія преимущества, но единственно смотря на дарованія и качества человѣка, такъ какъ человѣкъ свѣше одаренный есть человѣкъ, отмѣченный Богомъ, и такъ какъ тотъ, кто послушенъ своему призванію, необходимо долженъ быть человѣкомъ не отъ міра сего. Замѣчено, что у насъ талантливые люди безъ пользы и прежде времени гибнутъ. Не отъ того ли, что таковые не находятъ

необходимаго примѣненія своимъ талантамъ, по отсутствію соотвѣтственной ихъ стремленіямъ среды?

Для того чтобы Церковь дѣйствительно была не только носительницею духовныхъ идеаловъ въ государствѣ, но и воспитательницею въ духѣ этихъ идеаловъ, для сего необходимо сколько теоретическая разработка, столько же и практическое рѣшеніе вопросовъ объ отношеніи между вѣрою и знаніемъ, а такъ же между благодатью и свободою. Вопросъ о вѣрѣ и знаніи въ сущности есть вопросъ въ настоящее время о научномъ образованіи и нравственности. Никогда такъ не заботились, какъ теперь, о расширеніи научныхъ знаній и распространеніи ихъ всякими способами въ обществѣ и народѣ. Но обезпечивается ли нравственность научнымъ образованіемъ? Если научнаго образованія для сего недостаточно, то рядомъ съ образованіемъ не менѣе, если даже не болѣе, слѣдуетъ заботиться о *воспитаніи*, которое должно быть религіознымъ, такъ какъ въ религіозной вѣрѣ корень нравственности. Но говорятъ, что если бы нравственность чрезъ распространеніе научнаго образованія и не улучшалась (о чемъ можно еще спорить), то остается еще неизвѣстнымъ, не могутъ ли быть найдены и установлены начала нравственности научнымъ образомъ, чрезъ что очевидно нравственность навсегда сдѣлалась бы независимою отъ религіозной вѣры и самостоятельною; поэтому и воспитаніе слилось бы въ одно дѣло съ научнымъ образованіемъ. Говорятъ, что необходимо во всякомъ случаѣ стремиться къ научному обоснованію нравственности. Соціологія должна взять на себя ту задачу, которая доселѣ была дѣломъ Церкви христіанской: она должна основать жизнь общественную на новыхъ началахъ, свободныхъ отъ всякой примѣси религіознаго мистицизма, на началахъ научнымъ образомъ выясненныхъ и установленныхъ. Итакъ необходимо рѣшить вопросы: возможно ли научное обоснованіе нравственности; можетъ ли быть нравственность независимою отъ религіозной вѣры; если вѣра для жизни столько же и даже болѣе необходима, чѣмъ знаніе, то каково должно быть отношеніе между вѣрою и знаніемъ; какимъ образомъ достигнуть того, чтобы, при живой связи и взаимодействіи между вѣрою

и знаніемъ, авторитетъ вѣры не подавлялъ бы умственной самостоятельности и свободы изслѣдованія, необходимой для преуспѣянія науки?

Что касается вопроса о благодати и свободѣ, то, какъ извѣстно, всѣ начинанія человѣка, важнѣйшія въ его жизни перемѣны и событія объемлются богослужебными дѣйствіями Церкви, чрезъ которыя подается вѣрующему возбуждающая и освящающая благодать Божія. А потому не такъ ли и воспитательная дѣятельность Церкви должна обнимать всѣ стороны и направленія человѣческой жизни общественной и частной? Разумѣется, не всегда и даже только въ рѣдкихъ случаяхъ воспитательное воздѣйствіе можетъ быть прямымъ и непосредственнымъ, главнымъ же образомъ оно должно простираться на жизнь косвеннымъ образомъ, чрезъ посредство школы, разнаго рода общественныхъ учрежденій, посредствомъ литературы научной и публицистической. Самые разнообразныя вопросы, касающіеся общественнаго благоустройства и нравственности общественной, вопросы о благотворительности, воспитаніи дѣятелями Церкви не должны быть оставляемы безъ вниманія. Коль скоро дѣятельность Церкви все болѣе суживается тѣсными предѣлами и получаетъ характеръ спеціальный, то вмѣстѣ съ тѣмъ задачи и стремленія, которыя должны бы исходить изъ самой церкви и осуществляться не иначе, какъ при самомъ живомъ дѣятельномъ ея участіи (напр. воспитаніе и благотворительность, распространеніе добрыхъ чувствованій и стремленій къ мирному и благожелательному сожитію) беретъ на себя государство. И вотъ мы видимъ, что государство задается несвойственными ему идеальными цѣлями и задачами, а такъ какъ средства и орудія, которыми оно располагаетъ, мало пригодны для такого рода цѣлей и стремленій, то послѣднія или вовсе остаются безъ осуществленія, или получаютъ осуществленіе, ихъ искажающее, формальное и мнимое. А между тѣмъ увлеченіе идеальными стремленіями ведетъ къ тому, что не оказывается должнаго вниманія практическимъ интересамъ и потребностямъ, на которыя вся дѣятельность государства должна быть обращена по преимуществу. И такъ самая вѣра Церкви всеосвящающую и вспомошествоющую бла-

годать обязываетъ дѣятелей Церкви, дѣятелей на всѣхъ поприщахъ церковнаго служенія развивать свою дѣятельность какъ можно шире и энергичнѣе, направляя такую къ возбужденію и поддержанію повсюду идеальныхъ стремленій къ нравственному совершенству. Вѣдь все въ жизни имѣетъ отношеніе къ задачамъ нравственнаго воспитанія и самообразованія; не можетъ быть такихъ поступковъ, которые были бы совершенно безразличны въ нравственномъ отношеніи, а потому и дѣятельность Церкви не можетъ быть ограничиваема извѣстными строго опредѣленными предметами вѣдѣнія, и въ особенности не должна замыкаться въ разъ навсегда установленныхъ формахъ, но должна развиваться вмѣстѣ съ развитіемъ самой жизни. Церковь должна быть въ государствѣ совѣстію, слѣдовательно и дѣятельность ея должна быть столь же подвижною, зоркою и всеобъемлющею, какова дѣятельность совѣсти въ человѣкѣ нравственно воспитанномъ и развитомъ. Подобныя требованія вполнѣ согласны съ духомъ православія и изъ него вытекаютъ. Православіе всегда было чуждо всякихъ неумѣренныхъ притязаній въ отношеніи благъ и преимуществъ матеріальныхъ, но тѣмъ болѣе оно требовательно въ отношеніи благъ духовныхъ, и потому наиболѣе благопріятствуетъ всестороннему свободному развитію духовной жизни. Въ государствѣ оно дѣйствуетъ преобразовательно, но исключительно духовными средствами и въ полномъ подчиненіи существующему государственному порядку. Оно ограничиваетъ активность разума и требуетъ подчиненія авторитету, но подчиненія свободнаго, основаннаго на убѣжденіи, а потому и ограниченіе дѣятельности умственной, установленное православіемъ, не есть вторженіе въ самую эту дѣятельность, а состоитъ лишь въ опредѣленіи началъ, долженствующихъ служить сколько границею, столько же и надежною опорою для этой дѣятельности. Духъ православія, удостовѣряя въ благодатной помощи, съ избыткомъ подаваемой человѣку, не обращаетъ однако человѣка въ слѣпое орудіе непреодолимо дѣйствующей въ немъ сверхъестественной силы, но признаетъ необходимымъ условіемъ спасительности благодатныхъ дѣйствій правильное употребленіе человѣкомъ своей свободной воли.

ЦѢННОСТЬ ЖИЗНИ.

(Окончаніе *).

V.

Прошло то время, когда христіанство не имѣло значенія или, по крайней мѣрѣ, когда люди показывали видъ, будто христіанство уже не имѣетъ никакого значенія. Теперь оно завладѣло общественнымъ вниманіемъ и приковало его къ себѣ. Впрочемъ, это уже извѣстное явленіе: хотя въ извѣстныя эпохи христіанство начинали считать уже отжившимъ, однако оно всегда торжествовало вновь. Эта необыкновенная живучесть христіанства удивляетъ и поражаетъ всѣхъ. Волей или не волей приходится считаться съ тѣмъ, что живетъ и дѣйствуетъ. Мы уже видѣли, что христіанство, обладающее силой сбрасывать съ себя тѣ вредоносные наросты, которые на немъ иногда оказываются, по самой своей сущности имѣетъ необыкновенное и чрезвычайно благотворное свойство,—именно свойство соотвѣтствовать различнымъ эпохамъ и становиться для тѣхъ обществъ, въ которыя оно проникаетъ, принципомъ перерождающимъ умы и души. Подобнымъ-же образомъ и въ концѣ XIX-го вѣка, который имѣлъ такія обширныя стремленія, производилъ столь разнообразныя опыты, который сдѣлалъ уже такъ много, а надѣялся и мечталъ сдѣлать еще больше,—христіанство, не измѣнивъ при этомъ своей сущности, все обновляя, но ни съ чѣмъ не сливаясь, является религіей, наиболѣе способной облегчить наши страданія, направить

---

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1897 г. № 23.

наши стремленія, обезпечить успѣхъ и необходимыя реформы, доставить намъ миръ интеллектуальный и соціальный. Для всего этого оно обладаетъ несравненными средствами, о существованіи которыхъ никто даже и не подозрѣвалъ. Его считали осужденнымъ лишь на сохраненіе прошедшаго, безъ всякаго будущаго; а между тѣмъ оказывается, что, сохраняя изъ прошедшаго лишь то, что, будучи вѣчнымъ, свойственно всѣмъ временамъ, оно примѣняется къ настоящему и обладаетъ удивительнымъ знаніемъ и пониманіемъ всѣхъ его потребностей, всѣхъ его слабостей и бѣдствій, и со спокойною увѣренностію подготавливаетъ будущее: оно является источникомъ неисчерпаемыхъ утѣшеній для настоящаго и открываетъ тайну жизни будущему. Оно знаетъ это и потому стремится, желая обезпечить міру жизнь мирную и болѣе высокую, покорить себѣ весь современный міръ, дабы оживить его новымъ духомъ.

Все это совершается предъ нашими глазами и этотъ великій фактъ приводитъ насъ въ удивленіе, а вмѣстѣ и въ мучительное безпокойство, такъ какъ у насъ является при этомъ вопросъ: какое же мы должны изъ всего этого вывести заключеніе?

Подумаемъ объ этомъ вопросѣ и попытаемся найти на него отвѣтъ. Прежде всего, если христіанство обладаетъ такою силою, то ясно, что мы должны по крайней мѣрѣ постараться возможно ближе его узнать. Узнайте его сущность: это первое и главное, что вы должны сдѣлать. Затѣмъ, не менѣе ясно такъ-же и то, что, хотя христіанство обладаетъ такою удивительною силою къ излѣченію всякаго рода зла, однако оно дѣлаетъ это лишь при томъ условіи, 'если его принимаютъ именно за то, что оно есть на самомъ дѣлѣ. Заимствовать у него одно и отбрасывать другое, воображая при этомъ, будто разъединенное и раздробленное, даже, на примѣръ, отдѣленное отъ догмата, оно все таки еще будетъ дѣйствовать,—поступать такъ значитъ обольщать себя тщетной, напрасной надеждой. Оно не принесетъ намъ никакой пользы, никакой дѣйствительной пользы, если мы не будемъ питать къ нему ничего инаго, кромѣ, такъ сказать, платоническаго удивленія и сомнительнаго довѣрія, требуя отъ него тѣхъ благотворныхъ дѣйствій, которыя

мы вправѣ отъ него ожидать, но не признавая тѣхъ условій, безъ которыхъ дѣйствія эти не могутъ проявиться.

Но если такъ, то вѣдь нужно-же сдѣлать отсюда какое нибудь опредѣленное заключеніе. Этого требуетъ не только достоинство нашего ума, но и наиболѣе важные, настоятельные интересы человѣчества. Къ сожалѣнію, именно предъ этимъ-то мы и испытываемъ какой-то непонятный страхъ. Необходимо преодолѣть въ себѣ этотъ страхъ, необходимо быть смѣлымъ и имѣть мужество.

И прежде всего необходимо, чтобы хватило смѣлости придти къ заключенію о необходимости основательнаго изученія христіанства. Правда, это обыкновенно допускается; но лишь въ теоріи, такъ какъ примѣненіе теоріи къ дѣлу требуетъ здѣсь большого труда и дорого стоящихъ усилій.

Необходимо, затѣмъ, имѣть смѣлость придти къ заключенію, что христіанству и на практикѣ, въ обществѣ, должна быть предоставлена вся та свобода, въ которой оно нуждается и которой вполнѣ заслуживаетъ, вмѣсто того, чтобы противопоставлять ему какія-то жалкія и вдобавокъ устарѣлыя преграды. Положимъ, допускаютъ обыкновенно и это; но къ сожалѣнію, не вѣрно понимаемая политика затемняетъ умы запутанными теоріями и устарѣлыми приемами, не говоря уже объ интересахъ партій, или отдѣльныхъ личностей, которые ослѣпляютъ людей и парализуютъ ихъ дѣятельность.

Наконецъ, надо имѣть смѣлость придти еще и къ тому заключенію, что въ одной лишь истинѣ все наше спасеніе и что, слѣдовательно, эта, столь глубоко спасительная, христіанская религія и есть истинная религія. Но вотъ это-то и есть, быть можетъ, самое трудное. Именно относительно этого-то и расходятся умы и при томъ, по такимъ основаніямъ, которыя ни съ лѣнностью, ни съ политикой не имѣютъ ничего общаго. Но что-же именно мѣшаетъ имъ, однако, придти къ какому нибудь заключенію? Мѣшаетъ то, что имъ опять-таки не хватаетъ на это смѣлости. Но чего же, однако они боятся?

Дѣло въ томъ, что противъ христіанства возстаетъ такъ называемая „современная мысль“, со всѣмъ ея знаніемъ, со всѣми ея завоеваніями и честолюбивыми стремленіями. Это совсѣмъ

ненормально. Дѣло въ томъ, что свое начало она ведетъ отъ христіанства: это вполнѣ очевидно, да и она сама того не отрицаетъ. Но если такъ, то весь вопросъ, очевидно, сводится къ тому: отпадетъ-ли „современная мысль“, проникнутая „современной наукой“, отъ христіанства еще болѣе, чѣмъ это сдѣлано было ею до сихъ поръ, или же, быть можетъ, вновь возвратится къ нему? Между ею и христіанствомъ, какъ известно, возникаютъ постоянныя столкновения и споры: служатъ ли это признакомъ того, что между ними существуетъ радикальная несовмѣстность? Дойдетъ ли дѣло до окончательнаго, непоправимаго разрыва между ними, или же, наоборотъ, не должны ли мы приступать къ ихъ примиренію и сближенію? Не отречется-ли современная мысль, давъ себѣ болѣе ясный отчетъ въ своихъ собственныхъ стремленіяхъ, окончательно отъ христіанства, или же, наоборотъ, не возвратится ли она къ нему? Перестанетъ ли она быть христіанскою мыслью, или же, наоборотъ, не станетъ ли она ею снова?

Вотъ, слѣдовательно, въ чемъ заключается весь вопросъ. И ясно, что онъ въ себѣ содержитъ. Дѣло идетъ, очевидно, о томъ, чтобы узнать, можетъ ли мыслящее и ученое человѣчество, рассматривая вопросы жизни, удовлетвориться собственными силами, собственными средствами для объясненія ихъ и для управленія ими, или быть можетъ, ему необходимо для этого иной, высшій свѣтъ и иное правило, будетъ ли оно проникнуто духомъ христіанской религіи, или не будетъ? Другими словами: сознаетъ ли оно или не сознаетъ свою недостаточность и, въ зависимости отъ этого, обратится-ли или нѣтъ къ положительному Откровенію? Признаетъ-ли оно Откровеніе и Церковь, въ собственномъ и точномъ смыслѣ этихъ словъ? И пока оно не дойдетъ до этого, то, хотя-бы даже оно и обладало самымъ глубокимъ и основательнымъ знаніемъ христіанства и обнаруживало въ отношеніи къ нему самое усердное поклоненіе, хотя-бы наконецъ оно было вполнѣ согласно съ нимъ относительно десяти, двадцати, пусть даже сотни вопросовъ,—однако, при всемъ томъ, не смотря на это пониманіе христіанства, симпатію къ нему и даже на признаніе его основ-

паго догмата, оно, само по себѣ, никогда не будетъ христіанскимъ, въ строгомъ смыслѣ слова.

Вотъ это-то и замѣчается въ настоящее время все яснѣе и яснѣе и вотъ почему тотъ моментъ, который мы теперь переживаемъ, такъ торжественъ. Предъ лицомъ этой живой и безконечно благотворной, спасительной силы христіанской религіи, которую наука не въ силахъ ни уничтожить, ни замѣнить собою, именно и является необходимость принять рѣшеніе, и—рѣшеніе окончательное, безповоротное. Христіанство и наука оспариваютъ другъ у друга самую мысль. Есть *современный* образъ мыслей и есть *христіанскій* образъ мыслей. Который же изъ нихъ восторжествуютъ?

Быть христіаниномъ единственно только для себя невозможно. Я сейчасъ поясню эти свои слова. Будучи христіанами предъ своею совѣстью, по вѣрѣ и дѣятельности, можно, однако, поступать такъ, какъ будто христіанство, вполне пригодное лично для насъ, больше ни для кого и ни на что не нужно. И было время когда многіе развитые и искренніе люди могли считать такой образъ мыслей правильнымъ. Если бы, однако, они проанализировали свое внутреннее состояніе, то они сказали бы: „мое христіанство тѣсно заключено во Святая Святыхъ души моей, во Святая Святыхъ храмовъ, а если оно и проявится въ моихъ дѣйствіяхъ, то я готовъ почти извиняться въ этомъ, остерегаясь, какъ дерзости, всякаго утвержденія относительно его соціальной силы, на примѣръ,—относительно того его значенія, которое можно назвать общечеловѣческимъ значеніемъ; я сокрушаюсь о томъ, что у него насчитывается такъ мало адептовъ, по самъ шагу не сдѣлаю для того, чтобы привлечь на его сторону адептовъ новыхъ, по крайней мѣрѣ тѣхъ шумныхъ партизановъ, которые хотѣли бы ввести его повсюду; если я и привлеку на его сторону нѣсколькихъ единомышленниковъ, то они должны быть и, конечно, будутъ осторожны, сдержаны подобно мнѣ; въ своей философіи я не отведу ему никакого мѣста; въ изученіи спеціальныхъ вопросовъ я ни словомъ не упомяну о немъ; вездѣ моя манера держать себя и мои поступки будутъ таковы, что христіанство, въ которое я вѣрю, которое я исповѣдую и примѣняю на практикѣ, для меня,

какъ будто вовсе и не существуетъ; міръ и мысль продолжаютъ идти своимъ путемъ, какъ будто бы Христосъ и не приходилъ на землю“. Вотъ что должны-бы были сказать многіе изъ современныхъ христіанъ, проанализировавъ свое настроеніе. Быть можетъ, такое, чисто субъективное христіанство и могло существовать, когда такой способъ быть христіаниномъ былъ понятенъ и осуществимъ. Но въ настоящее время,—не правда ли?—такой способъ пониманія христіанства просто навнѣшъ и даже смѣшенъ. Дѣло въ томъ, что въ настоящее время всѣ хорошо чувствуютъ и вполне сознаютъ тѣ требованія, которыя предъявляетъ христіанство къ своимъ послѣдователямъ. Оно захватываетъ *всю* мысль. Оно спрашиваетъ ее, намѣрена ли она, или не намѣрена довольствоваться своими собственными средствами для объясненія всѣхъ явленій жизни и самой жизни. Если она хочетъ довольствоваться собою, то какъ возможно, при такомъ условіи, христіанское исповѣданіе? Если-же не хочетъ, то какимъ образомъ мысль убѣжденная въ своей недостаточности и ищущая восполненія въ христіанствѣ, можетъ пренебрегать этимъ свѣтомъ и не сознать необходимости согласовывать съ требованіями христіанства *всю* жизнь человѣчества и всѣ свои поступки? Нѣтъ, когда говорятъ о возвращеніи къ христіанству, то рѣчь идетъ не о какой нибудь ничтожной комбинаціи, удачной и полезной для какихъ-нибудь частныхъ цѣлей, предлагающей бѣдной и измученной, истерзанной душѣ лишь кратковременное убѣжище. Нѣтъ, если христіанство можетъ быть убѣжищемъ и для одного и для другаго, то значитъ, что воздвигнуто огромное зданіе, въ которомъ есть, въ концѣ концовъ мѣсто для всѣхъ, и въ которомъ всѣ могутъ и должны занять свое мѣсто. Признаете ли вы это? Во всякомъ случаѣ, лишь при этомъ условіи возможно полное согласіе на христіанство, потому что, очевидно, лишь при этомъ условіи мысль, объявляющая себя христіанскою, можетъ, вполне сознавая свою собственную недостаточность, искренно искать восполненія именно въ христіанствѣ и, слѣдовательно, признать истинное существованіе божественнаго Откровенія, въ прямомъ и собственномъ смыслѣ слова.

Тѣмъ говоритъ, съ одной стороны, о картинѣ вещей и жизни, сообразныхъ съ наукою, и съ другой,—о картинѣ вещей и жизни, сообразныхъ съ христіанствомъ ¹⁾. Намъ слѣдуетъ теперь, когда мы предлагаемъ и даже ясно видимъ, что картина жизни, согласной съ наукою является недостаточною, высказаться за достоинство другой картины. Говоря иначе, намъ слѣдуетъ высказать о христіанствѣ свое окончательное сужденіе. Христіанская религія есть ли истинная религія, т. е., совмѣстима ли она съ требованіями науки, или же, напротивъ, уже одинъ тотъ фактъ, что она есть міропониманіе, происходящее изъ другого источника, независимо отъ науки, осуждаетъ ее, какъ, несогласную съ природой и искажающую строй вещей и жизни? Всѣ остальные вопросы, могущіе возникнуть по этому поводу, суть ничто въ сравненіи съ этимъ вопросомъ, или же къ нему сводятся. Возратиться къ христіанской религіи значитъ ли отречься отъ науки? Если мы рѣшимъ вопросъ въ утвердительномъ смыслѣ, то тогда придется сказать христіанской религіи, хотя и благоговѣйное, грустное, но вмѣстѣ съ тѣмъ безповоротное и окончательное прости. Если же мы рѣшимъ вопросъ въ отрицательномъ смыслѣ, то почему не признать тогда, что христіанская религія, которая такъ благотворна и спасительна, есть истинная религія? Но разъ это радикальное затрудненіе устранено и вопросъ о коренной несовмѣстности христіанства съ наукою разрѣшенъ въ благоприятномъ для христіанства смыслѣ,—то что же можетъ помѣшать ему быть истинной религіей? Вѣдь оно представляетъ такое прекрасное и связное цѣлое, удовлетворяющее всѣмъ основнымъ потребностямъ. Оно предоставляетъ въ наше распоряженіе столько благотворныхъ средствъ, подтверждается столькими основаніями и доводами и, наконецъ, въ глазахъ всего свѣта является совершенно особеннымъ, исключительнымъ фактомъ. Если-же, наоборотъ, христіанскій и „современный“ образъ мыслей взаимно другъ друга исключаютъ, то какъ можемъ мы отречься отъ этого „современнаго“ образа мыслей, не отрекаясь при этомъ отъ науки и отъ самой даже мысли?

¹⁾ *Происхожденіе современной Франціи*, т. VI, (т. II о современномъ режимѣ, стр. 139, 2-е изданіе, 1894).

У одного стариннаго автора, мы находимъ слѣдующій разсказъ. Когда Евангеліе проповѣдывалось въ Нортумберландѣ, король Едвинъ собралъ вокругъ себя всѣхъ своихъ воиновъ. Онъ хотѣлъ посовѣтоваться съ мудрѣйшими изъ представителей своего народа относительно того, какъ должно отнестись къ этому новому ученію. Тогда одинъ старецъ сказалъ ему такъ:

„Вотъ, король, какимъ образомъ я представляю себѣ жизнь чловѣка на землѣ въ сравненіи съ вѣчностью, которая представляетъ для насъ тайну. Когда, зимой, ты возсѣдаешь на пиру со всѣми твоими вождями и слугами, среди залы горитъ яркій огонь и въ пей разлита пріятная теплота, между тѣмъ какъ на дворѣ бушуетъ непогода, бѣшено крутя слѣгъ или дождь. При этомъ случается иногда, что черезъ залу быстро пролетитъ воробей, влетая въ одну дверь и исчезая въ другую. Въ теченіе этого короткаго перелета онъ защищенъ отъ бѣшеныхъ порывовъ бури, но, увы, этотъ мигъ спокойствія столь же кратковременъ, какъ молнія, сверкающая въ небѣ и, вскорѣ исчезая изъ глазъ твоихъ, онъ отъ зимы снова возвращается къ зимѣ. Точно то же могу я сказать и о жизни чловѣческой: она блеснетъ лишь на мгновеніе и мы не знаемъ ни того, что ей предшествовало, ни того, что за ней послѣдуетъ. Итакъ, если новое ученіе приноситъ намъ хотя немного болѣе увѣренности, то оно вполне заслуживаетъ того, чтобы мы приняли его“ ¹⁾.

Аналогичное же разсужденіе слагается и въ умахъ нашихъ современниковъ. Ученіе уже не новое, напротивъ очень древнее, называющееся христіанствомъ;—будетъ-ли оно по пражному господствовать среди людей, или же, быть можетъ, господство его перейдетъ къ *какой-либо* другой силѣ? Является вопросъ: не есть-ли, въ концѣ концовъ, это древнее ученіе именно то, которое даетъ намъ наиболѣе увѣренности относительно великой тайны жизни и всѣхъ ея проявленій? И вотъ мы колеблемся принять ее, такъ какъ она кажется намъ не

¹⁾ *Бада Достопочтенный*, Hist. ecclés angl. II, 13. Я воспроизвожу здѣсь эту рѣчь по переводу *Годфруа Курта* (Godefroy Kurtt), приведенному въ его прекрасномъ сочиненіи, озаглавленномъ: *Происхожденіе современной цивилизаціи*, гл. VIII, т. II, стр. 18. 3-яго изданія (Брюссель, 1892).

совмѣстимой съ наукой а, вслѣдствіе этого, и ея рѣшеніе вопросовъ жизни представляется намъ мнимымъ и даже ложнымъ?...

Пора же, наконецъ, отнестись ко всѣмъ этимъ недоразумѣніямъ со всею опредѣленностію и искренностію. Теперь или, по крайней мѣрѣ, въ ближайшемъ будущемъ, мы должны же, наконецъ, отвѣтить на этотъ мучительный вопросъ. Особенно молодое поколѣніе, именно теперь вступающее въ жизнь, не можетъ избѣжать этой альтернативы: оно должно выбрать одно изъ двухъ или, по крайней мѣрѣ, должно быть въ состояніи сдѣлать этотъ выборъ.

Что скажетъ оно христіанству, которое оспариваетъ его у науки? Скажетъ ли оно ему, что все безвозвратно кончено; что, не смотря на всѣ чудеса, порожденные имъ, не смотря на всю симпатію, которая влечетъ къ нему, не смотря на все добро, которое оно еще можетъ сдѣлать,—что, не смотря на все это, оно не можетъ его признать, такъ какъ его основное требованіе противорѣчитъ наукѣ. или же, напротивъ, не скажетъ ли ему молодое поколѣніе, что, не смотря на всѣ чудеса, совершенныя и накопленныя наукой, не смотря на увѣренность всѣхъ людей въ томъ, что наука будетъ дѣлать все новыя и новыя успѣхи, оно не будетъ въ состояніи, не захочетъ и не станетъ ожидать отъ науки послѣдняго слова по вопросу о жизни и ея проявленіяхъ, признаетъ ея коренную недостаточность въ этомъ отношеніи, возложивъ свои надежды на христіанство, это древнее и въ то же время вѣчно новое ученіе,—признавъ, что оно одно обладаетъ глаголами *вѣчной* жизни а, вслѣдствіе этого, и жизни настоящей, земной?

Декартъ, въ одномъ изъ своихъ сочиненій, говоритъ такъ: „весьма необходимо хотя разъ въ жизни ясно понять и усвоить себѣ основные принципы метафизики, ибо именно они-то и даютъ намъ познаніе Бога и нашей души“ ¹⁾. Въ настоящее же время особенно необходимо, хотя разъ въ своей жизни, обсудить со всею точностію вопросъ религіозный. И прежде всего, спрашивается: въ чемъ же именно состоитъ это противорѣчіе, или эта несовмѣстность между наукой и христіанскою религіею? Не есть ли эта несовмѣстность нѣчто мнимое?

¹⁾ *Письмо къ принцессѣ Елизаветѣ*, 1643, изданіе Кузена, т. IX, стр. 134 изданіе Гарнье, т. III, стр. 251.

Мнѣ кажется, что чѣмъ болѣе мы цѣнимъ результаты, достигнутые наукой, и самый духъ науки, тѣмъ менѣе мы должны быть расположены смѣшивать съ наукой философію, которая хотя и опирается на нее и вдохновляется ею, однако вмѣстѣ съ тѣмъ и возвышается надъ нею, является къ ней какъ бы добавленіемъ. Истинно-научный духъ предостерегаетъ насъ отъ склонности смѣшивать представленіе о вещахъ, сообразное съ наукой, съ представленіемъ о вещахъ, *согласнымъ съ природой*. Наука, въ точномъ смыслѣ слова, ограничивается весьма малымъ количествомъ вещей и въ тѣхъ вопросахъ, при разрѣшеніи которыхъ къ ней обращаются за помощью, она не въ состояніи объяснить ни основанія, ни вершины предметовъ и явленій. И чѣмъ болѣе мы уясняемъ себѣ и постигаемъ, что такое наука, тѣмъ уже и ограниченнѣе становится въ нашихъ глазахъ ея значеніе, потому что мы начинаемъ понимать тогда, что не въ ея власти давать объясненіе сущности, послѣднихъ основаній и цѣлей существующаго. Отсюда слѣдуетъ, что не наука несовмѣстима съ христіанской религіей, а несовмѣстима съ ней извѣстная философія, которая идетъ дальше науки и которая, не будучи столь тѣсно ограничена, какъ она, не имѣетъ, конечно, и того безусловнаго авторитета, которымъ пользуется наука. Такимъ образомъ, не *научный* образъ мыслей, не самая наука опровергается христіанствомъ, или же, напротивъ, его опровергаетъ; но—тотъ образъ мыслей, который, хотя и внушается наукою, но не утверждается ею и который, хотя и встрѣчается у многихъ современныхъ людей, однако вовсе не составляетъ необходимой, подлинной и законной формы современной мысли ¹⁾.

Думаю, что, послѣ сдѣланныхъ разъясненій, для насъ достаточно ясно, на какую сторону, въ случаѣ безотлагательной необходимости принять какое нибудь рѣшеніе, станетъ образованное, мыслящее и ученое челоѣчество. Я не забываю ни объ упорной ограниченности, ни о неистовомъ фанатизмѣ тѣхъ изъ нашихъ современниковъ, которые стремятся во что бы то

¹⁾ См. объ этомъ замѣчательную книгу аббата Бролли (Broglie), составленную изъ его статей, печатавшихся ранѣе въ „Корреспонденціи“ подъ заглавіемъ: „Настоящее и будущее католицизма“ (Plon, 1892).

ни стало, „*déchristianiser*“ (*déchristianiser*) современное настроеніе и современныя учрежденія. Точно такъ же я не забываю и о томъ страхѣ, который внушаетъ еще и теперь людямъ,—притомъ не лишеннымъ ни ума, ни сердца,—призракъ *теократіи*: они хотятъ, чтобы всѣ дѣла и отношенія человѣческія были, какъ они выражаются, *секуляризованы* или *лаицизованы*,¹⁾ въ чемъ они, такимъ образомъ, присоединяются къ злѣйшимъ врагамъ религіи и даже самой свободы. Однако, при просвѣщенномъ и широкомъ взглядѣ на дѣло. если бы требованія и притязанія науки сопоставлялись съ требованіями христіанской религіи и рассматривались спокойно, хладнокровно,—тогда, безъ сомнѣнія, многіе по крайней мѣрѣ, спросили бы себя: почему бы современной мысли не стать снова христіанскою? что именно этому препятствуетъ? Уже и это было бы весьма много. Этотъ вопросъ теперь уже слышится и это, конечно, уже большой шагъ впередъ. Но мнѣ кажется, что въ ближайшемъ будущемъ будетъ сдѣланъ шагъ и еще дальше.

VI.

Мнѣ нѣтъ необходимости говорить здѣсь о средствахъ къ сохраненію христіанской вѣры,—о томъ, что составляетъ собственно личное дѣло cadaго, дѣло совѣсти, тайну бытія и жизни нравственной личности предъ лицомъ Бога. Нѣтъ, не это имѣю я здѣсь въ виду. Я говорю здѣсь лишь о томъ, что называется долгомъ, обязанностью человѣка относительно науки и образованности. Составляетъ ли наука, такъ сказать, противовѣсъ вѣры, препятствіе къ ней, или, напротивъ, ведетъ къ ней, есть въ отношеніи къ ней нѣчто въ родѣ приготовленія?—Этихъ вопросовъ я не стану здѣсь рассматривать. Въ настоящее время я говорю лишь объ отношеніи общества и особенно молодаго поколѣнія къ религіозному вопросу, въ томъ его видѣ, въ которомъ онъ теперь представляется, и въ тѣхъ опредѣленныхъ выраженіяхъ, которыя я старался установить. Пусть это будетъ христіанинъ, или не вѣрующій, но во всякомъ слу-

¹⁾ *Sécularisées, laïcisées*, т. е., изыты изъ вѣдѣнія и даже косвеннаго вліянія церкви А. В.

чаѣ на немъ прежде всего лежитъ обязанность быть пронигательнымъ, искреннимъ, чистосердечнымъ и прямодушнымъ послѣдовательнымъ: въ этомъ его главный *долгъ* въ отношеніи къ современному образованію.

Проницательность состоитъ въ томъ, чтобы уловлять и угадывать истинный смыслъ и значеніе каждаго вопроса. Христіанинъ ли вы, или не христіанинъ, но постарайтесь сознать и понять, что рѣчь идетъ не о какой нибудь временной сдѣлкѣ, а о томъ, что бы принять серьезное, опредѣленное и основательное рѣшеніе,—такое рѣшеніе, въ которомъ мысль была-бы серьезно и всецѣло заинтересована.

Искренность состоитъ въ томъ, чтобы не скрывать отъ себя ни одной изъ трудностей, могущихъ встрѣтиться на этомъ пути. Христіанинъ ли вы, или не христіанинъ, но постарайтесь составить себѣ ясное и полное понятіе какъ о христіанской, такъ и о противоположной ему идеѣ, постарайтесь выискнуть какъ въ ту, такъ и въ другую идею, такъ чтобы ничто не осталось уже для васъ скрытымъ изъ того, что въ нихъ удовлетворяетъ требованіямъ разума, или же, наоборотъ, что затемняетъ и затрудняетъ его.

Прямота, послѣдовательность состоитъ въ томъ, чтобы идти впередъ по прямому пути, не позволяя страстямъ совращать себя съ этого пути, ничего не страшась, подвигаясь впередъ съ отвагой и мужествомъ, которое не отступитъ передъ заключеніемъ, каково-бы оно ни было. Христіанинъ ли вы, или не христіанинъ, но постарайтесь утвердиться въ рѣшимости настолько любить истину, чтобы слѣдовать ей вездѣ и во всемъ, дѣйствуйте всегда чистосердечно, откровенно и мужественно идите къ послѣдовательнымъ заключеніямъ.

Добавимъ, что всякое познаніе въ области нравственныхъ и религіозныхъ истинъ обязываетъ насъ дѣйствовать такъ, чтобы нашъ образъ дѣйствій соотвѣтствовалъ познанной нами истинѣ въ той мѣрѣ, которая зависитъ отъ степени самаго познанія. Вотъ почему, разъ мы христіане то и должны проявлять свое христіанство во всей своей жизни. И вотъ почему пусть даже мы и отделились отъ христіанства, перестали или думаемъ, что перестали быть христіа-

нами; но если мы продолжаемъ видѣть въ христіанствѣ нѣчто такое, что все еще привлекаетъ насъ къ себѣ какъ бы нѣкоторый лучъ истины, то мы отнюдь не должны оставлять бесполезно гаснуть этотъ, хотя-бы и слабый свѣтъ. И разъ мы хранимъ этотъ свѣтъ, то мы должны идти впередъ, сообразно съ тѣмъ запасомъ свѣта, который у насъ еще имѣется. Вамъ мало этого свѣта: употребите съ пользою это малое количество его и тогда, при умѣломъ пользованіи имъ, вы вступите въ большій и болѣе яркій свѣтъ. Уважайте свѣтъ и любите его; стремитесь къ свѣту и пользуйтесь имъ. Это очень важно и ведетъ къ важнымъ послѣдствіямъ.

Слѣдуетъ, наконецъ, еще замѣтить и то, что когда вѣра потеряна вслѣдствіе излишней работы ума, анализирующаго ее въ мельчайшихъ подробностяхъ,—тогда является обыкновенно необходимость точно также усиленно работать умомъ и для того, чтобы вновь обрѣсти ее. Это не значитъ, чтобы она зависѣла главнымъ образомъ отъ этой работы, или чтобы, подобно знанію, она являлась, въ собственномъ смыслѣ этого слова, лишь результатомъ интеллектуальнаго усилія, такъ что чистота сердечная, добрая воля и божественная благодать не имѣли бы никакого преимущества предъ всѣмъ остальнымъ. Нѣтъ; это значитъ, что если одни, плохо направленные и выполненныя изслѣдованія мало по малу ослабили вѣру и, въ концѣ концовъ, даже совершенно уничтожили, заглушили ее въ человѣкѣ, то другія изслѣдованія, произведенныя съ большимъ и болѣе вѣрнымъ пониманіемъ дѣла и требующія болѣе серьезныхъ усилій, должны послужить къ оживленію ее въ человѣкѣ, должны снова возжечь въ немъ свѣтильникъ вѣры. И работа эта часто бываетъ долга и трудна. Препятствія какъ будто бы замѣтнымъ образомъ увеличиваются на каждомъ шагу. Для того, кто утратилъ всякое христіанское чувство, все представляется затрудненіе, все кажется труднымъ. И это совершенно справедливо. Такимъ образомъ желаніе снова вернуться къ христіанству является трудно осуществимымъ,—дѣломъ тяжелымъ, особенно при самомъ началѣ его и въ концѣ, когда слѣдуетъ придти къ какому нибудь заключенію и принять какое нибудь рѣшеніе. Въ промежуткѣ, между началомъ и кон-

цомъ, правда, наступаетъ періодъ затишья; но долго оставаться въ немъ было бы чрезвычайно опасно. Всѣ трудности и препятствія въ этотъ періодъ, повидимому, совсѣмъ исчезаютъ, такъ какъ начинается возвращающаяся христіанское сознаніе. Вотъ почему нѣкоторые, находя въ этотъ періодъ для себя обманчивый покой, до такой степени привыкаютъ къ нему, что уже бываютъ не въ силахъ изъ него выйти. Такимъ образомъ, они становятся вѣчными *полухристіанами*, которые никогда не могутъ сказать рѣшительнаго и окончательнаго: „да“ или „нѣтъ“. Они радуются за себя и вполне довольны, что имъ удалось достигнуть состоянія, которое предъ всѣми другими имѣетъ то обманчивое преимущество, что не требуетъ жертвы: они пользуются благами христіанской религіи, не подчиняя ей себя вполне. Однако, натуры благородныя, души великія питаютъ отвращеніе къ подобнымъ компромиссамъ. Чтобы возвратиться въ лоно христіанства, онѣ должны шагъ за шагомъ подняться по крутому скату горы. Онѣ находятъ это вполне справедливымъ, разъ онѣ имѣли слабость спуститься съ нея. Вотъ почему онѣ стараются, съ Божьею помощью, снова подняться на нее, страшась не того труда, который предстоитъ имъ, а того, что они не достигнутъ цѣли. Онѣ спрашиваютъ себя, съ чисто христіанскою чуткостію совѣсти, не пренебрегли ли онѣ какимъ нибудь призывомъ Христа, къ которому всѣмъ существомъ своимъ стремятся. Онѣ постоянно бодрствуютъ и стоятъ на стражѣ, опасаясь, чтобы Христосъ не прошелъ мимо, незамѣченнымъ нами: кто знаетъ, вернется ли Онъ опять? И въ самомъ дѣлѣ, если подобная небрежность будетъ повторяться часто и въ теченіи долгаго времени, то не послужитъ ли она препятствіемъ къ Его возвращенію?

VII.

Намъ остается разсмотрѣть только еще одинъ вопросъ, — именно вопросъ о томъ, какъ долженъ христіанинъ относиться къ другимъ людямъ и къ окружающей его жизни. Мы должны разъ навсегда рѣшить для себя этотъ вопросъ и именно въ настоящее время это болѣе необходимо, чѣмъ когда либо вслѣдствіе особенности современныхъ условій жизни.

Постараемся, прежде всего, возможно яснѣе поставить предстоящую намъ задачу. Дѣло не въ томъ, чтобы найти нѣкоторый *modus vivendi*: это узкій взглядъ, годный развѣ лишь для нѣкоторыхъ непослѣдовательныхъ христіанъ, помышляющихъ только о томъ, чтобы жить въ согласіи и мирѣ съ людьми, равнодушными къ вѣрѣ, не будучи, однако, при этомъ повинными въ пзмѣнѣ своей вѣрѣ. Впрочемъ, этотъ способъ быть христіаниномъ уже теперь, такъ сказать выходитъ изъ моды и во всякомъ случаѣ я не его имѣю въ виду.

Какъ извѣстно, въ глазахъ многихъ людей, въ большинствѣ случаевъ нехристіанъ, христіанинъ есть существо, проникнутое презрѣніемъ и ненавистью ко всякому, кто не можетъ назваться христіаниномъ,—ко всему, что не проникнуто духомъ христіанской религіи. Правда, онъ презираетъ и ненавидитъ все, что служитъ препятствіемъ къ распространенію царства Божія, ненавидитъ и презираетъ постольку, поскольку что-либо является для этой цѣли препятствіемъ. Но можно ли выводить изъ этого тѣ нелѣпыя и вредныя заключенія, какія выводятся обыкновенно? Вѣдь если мы встанемъ на точку зрѣнія истины, то мы вполне ясно и опредѣленно увидимъ, какого образа дѣйствій мы должны держаться, какими принципами мы должны руководиться въ своей жизни. Поль Орозъ (Orose) сказалъ. „Въ какую бы сторону я ни направилъ свои стопы, вездѣ я буду Римляниномъ среди Римлянъ, христіаниномъ среди христіанъ, человѣкомъ среди людей“. Точно также и я желалъ —бы сказать, что, въ какихъ бы областяхъ ни блуждала наша мысль, намъ нѣтъ ни какой надобности отречься отъ того, что составляетъ нашу сущность: пусть всякому ясно будетъ, кто мы и что мы. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь если я христіанинъ, то я не перестаю отъ того быть ни французомъ, ни человѣкомъ: точно такъ-же нигдѣ и никогда не перестаю я быть и христіаниномъ. Это значитъ, что все то, что волнуетъ современныхъ французовъ, точно такъ-же волнуетъ и интересуется и меня; что все, свойственное нормальному человѣку, доступное его пониманію, заслуживающее его одобренія, составляетъ точно также предметъ и моего вниманія, моего одобренія, моей симпатіи; что, наконецъ, вездѣ и всегда, будучи французомъ и мыслящимъ человѣкомъ, я остаюсь такъ-же и христіаниномъ.

Постараемся съ большею точностью и подробностью опредѣлить положеніе дѣла. Положимъ, вы преданы наукѣ. Христіанинъ преданъ ей такъ-же сильно, а можетъ быть даже и сильнѣе, чѣмъ вы. Почему не такъ? Вы заботитесь объ общественныхъ вопросахъ. Но и христіанинъ заботится о нихъ и, можетъ быть, даже болѣе, чѣмъ вы. Предметомъ самыхъ дорогихъ вашему сердцу попеченій являются интересы вашей родины, ея величіе, преобразование, возрожденіе, ея матеріальное и нравственное благосостояніе. Но и христіанину все это точно такъ-же дорого, какъ и вамъ и,—кто знаетъ?—быть можетъ, для него все это даже дороже, чѣмъ для васъ. Вообще, все, что есть въ васъ, есть и въ немъ, въ такой же степени, какъ и въ васъ, и,—повторяю еще разъ,—ни что не препятствуетъ, чтобы все это было въ немъ даже въ большей степени, чѣмъ въ васъ. Когда для извѣстнаго образа мыслей и дѣйствій достаточно быть просто французомъ и человѣкомъ, то христіанинъ такъ и думаетъ, и поступаетъ, и не кричить при этомъ во всеуслышаніе: „я христіанинъ“. Почему онъ такъ поступаетъ? Изъ уваженія къ человѣчеству? Вовсе нѣтъ. Изъ осторожности, быть можетъ? Опять таки нѣтъ. Онъ поступаетъ такъ просто изъ уваженія къ истинѣ. Вѣдь несомнѣнно, для него истинно, что, если въ данномъ случаѣ онъ что-либо думаетъ и дѣлаетъ такъ, а не иначе, то думаетъ и дѣлаетъ онъ это потому, что онъ французъ и человѣкъ. Къ чему же тогда добавлять еще: „я христіанинъ“? Это совершенно излишне, при томъ, пожалуй, это добавленіе можно было-бы счесть и за обманъ, такъ какъ оно давало бы основаніе думать, будто нельзя такъ думать и поступать, не будучи христіаниномъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, думая и поступая такимъ образомъ, онъ не отрѣшается отъ самаго себя. Нѣтъ, онъ по прежнему христіанинъ и если, благодаря своему христіанству, неразрывно связанному съ его личностью, съ самымъ его существомъ, онъ думаетъ и поступаетъ такъ, какъ свойственно французу и человѣку въ болѣе полной и совершенной степени; если онъ имѣетъ при этомъ болѣе возвышенныя намѣренія, большую чуткость совѣсти и т. д.: то тѣмъ лучше. Такимъ образомъ, онъ не выдаетъ за непосредственное

слѣдствіе своей христіанской религіи то, что является просто слѣдствіемъ человѣческой природы; но вмѣстѣ съ тѣмъ не лишаетъ себя и того подъема силъ, который сообщаетъ ему, при исполненіи его человѣческихъ обязанностей, его христіанская религія. Иногда онъ можетъ и прямо это высказать: вѣдь онъ не настолько неблагодаренъ и робокъ, чтобы всегда молчать объ этомъ...

Быть можетъ, вы хотѣли бы получить еще болѣе точныя и опредѣленныя указанія? Въ такомъ случаѣ, я укажу на слѣдующее. Человѣкъ занимается какой нибудь отдѣльной, спеціальной наукой: геометрией, физикой, біологіей, исторіей и т. д. Онъ относится къ этимъ наукамъ, какъ и слѣдуетъ развитому человѣку, пользующемуся всѣми тѣми ресурсами, которыя находятся, положимъ, въ распоряженіи француза конца истекающаго девятнадцатаго столѣтія. Онъ идетъ впередъ, какъ и подобаешь человѣку наблюдательному и мыслящему,—идетъ до тѣхъ поръ, пока можетъ это дѣлать безъ посторонней помощи, не прибѣгая къ христіанской религіи. Онъ ничего не скрываетъ и ничего не выставляетъ на показъ. Онъ просто, насколько возможно лучше, пользуется своимъ умомъ. Что дѣлаетъ въ подобныхъ случаяхъ каждый человѣкъ, то же дѣлаетъ и онъ, дѣлаетъ совершенно такъ-же, какъ и прочіе люди,—настоящіе люди. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ никогда не перестаетъ быть и христіаниномъ. Онъ по прежнему христіанинъ, а какъ только наука, въ точномъ смыслѣ этого слова, перестаетъ удовлетворять его, онъ обращается къ высшей помощи, не имѣя, однако, при этомъ вовсе ни какой надобности, такъ-сказать, перестать быть самимъ собою. Онъ никогда не представляетъ чего-либо отдѣльнаго отъ своей христіанской религіи и наоборотъ, она никогда не является для него чѣмъ-то какъ-бы извнѣ наложеннымъ,—какимъ то чужимъ одѣяніемъ, которое можно, когда захочется, снять и снова надѣть. Будучи христіаниномъ, онъ во всемъ остается самимъ собою и, такъ какъ при этомъ онъ остается и человѣкомъ въ собственномъ смыслѣ этого слова,—лишь человѣкомъ обращеннымъ въ христіанскую вѣру и исповѣдывающимъ ее,—то и оказывается, что онъ совершенно естественно исполняетъ

свои человѣческія и вмѣстѣ христіанскія обязанности: христіанская религія лишь вдохновляетъ его, поддерживааетъ, направляетъ или исправляетъ повсюду, гдѣ въ томъ окажется надобность, проявляясь, такимъ образомъ, во всѣхъ его поступкахъ и чрезъ то иногда являясь во всемъ своемъ блескѣ.

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что для христіанина не существуетъ никакого неудобства соединиться съ тѣми людьми, которые не причисляются къ христіанамъ, равно какъ онъ ни минуты не задумается и отдѣлиться отъ нихъ, какъ только это окажется необходимымъ. Онъ присоединяется къ нимъ, идетъ съ ними одною дорогою, за одно съ ними; но—лишь до тѣхъ поръ, пока вопросъ касается такихъ предметовъ, при которыхъ достаточно быть человѣкомъ, что-бы думать, говорить и поступать, какъ должно, хотя, съ помощью христіанства, можно было бы достигнуть и большаго совершенства. Онъ идетъ и дѣйствуетъ здѣсь за-одно со всѣми просвѣщенными и искренними людьми. Онъ цѣнитъ и уважаетъ компетентность вездѣ, гдѣ только ее находитъ; хвалитъ все достойное похвалы при какихъ бы обстоятельствахъ оно ни совершилось. И хотя бы люди, которые являются его сотрудниками, были лишь полу-христіанами или даже вовсе не были христіанами, онъ тѣмъ не менѣе уважаетъ въ нихъ тотъ умъ и то знаніе, которыми они обладаютъ; цѣнитъ въ нихъ ихъ порядочность, благородство, честность, прямодушіе; любитъ ихъ за все это, поддерживаетъ съ ними дружескія отношенія; пользуется ихъ познаніями и опытомъ, и дѣйствуетъ съ ними за одно до тѣхъ поръ, пока предпринятое и преслѣдуемое ими сообща дѣло не отрицаетъ идеи христіанства. Такимъ образомъ, онъ можетъ участвовать въ этомъ дѣлѣ въ качествѣ именно француза, человѣка,—человѣка свѣдущаго, ученаго, дѣловаго, человѣка, никогда и ни подъ какимъ видомъ не отступающаго и не отрекающагося отъ своей христіанской религіи, которую онъ носитъ въ себѣ, не выставляя безъ необходимости ея на показъ, которая въ данномъ случаѣ не составляетъ предмета или цѣли его дѣятельности, но всегда вдохновляетъ его и направляетъ его образъ мыслей и дѣйствій. И въ этомъ сотрудничествѣ съ полу-христіанами или даже вовсе нехристіанами не про-

является никакой слабости и ничего неблагоприятнаго. Христианинъ и нехристианинъ одинаково люди: и вотъ въ силу этого они и сходятся, приспособляются другъ къ другу, дѣйствуютъ за-одно, не дѣлая для этого никакихъ особенныхъ усилій и не подвергаясь при этомъ никакой опасности.

Но какъ только становится недостаточнымъ быть просто человекомъ для того, чтобы имѣть вѣрный взглядъ на вещи и поступать правильно, то христианинъ немедленно выступаетъ изъ сферы собственно человѣческой: онъ идетъ дальше, поднимается выше и не скрываетъ этого. Въ противномъ случаѣ онъ погрѣшилъ бы противъ истины. Въ случаѣ необходимости онъ даже иногда расходится и съ тѣми, съ кѣмъ прежде дѣйствовалъ за-одно, отдѣляется отъ нихъ и даже вступаетъ съ ними въ борьбу. Съ христианской точки зрѣнія пороки и заблужденія настолько заслуживаютъ осужденія, что съ ними нельзя мириться и любить ихъ даже ради тѣхъ людей, которые впади въ нихъ: слѣдуетъ любить *людей*, что-бы не возненавидѣть ихъ за ихъ пороки и заблужденія, но—не ихъ пороки и не заблужденія.

Такимъ образомъ христианинъ ничего не отвергаетъ, ничего не презираетъ, ни къ чему не питаетъ отвращенія и ненависти,—ни къ чему изъ того, что свойственно человеку, и вслѣдствіе этого является вмѣстѣ и самымъ снисходительнымъ человекомъ и самымъ суровымъ, несговорчивымъ. Если онъ ясно сознаетъ принципъ своей дѣятельности, то онъ никогда не дѣлаетъ уступокъ. Въ такомъ случаѣ, онъ проникнуть непоколебимою рѣшимостью поддерживать и защищать противъ всѣхъ не только свою христианскую вѣру, но и свой разумъ, свою совѣсть, самую свою честь: въ этомъ уваженіи и преданности всему истинному, прекрасному, справедливому, святому, видны глубокая чуткость сердца и, такъ сказать, ревность, ревнованіе по истинѣ, высшее проявленіе мужества. Его энергія здѣсь несокрушима. Но тамъ, гдѣ не затронуты принципы, онъ снисходителенъ и уступчивъ и оказываетъ другимъ всякаго рода вниманіе: вѣдь и самъ онъ глубоко сознаетъ свою собственную слабость и ничтожество. Вотъ это-то внутреннее смиреніе и дѣлаетъ его проникательнымъ, справедливымъ и добрымъ. Изъ

уваженія къ истинѣ, по чувству справедливости и изъ любви къ ближнимъ онъ старается понять и извинить другихъ людей, понять и извинить даже самыя ихъ заблужденія и ошибки, и умѣя осуждать всякое проявленіе лжи и зла, онъ, однако, никогда не позволяетъ себѣ относиться къ людямъ съ горечью, или съ презрѣніемъ.

Итакъ, вотъ что намъ нужно теперь знать и дѣлать. Современная молодежь, повидимому, именно къ этому теперь и стремится. Она ищетъ ясныхъ, опредѣленныхъ, могучихъ и широкихъ идей; она говоритъ о симпатіи, единодушій, согласіи и требуетъ, чтобы такъ-же и натуры мягкія, открытыя, всѣмъ и всему доступныя, были опредѣлены и сильно. Она требуетъ твердости, непоколебимости, хотя и не исключаетъ чувства снисходительности. Отказываться какъ отъ нерѣшительныхъ, неустойчивыхъ, такъ и отъ узкихъ, ограниченныхъ взглядовъ; остерегаться какъ ожесточенія, гнѣва, такъ и черезчуръ мягкой, банальной снисходительности: такова программа и она кажется мнѣ прекрасною. Если современная молодежь сдѣластъ рѣшительный шагъ по пути къ христіанству, то прежде всего ей необходимо усвоить и проводить въ сознаніе другихъ,—главнымъ образомъ своимъ собственнымъ примѣромъ,—мысль о необходимости занять именно то положеніе относительно людей и вещей, которое я только что пытался опредѣлить. И тогда, благодаря его стараніямъ, должны будутъ разсѣяться послѣдніе остатки того недоразумѣнія и тѣхъ ошибокъ, отъ которыхъ мы такъ страдаемъ: слабость человѣческая и тогда останется, но, по крайней мѣрѣ, исчезнетъ предрасудокъ, предубѣжденіе.

Но въ сущности,—быть можетъ возразятъ мнѣ,—вы сами-же стремитесь установить самое строгое разграниченіе между людьми, живущими въ одно и то же время и въ одной и той же странѣ. Вы раздѣляете людей на христіанъ и нехристіанъ; вы противопологаете ихъ другъ другу по уму, по мысли и по самому ихъ духу. Вы толкуете о мирѣ; но, вопреки вашимъ словамъ, обращая всеобщее вниманіе на религіозный вопросъ, утверждая, что надо принять какое нибудь рѣшеніе, т. е., стать на ту, или другую сторону,—вы возстановляете у насъ эпоху религіозныхъ войнъ.

Таково возможное возраженіе противъ меня. Однако, я, съ своей стороны, убѣжденъ, что я тружусь надъ окончаніемъ и совершеннымъ прекращеніемъ всѣхъ подобнаго рода войнъ. Я твердо надѣюсь, что современный кризисъ разрѣшится въ пользу истины и рода человѣческаго; вѣрю, что миссія будущаго столѣтія будетъ заключаться въ водвореніи мира во всѣхъ, враждующихъ нынѣ между собою, сферахъ, и льщу себя надеждой, что ему удастся водворить его на долгіе годы, быть можетъ—навсегда. Для того же, чтобы приготовить это будущее, я не знаю болѣе вѣрнаго средства, чѣмъ просвѣщеніе. Я говорилъ уже это, въ прошломъ году, молодежи, учащейся въ одномъ большомъ учебномъ заведеніи, въ которомъ я присутствовалъ при раздачѣ наградъ. Да будетъ мнѣ позволено повторить это и здѣсь: „Приготовьтесь быть людьми мира. Но какимъ же именно образомъ? Необходимо-ли для этого замалчивать всякіе вопросы? О нѣтъ, напротивъ, необходимо стараться, чтобы они постоянно оставались открытыми, какъ для васъ, такъ для другихъ. Необходимо-ли вамъ избѣгать всякаго рода столкновеній между противоположными интересами, или мыслями, и устранять всякія несогласія? Вовсе нѣтъ; скорѣе напротивъ, вы должны взглянуть прямо какъ на то, что разъединяетъ, такъ и на самыхъ разъединяемыхъ. Миръ можетъ быть водворенъ лишь просвѣщеніемъ, искренностію, чистосердечіемъ. Будучи людьми мира, вы должны дѣйствовать смѣло, рѣшительно, прямо, не должны уклоняться, медлить, оттягивать и откладывать вопросы. Ваши сужденія должны отличаться тою ясностью, которая является слѣдствіемъ мужества и бодрости. Вы должны знать, чего вы хотите и чего не хотите, должны знать, на что и кому сказать: „нѣтъ“, и кому: „да“. Хотя вы и должны быть готовы принять въ свое общеніе людей несовершенныхъ, но вы все таки всегда должны утверждать и доказывать, что истинное средство къ излеченію всякихъ золъ заключается лишь въ полной и совершенной истинѣ,—въ правдѣ. Вы никогда не должны поступаться правдою, достоинствомъ вашего характера и честью вашей жизни. Миръ можетъ быть пріобрѣтенъ и водворенъ лишь этою цѣною. Такъ какъ миръ есть порядокъ и согласіе, единеніе, а въ основѣ своей, въ

сущности—любовь, или по крайней мѣрѣ слѣдствіе любви, то онъ и требуетъ, подобно самой любви, чтобы все, что онъ сближаетъ и соединяетъ между собой, было чѣмъ нибудь реальнымъ. Если бы тотъ, кто любитъ, былъ лишь призрачнымъ существомъ, то что-же могъ бы онъ дать другимъ, разъ онъ самъ есть лишь фантомъ, ничто? И если, въ свою очередь, тотъ, кого любятъ, есть не что иное, какъ призракъ, существо кажущееся, то что же можно въ немъ любить? Я хорошо знаю, что любовь обращается даже и на то, что вовсе не существуетъ: но вѣдь въ такомъ случаѣ она имѣетъ цѣлью дать бытіе своему объекту и, если вы любите еще несуществующее, не осуществленное, такъ вѣдь это для того, чтобы создать его, пробудить къ жизни, подобно тому, какъ творческая Благость возлюбила ничто, дабы дать ему бытіе. Такимъ образомъ по прежнему остается достовѣрнымъ фактомъ, что *любовь предполагаетъ полное различіе*, раздѣленіе при полномъ согласіи, единеніе. А отсюда я вывожу заключеніе, что миръ, пріобрѣтенный цѣною обезцвѣчиванія, нивелировки идей, или уничтоженія личностей,—если бы только это оказалось возможнымъ,—или, по крайней мѣрѣ, цѣною забвенія о томъ, что ихъ раздѣляетъ и разъединяетъ,—такой миръ не былъ бы истиннымъ миромъ. Скорѣе напротивъ, только восходя на вершину всѣхъ вашихъ мыслей, вникая въ послѣднія основы бытія тѣхъ, съ кѣмъ вы входите въ соприкосновеніе,—путемъ идей точныхъ, вѣрныхъ, путемъ искренности и откровенности,—только при помощи всего этого, желая мира, вы будете содѣйствовать его водворенію и, будучи по истинѣ миротворцами, наслѣдуете землю¹⁾.

Такимъ образомъ, рѣшительность въ мысляхъ и поступкахъ, не только не увѣковѣчиваетъ, не закрѣпляетъ навсегда разногласія и раздоры, но, напротивъ, подготавливаетъ согласіе и сближеніе, а пока длится разногласіе, даетъ возможность видѣть тѣ точки соприкосновенія, которыя существуютъ между разномыслящими сторонами. Съ какой бы стороны мы ни взглянули на дѣло, она (рѣшительность) безусловно благопріятствуетъ истинному миру,—или поддерживаетъ его, или подготавливаетъ.

¹⁾ *Раздача наградъ въ коллегіи св. Станислава, 1-го августа, 1893 года.*

Хотѣлось мнѣ еще показать, какъ много можетъ сдѣлать для того дѣла обновленія, о которомъ я мечтаю, широкая и основательная философія. Но я здѣсь обращаюсь ко всѣмъ вообще мыслящимъ людямъ, а не къ философамъ исключительно. Быть можетъ, я когда нибудь возвращусь къ этому предмету. Теперь же скажу лишь нѣсколько общихъ, заключительныхъ словъ.

Какъ тотъ вѣкъ, который теперь кончается, такъ и тотъ, который скоро начнется, внушаетъ намъ, повидимому, порою болѣе унынія, чѣмъ надеждъ. Весьма характерно въ данномъ отношеніи, что то слово, которое встрѣчалось прежде исключительно на христіанскомъ языкѣ, теперь весьма часто и охотно употребляется философами, критиками, писателями всякаго рода. Это слово—*смиреніе*. Въ настоящее время много говорятъ о смиреніи. Однако, хорошо-ли знаютъ, что это слово значить? Боюсь, не смѣшиваютъ-ли люди, говорящіе о смиреніи, смиреніе съ нѣкоторымъ расслабленіемъ и робостью ума, отступающаго передъ величіемъ задачи. Если такъ, то это ложное и вредное, опасное смиреніе. Дѣлать меньше, чѣмъ можешь и долженъ сдѣлать; не пользоваться тѣми средствами, которыми обладаешь; отказываться дѣлать какія либо усилія; забывать о своихъ силахъ и оставлять ихъ въ бездѣйствіи безъ всякаго употребленія: это не смиреніе, а малодушіе, трусость, ничтожество ума и сердца. Все это очень дурно,—быть можетъ даже хуже, чѣмъ самое высокомеріе, такъ какъ отступать и прятаться, когда предстоитъ такъ много дѣла, постыдно, позорно и преступно! Истинное смиреніе заключается не въ этомъ, а въ томъ, что-бы чувствовать и сознавать свою собственную слабость, ничтожество: это-то именно сознаніе и есть начало, источникъ всякой силы. Поэтому-то оно не только не мѣшаетъ *совершать великія дѣла*, но напротивъ оно—то именно и даетъ намъ возможность совершать ихъ: съ помощью Бога, который всемогущъ и всѣмъ даетъ крѣпость и силу, истинно смиренный человѣкъ трудится надъ исполненіемъ своего долга и обыкновенно удачно доводитъ до конца великія дѣла.

И вотъ спрашивается: предъ лицомъ великой задачи настоящаго и ближайшаго будущаго, не будетъ-ли полезно такими размышленіями ободрять какъ самихъ себя, такъ и подростаящія

поколѣнія? Задача трудна и сурова: постараемся же выработать въ себѣ то высокое смиреніе, которое даетъ человѣку возможность совершать истинно великія дѣла!

Г Л А В А XXX.

Философія жизни.

Мы окончили свой этюдъ, въ которомъ пытались изложить свою философію жизни.

Мы старались узнать и уяснить себѣ, что такое жизнь, въ чемъ ея смыслъ и цѣль, какова ея цѣнность и каково должно быть ея употребленіе.

Мы пытались прослѣдить самое развитіе понятія о жизни.

Мы видѣли, какъ жизнь, такъ сказать, возрастаетъ и, возрастая, усложняется, обогачается, а затѣмъ снова упрощается, не оскудѣвая, однако, при этомъ.

Прежде всего, въ области фізіологіи, мы видѣли жизнь въ самыхъ низшихъ ея проявленіяхъ, но уже съ тѣми отличительными признаками, которые встрѣчались намъ потомъ во всякой жизни, такъ что уже въ ней (въ фізіологической жизни) оказались заложенными законы всякой жизни. Мысль, любовь, дѣйствіе, въ собственномъ смыслѣ этихъ словъ: какое богатство и какое разнообразіе! Какія различныя и разнообразныя формы! И, однако, во всемъ этомъ проявляется одна и та же жизнь,—лишь въ большей и болѣе совершенной степени.

Но вотъ эта сложная жизнь мало-по-малу упрощается, сводится къ единству, въ ея проявленія вводится гармонія. Болѣе высокимъ является то единство, которое сообщаетъ ей любовь къ добру, а еще выше стоитъ то, которое сообщаетъ ей любовь къ Богу. Вотъ актъ, въ которомъ соединяются всѣ люди, вотъ единственный Объектъ, къ которому все относится. Это высшее единство, въ свою очередь, является образцомъ для единенія людей между собой: сосредоточивъ всѣ наши привязанности въ Богѣ, въ Немъ и чрезъ Него мы любимъ всѣхъ людей, все вообще твореніе.

Съ этой высоты намъ открывается истинный законъ жизни: давать и получать, получать и давать.

Проявленіе этого закона мы встрѣчаемъ уже на самыхъ низшихъ ступеняхъ жизни, затѣмъ, по мѣрѣ того, какъ мы поднимаемся выше, онъ проявляется все чище и яснѣе; наконецъ, когда мы достигаемъ любви и доброты, онъ открывается намъ во всей своей реальности и красотѣ, какъ требованіе: „дай“. Принципъ же, источникъ и образецъ для выполненія этого закона заключается въ Богѣ: Богъ даетъ, ничего не теряя. Экономія вселенной состоитъ въ томъ, чтобы непрестанно передавать этотъ даръ Божій и, вотъ почему, существо разумное, подражая Богу, само жертвуетъ собою ради блага ближняго.

Здѣсь выступаетъ предъ нами другой законъ. Онъ касается прежде всего сущности конечнаго, созданнаго и затѣмъ—грѣха. Это законъ самоотреченія, жертвы, смерти. Христіанство учитъ, что самъ Богъ восхотѣлъ пострадать и умереть, чтобы привести людей къ истинной жизни. Самоотреченіе, жертва, смерть—все это, слѣдовательно, средства къ жизни. Черезъ все это мы достигаемъ истинной жизни, такъ какъ устраняемъ всѣ препятствія къ ней. Кто хочетъ сохранить жизнь свою, тотъ потеряетъ ее, а кто потеряетъ ее ради Бога, который Самъ есть высшая Жизнь, тотъ найдетъ ее.

Всегда и во всемъ отрѣшаться отъ эгоистическаго чувства: это одно изъ условій истинной жизни. Другое условіе, которое, въ сущности, одинаково съ первымъ, заключается въ томъ, чтобы, отрѣшаясь отъ всего ограниченаго, мелочнаго, ничтожнаго, частичнаго, снять съ нашихъ мыслей, привязанностей, всѣхъ нашихъ чувствъ и дѣйствій и, нѣкоторымъ образомъ, съ самой нашей плоти, все тлѣнное, смертное, дабы развить и усовершенствовать въ себѣ все то, что способно навсегда продолжаться,—вѣчное.

Такимъ образомъ, именно любовь, въ концѣ концовъ, объясняетъ все. Богъ—Существо совершенное, свободное и щедродательное—дастъ намъ все, призывая всѣ разумныя существа къ совершенству и блаженству, то-есть, къ Себѣ и они отвѣчаютъ на призывъ Его, идутъ къ Нему, получая отъ Него каждое сообразно природѣ своей и чрезъ то становясь способ-

ными, и съ своей стороны, нѣчто давать Ему,—выражать ему чувства благодарности и признательности. Подражая своему первообразу, разумныя существа даютъ нѣчто всѣмъ вокругъ себя, всѣмъ, стоящимъ ниже себя, при этомъ иногда даже жертвуя собою ради общаго блага; но они даютъ такъ-же и Тому, Кто стоитъ выше ихъ, какъ бы странно это ни казалось, —Истинѣ, Благу, Богу,—приносятъ Ему въ даръ свое уваженіе, свою любовь. Любить или давать,—давать ото всего сердца, тратить всѣ свои силы ради блага другихъ и ради Бога,—вотъ въ чемъ заключается высшій смыслъ жизни. Богъ даетъ, чтобы Его созданіе пользовалось благами жизни и само было благо,—„да благо ти будетъ“¹⁾ Подобнымъ-же образомъ и тварь должна давать съ тою же цѣлью. Любовь ведетъ ко благу,—бытію, жизни,—и сама есть жизнь. Любить значитъ желать, чтобы нѣчто существовало,—желать, чтобы существовалъ Богъ; желать трудиться, что бы усиливать, развивать, обогащать, возвышать созданныя Имъ существа; значитъ, наконецъ, все снова и снова и всегда повторять: „да благо ти будетъ“.

При такомъ взглядѣ на жизнь, она получаетъ неизмѣримо высокую цѣнность. Драгоценна она и потому, что въ ней надлежитъ быть человѣкомъ, т. е., существомъ разумнымъ, нравственнымъ, членомъ *града духовъ*. Драгоценна она и потому, что служитъ подготовленіемъ къ иной жизни. Драгоценна, наконецъ, оно и потому, что даже и въ этой жизни мы можемъ уже быть и обязаны быть *сотрудниками* Богу. Въ сущности, все сводится къ тому, чтобы любить Бога, а ради Него и—все остальное; желать того, что угодно Богу. Въ этомъ-то и заключается цѣна жизни. Поэтому не будемъ больше говорить, будто жизнь не стоитъ того, чтобы жить, будто она есть „пустая и глупая шутка“. Конечно, человѣческія бѣдствія и нищета громадны и часто мы невольно поддаемся искушенію сказать, вмѣстѣ съ поэтомъ, что человѣкъ вполне справедливо начинаетъ свою жизнь слезами, съ которыми онъ и появляется на свѣтъ, такъ какъ ему приходится переживать въ жизни столько страданій:

1) Второз. IV, 40; V, 33; VI, 24; XXII, 7.

Vagituque locum lugubri complet, ut aequum est,
Cui tantum in vita restet transire malorum.

Но постараемся лучше понять жизнь и тогда мы скажемъ себѣ, что принимать ее слѣдуетъ съ довѣріемъ: вѣдь намъ предстоитъ въ жизни сдѣлать такъ много хорошаго, столько добра! Если мы поставимъ себѣ цѣлью посвятить всю свою жизнь на служеніе Богу и ближнимъ, что бы такимъ путемъ достигнуть жизни полной и совершенной,—то мы никогда въ ней не разочаруемся. Говоря строго, жизнь обманываетъ лишь тѣхъ, которые *недостаточно много* отъ нея ожидаютъ.

* * *

ЛИСТОКЪ

ДЛЯ

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ

31 Денабря № 24. 1897 года.

Содержаніе. Высочайшія награды.—Отъ Харьковскаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта.—Отчетъ о лѣтнихъ педагогическихъ курсахъ для учителей второклассныхъ церковно-приходскихъ школъ, учрежденныхъ въ г. Харьковѣ въ 1897 году (окончаніе).—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Отъ редакціи „Листва для Харьковской Епархіи“.—Объявленія.

Высочайшія награды.

Государь Императоръ, согласно съ заключеніемъ Комитета о службѣ чиновъ гражданскаго вѣдомства и о наградахъ, вслѣдствіе представленія Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода, Всемилостивѣйше соизволилъ, къ 6-му декабрю сего года—дню Тезоименитства Его Императорскаго Величества, на награжденіе званіемъ личнаго почетнаго гражданина, за заслуги по Вѣдомству Православнаго Исповѣданія, вольнонаемнаго писца Харьковской Духовной Конспсторіи, мѣщанина Ивана *Яковенко*.

За заслуги по духовному вѣдомству Всемилостивѣйше пожалованы къ 6-му числу декабря 1897 г., серебряными медалями, съ надписью „за усердіе“: для ношенія на шеѣ на *Станиславской лентѣ*—староста Покровской церкви заштатнаго города Чугуева, Зміевскаго уѣзда, 2-й гильдіи купецъ, Максимъ *Проценко*; для ношенія на груди на *Александровской лентѣ*—учительница Маньковской церковно-приходской школы, Куинянскаго уѣзда, Александра *Попова*.

Отъ Харьковскаго Епархіального Училищнаго Совѣта.

Харьковскій Епархіальный Училищный Совѣтъ симъ выражаетъ отъ имени Его Высокопреосвященства глубокую благодарность женамъ священниковъ церквей: въ слободѣ Рубежной, Волчанскаго уѣзда, Еленѣ Павловнѣ Яковлевой и въ селѣ Залиманьѣ, Изюмскаго уѣзда, Глафирѣ Алексѣевнѣ Поповой, за безмездные труды ихъ по обученію дѣтей въ мѣстныхъ церковно-приходскихъ школахъ.

Отчетъ о лѣтнихъ педагогическихъ курсахъ для учителей второклассныхъ церковно-приходскихъ школъ, учрежденныхъ въ г. Харьковѣ въ 1897 г.

(Окончаніе *).

Въ отношеніи учебныхъ занятій слушатели курсовъ находились также въ благопріятныхъ условіяхъ. Не говоря уже о томъ, что всѣ лекторы во все продолженіе курсовъ своимъ усердіемъ въ исполненіи принятыхъ на себя обязанностей и готовностію удовлетворять всякое проявленіе любознательности и разяснять всякое недоумѣніе курсистовъ, они въ достаточномъ количествѣ были снабжены программами, всѣми учебниками и учебными пособіями, указанными въ программахъ, частію высланными отъ Училищнаго Совѣта при Св. Синодѣ, а главнымъ образомъ приобрѣтенными распорядительною коммиссіею; письменныя принадлежности, нотная бумага, принадлежности для уроковъ черченія и кройки, какъ то: готовальни, циркули, угольники, линейки, рѣзцы, резины и т. п. приобрѣтены были въ достаточномъ количествѣ; въ ихъ распоряженіи находился семинарскій физическій кабинетъ, которомъ они пользовались, подъ наблюденіемъ лектора, въ широкихъ размѣрахъ; въ ихъ распоряженіе предоставлены были почти всѣ журналы духовные и свѣтскіе, находящіеся въ семинарской библіотекѣ и редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“, а также инструменты семинарскаго оркестра. Съ ихъ стороны требовалось только усердіе и желаніе пользоваться тѣми средствами пополненія своихъ знаній, которыя имъ охотно и съ полнымъ расположеніемъ предлагались.

XI. Исполненіе смѣты по устройству курсовъ.

На устройство курсовъ въ г. Харьковѣ распорядительною коммиссіею получено отъ Училищнаго Совѣта при Св. Синодѣ 5462 р.

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1897 г., № 23.

63 к. По статьямъ сумма эта распредѣлялась такимъ образомъ: 1) на путевые расходы учителямъ 1362 р. 63 к., 2) на содержаніе дома 400 р., 3) на содержаніе учителей пищею и чаемъ 1500 р., 4) на вознагражденіе лекторовъ 1000 р.; 5) на вознагражденіе членовъ распорядительной комиссін 650 р., 6) на учебныя принадлежности и пособія 250 р. и 7) на мелочные и экстраординарные расходы 300 р.

Смѣта эта приближительно выдержана по всѣмъ статьямъ.

1. На путевые расходы курсистовъ отпущено 1362 р. 63 к., дѣйствительно выдано 1361 р. 39 к.; *меньше на 1 р. 24 к.* потому, что одному изъ Харьковскихъ учителей проѣздъ обошелся на эту сумму дешевле, чѣмъ онъ первоначально показалъ.

2. По содержанію помѣщенія для курсистовъ и прислуги ассигновано 400 р., израсходовано 397 р.; *меньше на 2 р. 17 к.*; сверхъ сего за отопленіе кухни и куба для чая по дополнительной ассигновкѣ отпущено 96 р.

3. По содержанію курсистовъ пищею и чаемъ ассигновано 1500 р., израсходовано 1391 р. 18 к.; *меньше на 108 р. 82 к.*, вслѣдствіе того, что содержалось не 100, а 87 человекъ. Должно бы остаться 195 р., но такъ какъ при курсистахъ было 10 чел. прислуги, на содержаніе которой не было ничего отпущено и на ея содержаніе израсходовано 86 р. 18 к., то дѣйствительно и осталось 108 р. 82 к.

4. На вознагражденіе лекторовъ ассигновано было 1000 р.; дѣйствительно израсходовано 1188 р.; *больше на 188 р.* Произошла эта передержка вслѣдствіе того, что сверхъ лекцій по предметамъ школьной программы, по распоряженію Его Превосходительства, г. наблюдателя церковныхъ школъ Имперіи, В. И. Шемякина, введено было обученіе столярному, токарному и переплетному мастерствамъ и кройкѣ, руководителямъ которыхъ уплачено 198 р. Лекторы по Закону Божію, церковному пѣнію, педагогикѣ, русскому языку, арифметикѣ, физикѣ, черченію, исторіи, географіи, гигиенѣ, сельскому хозяйству и пчеловодству, по предварительному съ ними соглашенію Училищнаго Совѣта, получали по 5 р. за часовую лекцію, такъ какъ меньшее вознагражденіе въ канцелярное время, предназначенное для отдыха, они считали для себя недостаточнымъ. Всѣхъ лекцій по вышеозначеннымъ предметамъ прочитано 198, что, считая по 5 р. за каждую лекцію, составитъ 990 р. Руководитель столярнаго и токарнаго ремесла далъ по 12

уроковъ, а всего 24 урока того и другого ремесла по 3 р. урокъ, что составить 72 р. А такъ какъ онъ дѣйствительно руководилъ занятіями курсистовъ по означеннымъ ремесламъ не черезъ день, какъ значится по записи уроковъ, а каждый день, то каждый часъ въ дѣйствительности оплачивался 1 р. 50 к. За 17 дней занятій по перенлетному мастерству, по 27 каждый день, платилось по 3 р. за день, или по 1 р. 50 к. за часъ, всего уплачено 51 р. За весь курсъ кройки заключено 75 р. Всего такимъ образомъ по этой статьѣ подлежитъ уплатѣ 1188 р.

5. На вознагражденіе членовъ распорядительной комиссіи ассигновано и израсходовано 650 руб.

6. На учебники и учебныя пособія выслано 250 руб., израсходовано 356 руб. 44 коп., *больше на 106 руб. 44 коп.* Эта перерасходка произошла отъ того, что а) для занятій по токарному и столярному ремеслу и кройкѣ были взяты на прокатъ токарныя станки и верстаки и покупались учебныя пособія, какъ-то: сантиметры, рѣзцы, резины, линейки и матеріалъ для работъ, всего на 65 руб. 63 коп., б) по распоряженію Его Превосходительства, В. И. Шемякина, приобрѣтены для раздачи курсистамъ пзданія г. Полетаева: „О значеніи женскихъ второклассныхъ церковныхъ школъ“ и „Второклассныя церковныя школы“, и о. Фуделя: „Народное образованіе и школа“ на 40 руб., а всего на 105 руб. 63 коп. Такимъ образомъ по этой статьѣ собственно перерасходовано комиссіей только 81 коп.

Всѣ книги, высланныя отъ Училищнаго Совѣта при Св. Синодѣ и приобрѣтенныя распорядительною комиссіею по распоряженію Училищнаго Совѣта при Св. Синодѣ, розданы слушателямъ курсовъ. Училищный Совѣтъ счелъ полезнымъ оставить только по одному экземпляру каждаго названія, а также учебныя принадлежности, приобрѣтенныя для уроковъ черченія и кройки, какъ-то: готовальни, циркули, линейки, рѣзцы, сантиметры и т. п.

7. На мелочныя и экстраординарныя расходы ассигновано 300 р., израсходовано 284 руб. 30 коп., *меньше на 15 руб. 70 коп.* Деньги по этой статьѣ расходовались главнымъ образомъ на устройство экскурсій въ Спасовъ Скитъ, Куряжскій монастырь, сельско-хозяйственную ферму и въ садъ Гришке.

Итакъ по стт. 4-й и 6-й перерасходовано 294 руб. 44 коп., а по стт. 1-й, 2-й, 3-й и 7-й сбереженій 127 руб. 93 коп.; такимъ образомъ всего перерасходовано 166 руб. 51 коп. Этотъ перера-

сходъ, а также 96 руб. за уголь для кухни и куба и 25 руб. въ вознагражденіе священника Петровскаго за обученіе скрипичной игръ восмѣщены по дополнительной ассигновкѣ Училищнымъ Совѣтомъ при Св. Синодѣ. Такимъ образомъ устройство лѣтнихъ курсовъ въ г. Харьковѣ обошлось въ 5750 руб. 14 коп.

ХІІ. О лицахъ посѣщавшихъ педагогическія курсы.

Въ теченіе шестинедѣльнаго срока курсы были посѣщаемы лицами высокопоставленными и интересующимися дѣломъ народнаго образованія.

Его Высокопреосвященство, Высокопреосвященнѣйшій Амвросій, Архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій, изволилъ совершать литургію въ семинарской церкви 8 іюля въ день празднованія явленія Казанской Иконы Божіей Матери. На литургіи произнесено было слово Высокопреосвященнѣйшаго Владыки на тему: „О необходимости для православнаго христіанина участвовать въ церковной жизни, чтобы сохранить въ душѣ своей вѣру“. Слово это было роздано всѣмъ курсистамъ въ руководство ихъ дальнѣйшей дѣятельности на поприщѣ народнаго образованія.

Его Превосходительство, г. наблюдатель церковныхъ школъ Имперіи, В. И. Шемякинъ, присутствовалъ при открытіи курсовъ 25 іюня и затѣмъ въ теченіи 2 дней посѣщалъ лекціи, давалъ практическія указанія относительно устройства курсовъ членамъ распорядительной комиссіи и бесѣдовалъ съ слушателями курсовъ по епархіямъ о цѣляхъ, которыя должны быть преслѣдуемы во второклассныхъ школахъ.

27 іюня курсы посѣтилъ Его Превосходительство, г. попечитель Харьковскаго Учебнаго Округа, д. с. с. И. П. Хрущовъ, который прослушалъ нѣсколько лекцій и осматривалъ помѣщенія, отведенныя для курсистовъ.

Въ числѣ посѣтителей курсовъ нужно отмѣтить: директора Харьковскаго Земледѣльческаго училища д. с. с. А. Колесова, членовъ Харьковскаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта, инспектора народныхъ училищъ Купянскаго и Зміевскаго уѣздовъ, г. Невскаго, епархіальныхъ наблюдателей: Пензенскаго и Воронежскаго, изъ которыхъ каждый жилъ при курсахъ по нѣсколькимъ днямъ; уѣздныхъ наблюдателей: Богучарскаго, Воронеж. губ., слушавшаго курсы въ теченіи 2 недѣль, Ставропольскаго, Мелитопольскаго, Тавр. губ., и почти всѣхъ уѣздныхъ наблюдателей Харьк. губ.

Кромѣ того многіе священники Харьковской губерніи посѣщали курсы и слушали лекціи, читавшіяся на нихъ. Къ сожалѣнію, священники, по обязанностямъ своего служенія, не могли оставаться для слушанія лекцій на продолжительное время и посѣщали курсы только на короткій срокъ. Не мало также и свѣтскихъ лицъ, интересующихся дѣломъ народнаго образованія, посѣщали курсы.

Наконецъ 10 августа, въ день закрытія курсовъ, литургію въ семинарской церкви и благодарственный молебенъ совершалъ Его Преосвященство, Преосвященный Петръ, Епископъ Сумской. На литургіи Его Преосвященство произнесъ предъ слушателями курсовъ слово, въ которомъ онъ выяснилъ своимъ слушателямъ, при какихъ условіяхъ ихъ дѣятельность на поприщѣ народнаго образованія можетъ быть плодотворною. Затѣмъ Владыка присутствовалъ на актѣ, которымъ закончены были педагогическіе курсы для учителей второклассныхъ школъ въ г. Харьковѣ.

XIII. Неудобства при устроеніи педагогическихъ курсовъ въ г. Харьковѣ въ 1897 г.

Не смотря на то, что какъ члены Распорядительной Комиссіи, такъ и лекторы и слушатели курсовъ съ полнымъ усердіемъ относились къ исполненію своихъ обязанностей и прилагали всѣ старанія къ тому, чтобы сдѣлать курсы возможно плодотворнѣе, было однако обстоятельство, которое препятствовало на курсахъ достиженію успѣха въ полной мѣрѣ. Обстоятельствомъ этимъ являлась многопредметность курсовъ.

По распоряженію Училищнаго Совѣта при Св. Синодѣ на курсахъ читались лекціи по 12 предметамъ: Закону Божію, церковному пѣнію, педагогикѣ, русскому языку съ церковно-славянскимъ, ариметикѣ, физикѣ, геометрическому черченію, исторіи, географіи, гигиенѣ, сельскому хозяйству и пчеловодству; кромѣ того, по указанію Его Превосходительства г. Наблюдателя церковныхъ школъ Имперіи, В. И. Шемякина, введены были занятія по ремесламъ: столярному, токарному, переплетному, кройкѣ и скрипичной игрѣ. Вслѣдствіе этого у слушателей курсовъ не было никакой возможности сосредоточиться на томъ или другомъ предметѣ и глубже вникнуть въ него. Въ самомъ дѣлѣ, для большинства слушателей курсовъ учебный день представлялся въ слѣдующемъ видѣ: отъ 7¹/₂ до 8¹/₂ ч. утра игра на скрипкѣ; тутъ же время и

для утренняго чая; съ 9 до 8^{1/2} часовъ лекціи; съ 1^{1/2} до 2 ч. обѣдъ; съ 3 ч. до 5 ч. занятія ремеслами; тутъ же время и для вечерняго чая; съ 5^{1/2} до 7^{3/4} ч. вечернія лекціи, въ 8 часовъ ужинъ; послѣ ужина спѣвка до 9, даже до 9¹ ч. Цѣлый день наполненъ былъ занятіями и не только не оставалось времени для того, чтобы вникнуть хорошенько въ то, что за день пришлось услышать и записать на лекціяхъ, но даже и для отдыха едва удавалось найти свободныхъ полчаса или часъ предъ обѣдомъ или ужиномъ. Къ этому пужно еще добавить, что и большинство праздничныхъ дней не было совсѣмъ свободно отъ занятій.

Несомнѣнно, курсы принесли бы слушателямъ больше пользы, въ смыслѣ наилучшаго усвоенія сообщавшихся имъ свѣдѣній, если бы число предметовъ, читавшихся на нихъ, было не такъ велико.

XIV. *Закрытіе курсовъ.*

9 августа въ субботу закончены были учебныя занятія на курсахъ и 10 августа, по благословенію Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнѣйшаго Амвросія Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, согласно опредѣленію Св. Синода отъ 16/23 мая 1897 г. за № 1600, состоялось закрытіе курсовъ. Въ этотъ день литургія въ семинарской церкви и послѣ нея благодарственный Господу Богу молебенъ совершены были Его Преосвященствомъ Петромъ, Епископомъ Сумскимъ, при пѣніи хора въ курсистовъ и учениковъ образцовой при семинаріи школы. Послѣ богослуженія состоялся актъ. Актъ начался пѣніемъ молитвы „Царю Небесный“, послѣ которой слушателями курсовъ въ полномъ составѣ стройно и величественно пропѣтъ былъ псаломъ: „Хвалю, душе моя, Господа“. По окончаніи псалма инспекторомъ курсовъ прочитанъ былъ настоящій отчетъ въ сокращенномъ видѣ. Затѣмъ всѣми курсистами пропѣтъ былъ догматикъ: „Въ Чермнѣмъ мори“, послѣ котораго лекторомъ Н. Страховымъ произнесена была курсистамъ рѣчь, въ которой онъ убѣждалъ учителей, не смотря на всѣ невзгоды учительскаго служенія, находить для себя утѣшеніе въ высокомъ своемъ призваніи. По окончаніи этой рѣчи пропѣтъ былъ гимнъ: „Боже, Царя храни“ и затѣмъ пѣніемъ „Достойно есть“ актъ былъ оконченъ. На актѣ, кромѣ Его Преосвященства, Преосвященнаго Петра, Епископа Сумскаго, присутствовали члены распорядительной Коммиссіи, члены Училищнаго Совѣта, лекторы, городскія власти, предста-

вители учебныхъ заведеній и много сторонней публики. Въ залѣ, гдѣ происходилъ актъ, были выставлены работы курсистовъ по столярному, токарному и переплетному мастерствамъ, кройкѣ и физическіе приборы, сдѣланные ими. 10 и 11 августа всѣ слушатели курсовъ отбыла на мѣста своего служенія.

Инспекторъ лѣтнихъ Педагогическихъ курсовъ въ г. Харьковѣ, Ректоръ Семинаріи, Протоіерей Іоаннъ Знаменскій.

Епархіальныя извѣщенія.

Служащій по вольному найму въ Харьковской Духовной Консисторіи мѣщанинъ Иванъ *Яковенко* 6 декабря н. г. Всемилостивѣйше награжденъ званіемъ личнаго почетнаго гражданина за заслуги по духовному вѣдомству.

— Священники Лебединской Успенской соборной церкви Василій *Лихницкій* и Николаевской церкви с. Боровеньки, Лебединскаго уѣзда, Николай *Антоновъ*, награждены фіолетовою скуфьею.

— На праздно священническое мѣсто къ Архангело-Михаиловской церкви заштатнаго города Бѣлополя, Сумскаго уѣзда, опредѣленъ діаконъ Петро-Павловской церкви того же города Іоаннъ *Василевскій*.

— Членъ Харьковской Духовной Консисторіи, протоіерей Андрей *Дюковъ*, 28 ноября н. г., волею Божіею, скончался.

— Священникъ Архангело-Михаиловской церкви заштатнаго города Бѣлополя, Сумскаго уѣзда, Ілія *Виноградскій* 5 декабря н. г., волею Божіею скончался.

— Псаломщикъ церкви слоб. Муратовой, Старобѣльскаго уѣзда, Гавріилъ *Климентовъ*, опредѣленъ на діаконское мѣсто, къ церкви слободы Смольвниковой.

— Псаломщикъ Благовѣщенской церкви с. Тростянца, Ахтырскаго уѣзда, Филиппъ *Приходинъ* 2 ноября н. г. рукоположенъ въ санъ діакона съ оставленіемъ на псаломщицкой вакансіи.

— Діаконъ церкви сл. Смольвниковой, Старобѣльскаго уѣзда, Іоаннъ *Дикаревъ*, по старости лѣтъ, уволенъ заштатъ.

— Діаконъ—псаломщикъ Покровской церкви с. Терновъ, Лебединскаго уѣзда, Димитрій *Котляровъ* 30 ноября н. г., волею Божіею, скончался.

— Къ Вознесенской церкви с. Бобріка, Сумскаго уѣзда, перемѣщенъ согласно прошенію, псаломщикъ Θεодоро-Стратилатовской церкви с. Тучнаго, Лебединскаго уѣзда, Филаретъ *Яблоновскій*.

— Окончившій курсъ въ Духовномъ училищѣ Федоръ *Бугуикій*, опредѣленъ на псаломщичье мѣсто, при церкви слоб. Муратовой.

— Сынъ псаломщика Алексѣй *Самойловъ*, допущенъ къ исправленію должности псаломщика при церкви, сл. Макортетинской Старобѣльскаго уѣзда.

— Псаломщикъ Вознесенской церкви с. Бобрюка, Сумскаго уѣзда, Іосифъ *Поздняковъ* уволенъ, согласно прошенію, заштатъ.

— Утвержденъ въ должности церковнаго старосты къ Николаевской церкви с. Чернетчины, Ахтырскаго уѣзда, крест. Никита *Зеленскій*.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе. По поводу встрѣчи Нового года.—Заботы объ открытіи епархіальныхъ библіотекъ.—Благовременный призывъ духовенства къ усиленію религиозно-просвѣтительной дѣятельности.—Отрадная вѣсть.—Къ вопросу о законоучительствѣ въ свѣтскихъ школахъ.—Правительственное распоряженіе о передачѣ народныхъ школъ изъ одного вѣдомства въ другое.—Распространеніе свѣдѣній о церковной старинѣ.—Выставка памятниковъ, относящихся къ жизни и дѣятельности св. Митрофанія, епископа Воронежскаго.—Юбилейное торжество.

Новый годъ, какъ извѣстно, принято у насъ, особенно въ большихъ городахъ, встрѣчать шумнымъ пиршествомъ, среди всевозможнаго рода грѣховныхъ забавъ и развлеченій. Въ виду этого весьма отрадно отмѣтить появившійся только въ недавнее время обычай совершать, съ разрѣшенія мѣстной епархіальной власти, молебствіе въ храмахъ въ полночь подъ новый годъ. Правда это молебствіе совершается всюду 1-го января послѣ литургіи, и гдѣ подъ новый годъ мирно почиваютъ, какъ напрямѣръ въ деревняхъ, — нѣтъ нужды въ совершеніи молебствія именно въ полночь; но тамъ, гдѣ въ полночь подъ новый годъ царитъ разгулъ, весьма благотворно именно въ это время призвать къ молитвѣ встрѣчающихся въ грѣховномъ бодрствованіи новый годъ. Нельзя не согласиться съ мнѣніемъ нѣкоторыхъ, что въ совершеніи молебствія въ полночь подъ новый годъ пастырская практика нашла вѣрное и надежнѣйшее средство для противодѣйствія грѣховной встрѣчѣ новаго года. Многіе вовлекаются въ разгулъ подъ новый годъ по своей слабости и легкомыслію и таковымъ особенно необходимо протянуть руку помощи. Противопоставивъ грязнымъ и шумнымъ всплескамъ житейскаго безобразія подъ новый годъ торжественные призывы церковныхъ колоколовъ, можно быть увѣреннымъ, что ихъ могучіе звуки побѣдно отзовутся во многихъ сердцахъ, остановятъ, оградятъ и укажутъ многимъ настоящій путь, какъ должно встрѣчать новый годъ.

чпла начало и прочную организацію, такъ называемая, „внѣбогослужебная“ проповѣдь. Общество имѣло въ виду расширить районъ проповѣднической дѣятельности столичнаго духовенства, чтобы удовлетворить духовнымъ запросамъ рабочаго и фабричнаго люда, лишеннаго какихъ бы то ни было просвѣдительныхъ средствъ. Съ 1887 г. на помощь обществу выступили студенты С.-Петербургской духовной академіи. Подводя теперь итоги дѣсятилѣтней дѣятельности студентовъ-проповѣдниковъ, газета замѣчаетъ: „Почти во всѣхъ мѣстахъ число слушателей колеблется между 200 и 300, въ нѣкоторыхъ же доходитъ до 700 (на Спасопетровской мануфактурѣ), и только въ 1895—96 проповѣдническомъ году на чугунно-литейномъ заводѣ (за Невской заставой) среднее число посѣтителей бесѣдъ не превышало 100 чел. Отношеніе слушателей къ бесѣдамъ вездѣ, даже въ ночлежныхъ домахъ, было самое сердечное и внимательное, такъ что братское слово проповѣдника находило себѣ благодарную почву. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, подъ вліяніемъ бесѣдъ, фабричныя составили общества трезвости (напримѣръ, на фабрикахъ Штиглица, бр. Варгунныхъ), бросали кабаки и брались за книги, для чего потребовалось учрежденіе библиотечекъ; далѣе, сдѣлались сдержанѣе, мягче во взаимныхъ отношеніяхъ и нерѣдко въ „черный день выкупали изъ бѣды своего брата“. Въ виду этого участіе студентовъ въ просвѣщеніи простаго народа должно быть поставлено имъ въ большую заслугу.

— Православному духовенству, призываемому нынѣ, въ виду условій современной жизни, къ усиленному религіозно-просвѣдительному труду, между прочимъ, предстоитъ особенно потрудиться для возможнаго улучшенія народной нравственности въ связи съ приводимой питейной реформой. Въ нарочитомъ воззваніи, съ которымъ обратился на дняхъ высокопреосвященный архіепископъ литовскій къ мѣстному духовенству, по поводу питейной реформы въ западномъ краѣ, архипастыръ говоритъ: „теперь притоны пьянства закрываются; всюду устраиваются попечительства о народной трезвости. Да не будетъ-же равнодушно къ этой великой внутренней реформѣ духовенство, поставленное на стражѣ духовныхъ интересовъ народа! Пойдемъ, возлюбленные сопастыри, навстрѣчу начинаніямъ правительства и съ своей стороны употребимъ всѣ усилія, чтобы не заглохло доброе дѣло. И прежде всего вспомнимъ заповѣдь св. апостола: «образъ буди вѣрнымъ словомъ, житіемъ, любовію, духомъ, вѣрою, чистотою» (1 Тим. IV, 12). Учреждаются попечительства о народной трезвости; но они нуждаются въ дѣя-

тельныхъ и живыхъ членахъ, близко стоящихъ къ народу и могущихъ быть проводниками въ среду народную добрыхъ начинаній. Но кто же ближе къ народу, кому дороже его благо, какъ не отцу доховному, задача всей жизни котораго вести дѣтей своихъ по пути правому! Поэтому, желаніе сердца моего и, думаю, всѣхъ сочувствующихъ благу народа, чтобы духовенство приняло непосредственное участіе въ дѣятельности попечительствъ о народной трезвости, въ званіи членовъ попечительствъ“. Въ настоящее время на попечительства о народной трезвости правительствомъ возлагаются большія надежды. Да и на самомъ дѣлѣ они принесутъ народу большую помощь, но только въ случаѣ хорошей ихъ постановки. О правильной организаціи ихъ и должны позаботиться всѣ, кому дорого благосостояніе нашего народа. Но кому же оно всего дороже, какъ не пастырямъ церкви? Они ближе всего стоятъ къ народу во всѣхъ отношеніяхъ. Посему галось Литовскаго архипастыря долженъ коснуться сердца каждаго пастыря и возбудить его къ полезной дѣятельности на благо народа. «Корм.»

— «Куб. Обл. Вѣд.» сообщаютъ о такомъ случаѣ. Епархіальный миссіонеръ о. Никольскій, прибывъ въ Екатеринодаръ, посѣтилъ, между прочимъ, тюрьму. Всѣ заключенные хорошо знаютъ о миссіонера, такъ какъ онъ тамъ раньше нѣсколько разъ служилъ и совершилъ крещеніе магометанина и другихъ, а также бесѣдовалъ въ каждой камерѣ. Узнавъ о пріѣздѣ въ тюрьму о. миссіонера, толпа узниковъ пожелала съ нимъ бесѣдовать наединѣ; никому въ этомъ не было отказано, и тутъ-то произошло событіе, еще никогда не бывавшее въ Екатеринодарской тюрьмѣ: многіе преступники послѣ бесѣды съ о. миссіонеромъ покаялись въ совершенныхъ ими преступленіяхъ и пожелали все открыть властямъ. Тотчасъ же была приглашена прокурорская власть, которой нѣсколько заключенныхъ по подозрѣнію въ совершенныхъ ими убійствахъ сознались не только въ этихъ преступленіяхъ, но и въ другихъ, въ которыхъ ихъ и не подозрѣвали.

— По газетнымъ извѣстіямъ, недавно министерствомъ народнаго просвѣщенія издано циркулярное разъясненіе, касающееся вопроса о томъ, какимъ порядкомъ можетъ совершаться передача начальныхъ народныхъ училищъ изъ одного вѣдомства въ другое. „Изъ донесеній учебно-окружныхъ начальствъ г. министръ народнаго просвѣщенія усмотрѣлъ,—говорится въ этомъ циркулярѣ,—что дѣла о передачѣ начальныхъ народныхъ училищъ, состоящихъ въ вѣдѣніи училищныхъ совѣтовъ, въ другія вѣдом-

ства нерѣдко направляются порядкомъ, не имѣющимъ основанія въ законѣ, а именно: состоявшіяся въ этомъ смыслѣ постановленія земскихъ и общественныхъ собраній вслѣдъ за симъ обращаются къ исполненію, помимо какого-либо участія подлежащаго учебнаго начальства. Для правильнаго разрѣшенія вопроса о томъ, въ какомъ порядкѣ должна происходить передача училищъ, подчиненныхъ училищнымъ совѣтамъ, въ иныя вѣдомства, необходимо принять во вниманіе, что передача училищъ изъ одного вѣдомства въ другое есть не что иное какъ закрытіе училища въ одномъ вѣдомствѣ и открытіе его въ другомъ. Какъ открытіе, такъ и закрытіе училищъ принадлежатъ по существу своему къ дѣламъ учебнаго управленія, подлежащимъ разрѣшенію органовъ сего управленія. Посему постановленія земствъ, обществъ и сословіи какъ объ открытіи, такъ и о закрытіи училищъ пріемлютъ силу не съ момента ихъ воспослѣдованія, а съ того времени, когда они обращены къ исполненію соответствующимъ распоряженіемъ учебной власти. По ст. 3478 т. XI ч. 1 Св. Зак., начальныя народныя училища, открываемыя на основаніи Положенія 25 мая 1874 г., учреждаются земствомъ, городскими и сельскими обществами и частными лицами съ предварительнаго разрѣшенія инспектора народныхъ училищъ и съ согласія предсѣдателя уѣзднаго училищнаго совѣта, о чемъ и доводится до свѣдѣнія сего совѣта. Открытія такимъ образомъ училища, согласно ст. 3479 того же тома и части, могутъ быть окончательно упразднены, даже въ случаѣ обнаруженія безпорядка и вреднаго направленія ученія, не иначе, какъ по рѣшенію уѣзднаго училищнаго совѣта. Отсюда очевидно, что и постановленія о передачѣ училищъ, состоящихъ въ вѣдѣніи училищныхъ совѣтовъ, въ иныя вѣдомства могутъ подлежать исполненію не прежде, какъ по разсмотрѣніи таковыхъ постановленій мѣстнымъ уѣзднымъ училищнымъ совѣтомъ и по воспослѣдованіи соответственнаго опредѣленія такового совѣта

«Тамб. Еп. Вѣд.»

— Распространеніе свѣдѣній о нашей церковной старинѣ посредствомъ открытымъ и вновь открываемыхъ древлехранилищъ понемногу упрочивается, а число этихъ древле-хранилищъ увеличивается. Въ прошломъ году, по мысли покойнаго вологодскаго археолога Н. И. Суворова, открыто вологодское епархіальное древлехранилище и при немъ „Постоянная церковно-археологическая коммиссія любителей исторіи и древностей“. Въ текущемъ году открыто могилевское епархіальное церковное древлехранилище, въ

которое, по послѣднимъ сообщеніямъ «Мог. Еп. Вѣд.», поступило уже болѣе 500 предметовъ и до 5,000 историческихъ документовъ. Всѣ такого рода учрежденія, какъ показываетъ опытъ, могутъ получить весьма существенное содѣйствіе отъ духовенства, и отчасти—отъ воспитанниковъ духовныхъ семинарій. Въ виду послѣдняго обстоятельства вологодская церковно-археологическая коммиссія, какъ видно изъ ея отчета, признавая пользу сотрудничества воспитанниковъ семинарій, особенно старшихъ классовъ, въ собраніи народныхъ преданій и въ доставленіи свѣдѣній о предметахъ старины, положила ходатайствовать предъ епархіальною властью о разрѣшеніи ученикамъ семинаріи доставлять въ коммиссію записи народныхъ преданій, повѣрій и другіе историко-этнографическіе матеріалы, а равно предметы старины, если представится къ тому случай.

— Въ Воронежѣ, въ мѣстномъ губернскомъ музеѣ, 23-го ноября какъ сообщаетъ «Прав. Вѣст.», была открыта, выставка памятниковъ, относящихся къ жизнеописанію св. Митрофана. Она заключаетъ: виды мѣстностей, связанныхъ съ именемъ св. Митрофана, печатной о немъ литературы и его изображеній; всего имѣется до 250 нумеровъ. Въ выставкѣ принимаютъ участіе: воронежскій Митрофановскій монастырь, мѣстная духовная семинарія и частные любители-коллекціонеры. Наибольшее число выставленныхъ предметовъ собрано председателемъ коммиссіи по устройству музея, священникомъ о. Звѣревымъ, въ мѣстахъ служенія св. Митрофана: Золотниковской пустыни и Козьмино-Яхромскомъ монастырѣ, Владимірской епархіи, Макарьевскомъ Унженскомъ монастырѣ, Костромской епархіи, а также въ Воронежѣ въ монастырскихъ архивахъ и въ другихъ мѣстахъ. Временно въ музеѣ находится весьма интересная рукопись Императорской академіи наукъ—„Записная книга св. Митрофана“, которая также выставлена. Обиліе картинъ и портретовъ оживляетъ письменные памятники и наглядно воспроизводитъ предъ посѣтителями выставки ранніе годы жизни и дѣятельности святителя (періодъ до-воронежскій), епископское его служеніе и участіе его въ дѣлахъ гражданскихъ (дружба съ Царемъ Петромъ I, взятіе Азова, устройство флота). Особенно полно представлена эпоха открытія мощей св. Митрофана и вообще его прославленіе. Относящійся сюда матеріалъ занимаетъ довольно большой залъ музея. Въ день открытія выставки музей посѣтили около 1.000 человекъ.

— 24 ноября с. г. духовенство 1-го округа Старобѣльскаго уѣзда, съ разрѣшенія Его Высокопреосвященства, праздновало 50-лѣтній

юбилей постырскаго служенія своего духовника, заштатнаго протоіерея Старобѣльскаго собора, о. Іоанна Касьянова. Наканунѣ этого дня, къ 5 часамъ вечера, почти все окружное духовенство собралось въ соборъ для совершенія всеобщаго бдѣнія. Въ 6 ч. вечера торжественно совершено было всеобщее бдѣніе, на которомъ стройными и могучими голосами многочисленнаго лика священно-служителей (23 священ. и 4 діак.) пропѣто было величаніе св. великомученицѣ Еккатеринѣ. На слѣдующій день однимъ изъ старѣйшихъ протоіереевъ, о. Георгіемъ Поповымъ, въ сослуженіи съ о. юбиляромъ, 11 священниками и 3 діаконами, совершена была Божественная литургія. По окончаніи литургіи, все собравшееся духовенство вышло на средину храма; юбиляръ же остановился въ царскихъ вратахъ, время-отъ-времени поддерживаемый своими товарищами по семинаріи, не менѣе его глубокими старцами: мѣстнымъ благочиннымъ, прот. о. Н. Шокотовымъ, и священникомъ о. Е. Макухинымъ. Священникъ о. Гавріилъ Поповъ, отъ лица духовенства, прочелъ адресъ, который заканчивался слѣдующими обращенными къ о. юбиляру словами: „Ты—живой носитель и сердечной вѣры въ Бога, и надежды на Его благій промыслъ, и всеобъемлющей любви, завѣщанной намъ со Креста. Ты—поучительный для насъ примѣръ смиренномудрія, терпѣнія и мужества въ несчастіяхъ, успокоенія въ Богѣ. Чего же еще искать намъ въ тебѣ, честный отче?! Пусть, достопочтеннѣйшій о. юбиляръ, пастоящій день, закончившій полувѣковую твою дѣятельность на пользу церкви и отечества, будетъ для тебя лучшею на землѣ наградою за труды твои! А сей подносимый нами тебѣ св. образъ Царицы Небесной да послужитъ пагляднымъ и живымъ свидѣтельствомъ нашей сердечной любви, глубокой признательности тебѣ и знакомъ почивающаго на тебѣ благословенія Божія!“ По прочтеніи адреса, мѣстный благочинный поднесъ юбиляру приготовленный на средства духовенства образъ Покрова Божіей Матери. Приложившись къ нему съ глубокимъ благоговѣніемъ и слезами, о. юбиляръ, въ избыткѣ волновавшихъ его радостныхъ чувствъ, могъ произнести лишь нѣсколько теплыхъ, задушевныхъ словъ благодарности. Во время молебствія—юбиляра привѣтствовали своими прочувствованными рѣчами свящ. о. Шишовъ и свящ. о. Е. Аг—въ. По окончаніи молебствія, о. юбиляромъ предложень былъ духовенству скромный завтракъ въ назначенномъ помѣщеніи, гдѣ отъ гражданъ города ему поднесена была хлѣбъ-соль, при произнесеніи нѣсколькихъ сердечныхъ словъ.

Отъ редакціи „Листка для Харьковской Епархіи“.

Насъ просятъ обратиться въ духовенству Харьковской Епархіи по слѣдующему поводу: Можетъ быть, удастся чрезъ о.о. священниковъ и церковно-служителей водворить подъ кровъ родительскій глубоко несчастную глухо-пѣмую дѣвушку, очутившуюся среди чужихъ людей при нижеслѣдующихъ обстоятельствахъ.

1897 года въ сентябрѣ мѣсяцѣ, въ с. Садовки, Астраханской губерніи, Черноярскаго уѣзда, мѣстная полиція обратила вниманіе что какая то дѣвушка ходитъ по селу и плачетъ; оказалось, что она глухо-пѣмая и не можетъ объяснить, откуда она; вслѣдствіе чего ее и возили по всему Черноярскому уѣзду, изъ села въ село; но нигдѣ не оказалось ея дома.

Въ настоящее время эта несчастная находится того же уѣзда и той же губерніи въ селѣ Ремонтномъ у Михаила Степановича Люсины. Насколько можно догадываться при помощи пантомимъ и другихъ признаковъ (можетъ быть, и ошибочно), она изъ дому родителя поѣхала на поклоненіе святымъ Угодникамъ Божиимъ въ Кіевъ, по желѣзной дорогѣ (конечно, не одна, а съ подругами); и на обратномъ пути почему-то отстала отъ своихъ подругъ и ее по желѣзной дорогѣ ошибочно завезли въ противоположную сторону.

На основаніи нѣкоторыхъ признаковъ, можно сдѣлать заключеніе, что она изъ Малороссіи, отецъ ея вдовъ, имѣетъ трехъ сыновей—старшаго, живущаго въ отдѣлѣ, и двухъ младшихъ, изъ которыхъ самый младшій, оставшійся послѣ смерти матери маленькимъ, сейчасъ ходитъ въ школу. Отецъ имѣетъ домъ на двѣ половины, т. е. по срединѣ дома устроены сѣни, и домъ отапливается двумя печами, въ двѣ трубы. Отецъ обладаетъ достатками и имѣетъ 4 лошади, 5 коровъ, 10 овецъ и пр. Около села есть лѣсъ или садъ. Въ селѣ есть церковь съ колокольней.

На основаніи всего вышеизложеннаго М. С. Люсинъ всепокорнѣйше проситъ cadaго приходскаго священника или церковно-служителя, по прочтеніи сего заявленія, спросить въ своемъ приходѣ, не найдется ли родителя этой несчастной дочери. Если распросъ окажется счастливымъ, то г. Люсинъ, по полученіи увѣдомленія объ этомъ, для большаго выясненія дѣла, вышлетъ фотографическую варточку этой дѣвушки. Самую же ее тогда полиція отправить на казенный счетъ къ отцу. Его адресъ: Почт.-Тел. Отдѣл. Ремонтное, Астраханской губерніи, Черноярскаго уѣзда, Михаилу Степановичу Люсину.

НА ЖУРНАЛЬ

„ВОПРОСЫ ФИЛОСОФІИ И ПСИХОЛОГІИ“

Изданіе Московскаго Психологическаго Общества, состоящее при Императорскомъ Московскомъ университетѣ.

Журналъ издается на прежнихъ основаніяхъ подъ редакціей В. П. Преображенскаго, при непосредственномъ содѣйствіи Н. Я. Грота, Л. М. Лопатина и кн. С. Н. Трубецкаго и при ближайшемъ участіи В. А. Гольцева, В. Н. Ивановскаго, Н. А. Иванцова, С. С. Корсакова, Вл. С. Соловьева, А. А. Токарскаго, Н. А. Умова. Журналъ выходитъ пять разъ въ годъ (приблизительно въ концѣ января, марта, мая, сентября и ноября) книгами не менѣе 15 печатныхъ листовъ. *Условія подписки:* На годъ (съ 1-го января 1898 г. по 1-е января 1899 г.) безъ доставки—6 р., съ доставкой въ Москвѣ—6 р. 50 к., съ пересылкой въ другіе города—7 р., за границу—8 р. Учащіеся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, сельскіе учителя и сельскіе священники пользуются скидкой въ 2 руб. Подписка на льготныхъ условіяхъ и льготная выписка старыхъ годовъ журнала принимаются *только* въ конторѣ редакціи. *Подписка*, кромѣ книжныхъ магазиновъ „Новаго Времени“ (С.-Пб., Москва, Одесса и Харьковъ), Карбасникова (С.-Пб., Москва, Варшава), Вольфа (С.-Пб. и Москва), Оглоблина (Кіевъ), Башмакова (Казань) и другихъ, принимается въ конторѣ журнала: Москва, Большая Никитская, Брюссовскій пер., д. Вельтишевой, кв. 28 (въ помѣщеніи журнала „Русская Мысль“). Полные годовые экземпляры журнала за второй №№ 5—9, третій №№ 10—14, четвертый №№ 16—20, пятый №№ 21—25, шестой №№ 26—30, седьмой №№ 31—35 годы изданія продаются по 5 р. за каждый годъ съ пересылкой; экземпляры за 1897 г. №№ 36—40 продаются за 6 р. съ перес.; подписчики на *новый 1898 г.* получаютъ журналъ, при выпискѣ всѣхъ прежнихъ годовъ изданія сразу, по 4 рубля за каждый годовой экземпляръ № 15-й журнала оставшійся въ небольшомъ количествѣ экз., продаются отдѣльно за 2 руб. При выпискѣ всѣхъ означенныхъ книгъ наложеннымъ платежомъ взимается съ каждаго рубля по 2 коп.

Редакторъ В. П. Преображенскій.

Предсѣдатель Московскаго Психологическаго Общества Н. Я. Гротъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЬ

ВѢСТНИКЪ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ.

Журналъ, посвященный всѣмъ вопросамъ, относящимся до благотворительности и общественнаго призрѣнія. Органъ Вѣдомства дѣтскихъ пріютовъ. Журналъ издается Центральнымъ Управленіемъ дѣтскихъ пріютовъ Вѣдомства учреждений Императрицы Маріи подъ редакціей дѣйств. стат. сов. Евгенія Севастьяновича Шумигорскаго. Журналъ выходитъ ежемѣсячно, книжками объемомъ не менѣе трехъ печатныхъ листовъ.—Подписная цѣна за годовое изданіе, съ доставкой и пересылкою, три рубля.—Доходъ отъ изданія, за покрытіемъ всѣхъ расходовъ, обращается въ пользу дѣтскихъ пріютовъ Вѣдомства учреждений Императрицы Маріи.—Подписка принимается въ редакціи (С.-Петербургъ, Казанская ул., 7).—Статьи для напечатанія и всѣ запросы, касающіеся журнала, должны быть адресуемы исключительно въ редакцію.—Редакція для личныхъ объясненій открыта, исключая воскресные и праздничные дни, ежедневно отъ 2 до 3 час. пополудни.—Отдѣльные №№ продаются по 30 коп.—Лица, желающія получить „Вѣстникъ Благотворительности“ за 1897 г., могутъ присылать свои требованія въ редакцію съ приложеніемъ трехъ рублей. Число экземпляровъ за 1897 г., оставшееся въ редакціи, крайне ограничено.—Объявленія принимаются за строчку или занимаемое ею мѣсто, по 15 коп. *Программа.* I. Официальный отдѣлъ. Распоряженія Правительства. II. Специальный отдѣлъ, посвященный дѣятельности Вѣдомства дѣтскихъ пріютовъ и другихъ благотворительныхъ учреждений. III. Литературный отдѣлъ. Разработка всѣхъ вопросовъ благотворительности и общественнаго призрѣнія, очерки русскихъ и заграничныхъ учреждений, литература, журналистика и хроника русской и иностранной благотворительности. IV. Объявленія. Адресъ Редакціи: С.-Петербургъ, Казанская ул., 7. †

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1898 ГОДЪ.

ВОСЕМНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

„Южный Край“

ГАЗЕТА ОБЩЕСТВЕННАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО.

Программа газеты: I. Дѣйствія правительства. II. Руководящія статьи по вопросамъ внутренней и внѣшней политики и общественной жизни. III. Обзорѣніе газетъ и журналовъ. IV. Телеграммы спеціальныхъ корреспондентовъ „Южнаго Края“ и „Россійскаго Телеграфнаго Агентства“. V. Послѣднія извѣстія (сообщенія собственныхъ петербургскихъ корреспондентовъ и извѣстія другихъ газетъ). VI. Мѣстная хроника. VII. Наука и искусство. VIII. Театръ и музыка IX. „Свѣтъ и Тѣни“ (маленькій фельетонъ). X. Вѣсти съ юга: корреспонденціи „Южнаго Края“ и извѣстія другихъ газетъ. XI. Со всѣхъ концовъ Россіи: корреспонденціи „Южнаго Края“ и извѣстія другихъ газетъ. XII. Внѣшнія извѣстія: заграничная жизнь, послѣдняя почта. XIII. Фельетонъ: научный, беллетристическій, стихотворный и общественной жизни. XIV. Судебная хроника. XV. Критика и библиографія. XVI. Смѣсь. XVII. Биржевая хроника и торговый отдѣлъ. XVIII. Почтовый ящикъ. XIX. Календарь. XX. Справочныя свѣдѣнія: дѣла, назначенныя къ слушанію въ судебныхъ учрежденіяхъ, свѣдѣнія о торгахъ, аукціонахъ, конкурсахъ и проч. XXI. Стороннія сообщенія. XXII. Объявленія.

Редакція имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ во многихъ городахъ и торговыхъ пунктахъ Южной Россіи.

Газета ежедневно получаетъ извѣстія изъ Петербурга и Москвы отъ собственныхъ корреспондентовъ.

Въ „Южномъ Краѣ“ помѣщаются портреты Особъ Императорской Фамиліи историческихъ лицъ, выдающихся современныхъ дѣятелей и политичежи, имѣющія отношенія къ текущимъ событіямъ.

Подписная цѣна на 1898 г.:

съ пересылкою иногороднымъ:

На 12 м.	11 м.	10 м.	9 м.	8 м.	7 м.	6 м.	5 м.	4 м.	3 м.	2 м.	1 м.
Р. .	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.
11 —	10 50	10 —	9 20	8 50	7 80	7 —	6 —	5 —	4 —	3 —	1 50

Допускается разсрочка платежа за годовой экземпляръ по соглашенію съ редакціей.

Подписка и объявленія принимаются въ ХАРЬКОВѢ—въ главной конторѣ газеты „Южный Край“, на Сумской улицѣ, въ домѣ А. А. Іозефовича, № 13.

Съ конца текущаго 1897 года „Южный Край“ будетъ печататься въ УВЕЛИЧЕННОМЪ РАЗМѢРѢ НА НОВОЙ РОТАЦИОННОЙ МАШИНѢ, ЗАКАЗАННОЙ ВЪ ПАРИЖѢ, которая даетъ до 20,000 оттисковъ въ часъ.

Редакторъ-издатель А. А. Іозефовичъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

издается съ 1885 года

РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ

изданіе П. П. СОЙКИНА

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

А. И. ПОПОВИЦКАГО и при участіи

Отца Іоанна Кронштадтскаго.

„Русскій Паломникъ“ представляет собою единственный въ Россіи журналъ для семейнаго религіозно-нравственнаго чтенія, по богатству же, разнообразію и занимательности содержанія и художественности рисунковъ его можно смѣло сравнить съ лучшими отечественными изданіями. Подписчики въ теченіи 1898 года получаютъ: *52 иллюстрированныхъ №№* каждый номеръ въ размѣрѣ двухъ листовъ большаго формата (16 стр. убористой печати) съ 6—8 художественными рисунками, *12 ежемѣсячныхъ книжекъ* изящно отпечатанныхъ на плотной бумагѣ, объемомъ каждая 10—12 листовъ (160—200 страницъ). И кромѣ того на металлѣ *бесплатно* исполненная въ 12 красокъ размѣромъ 5×6 вершковъ въ рельефной золоченой ризѣ копія съ чудотворной *Иверской иконы Пресвятой Богородицы*. Въ 12 книжкахъ „Русскаго Паломника“ будетъ дано:

1) *На каждый день*. Сказанія изъ жизни святыхъ православной церкви восточныхъ и русскихъ, народныя обычаи, повѣрья, обряды, легенды и преданія, 1-е полугодіе, мѣсяцы январь—іюнь. И. Ф. Тюменева.

2) *Послѣдніе дни Иерусалима*. Историч. повѣсть. Д. Л. Мордовцева.

3) *Книга бытія моего*. Извлеченіе изъ воспоминаній о Востокахъ, епископа Порфирія Успенскаго.

4 и 5) *Афонскій подвижникъ*. Графини Багреевой-Сперанской.

6) *По слѣдамъ апостола Павла*. Жизнь и дѣятельность великаго апостола языковъ. А. Александрова.

7) *На каждый день*. 2-е полугодіе, мѣсяцы іюль—декабрь И. Ф. Тюменева.

8) *Пророкица Соломея*. Историческая повѣсть изъ быта поволжскихъ раскольниковъ. С. Воронина.

9) *Путешествіе антиохійскаго патріарха Макарія въ Москву въ XVII в.* Перев. съ арабскаго проф. Г. А. Муркоса.

10) *Защитники христіанства* (апологеты). Проф. И. В. Реверсова.

11) *Паденіе Константинополя*. Истор. очеркъ Ѳ. Е. Шеляговскаго.

12) *Святѣи Приднѣпровья*. Очерки и рассказы изъ путешествія по св. обителямъ Юга. С. Л. Астафьевъ.

Подписная цѣна на журналъ „Русскій Паломникъ“ безъ доставки въ Спб. *пять* руб. Съ доставкой и перес. во всѣ города Россійской имперіи *шесть* руб. За границу 8 руб. Допускается разсрочка: при подпискѣ 2 руб., въ 1-му апрѣля 1 руб., въ 1-му іюня 1 руб. и въ 1-му августа остальные. Подробное объявленіе и пробный № высылается за 7 коп. марку. Главная контора: С.-Петербургъ, Стремянная, № 12, собственный домъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1898 годъ на ДУХОВНЫЙ ЖУРНАЛЬ

„СТРАННИКЪ“

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

„ОБЩЕДОСТУПНОЙ БОГОСЛОВСКОЙ БИБЛИОТЕКИ“.

Духовный журналъ „Странникъ“ будетъ издаваться въ 1898 году по прежней широкой программѣ, обнимающей весь кругъ движеній богословско-философской мысли и церковно-общественной жизни, интересамъ которой онъ неослабно служилъ въ теченіе почти сорока лѣтъ. Но съ будущаго 1898 года редація приступаетъ кромѣ того къ новому крупному литературному предпріятію, именно къ изданію „Общедоступной Богословской Библиотеки“, имѣющей своею цѣлю сдѣлать болѣе доступнымъ для читателей лучшія и капитальнѣйшія произведенія русской и иностранной богословской литературы. Для перваго года изданія „Общедоступной Богословской Библиотеки“ мы остановились на изданіи Православнаго Собесѣдовательнаго Богословія пок. придворнаго протоіерея, бывшаго члена духовно-учебнаго комитета І. В. Толмачева. Это капитальное и единственное въ своемъ родѣ сочиненіе въ нашей духовной литературѣ составляетъ безусловно необходимымую книгу для всякаго пастыря, который по долгу служенія и совѣсти не хочетъ оставаться нѣмымъ при возрастающей жадѣ къ духовному назиданію въ его аствѣ. Собесѣдовательное Богословіе, заключающее въ себѣ планы и образцы для проповѣдей и собесѣдованій на круглый годъ и на всевозможные случаи пастырской пѣятельности, есть лучшій спутникъ и помощникъ для всякаго духовнаго пастыря. Все „Собесѣдовательное Богословіе“ состоитъ изъ 4 томовъ, цѣною по 2 руб. за каждый. Въ будущемъ году редація „Странника“ издастъ два тома, которые для подписчиковъ нашего журнала вмѣсто 4 рублей будутъ стоить только одинъ рубль съ пересылкой. Къ первому тому будетъ приложенъ портретъ автора. Журналъ по прежнему будетъ выходить ежемѣсячно книжками въ 10—12 и болѣе печ. листовъ (до 200 стр. въ книжкѣ): Цѣна въ Россіи: а) за журналъ „Странникъ“ шесть (6) рублей въ годъ, б) съ приложеніемъ „Общедоступной Богословской Библиотеки“ (двухъ томовъ „Собесѣдовательнаго Богословія“) семь (7) рублей съ пересылкой; за границей на два рубля дороже. Кромѣ того при редакціи по прежнему будутъ издаваться и „Памятники древне-русской церковно-учительской литературы“ (вып. V), причемъ подписчики журнала получаютъ каждый выпускъ за одинъ рубль, а не-подписчики—за два рубля. Адресоваться: Въ редакцію журнала „СТРАННИКЪ“ С.-Петербургъ, Невскій пр. д. № 173. Городскіе подписчики благоволятъ обращаться въ контору редакціи—Гельшнй пер. д. 3—5.

Редакторъ-издатель проф. А. Пономаревъ.

Еженедѣльный Иллюстрирован. Журналъ (изданіе безцензурное).

С.-П Е Т Е Р Б У Р Г Ъ.

Сущ. съ 1894 г.—Въ 1897 г. подписчиковъ было 8327. Основы журнала: отсутствіе лицемѣрія, независимость, человѣколюбіе и вѣра въ золотой вѣкъ. Содержаніе: „Современные Вопросы“. А. Молчанова.—„Политическая и Общественная жизнь“. Н. Сарычевой.—„Научныя Новости“. Н. Быстрова.—„Все и Вездѣ“. Э. Янсопа. (Профессоръ Я.)—„Докторскія Замѣтки и о Чумѣ“. Н. Петрашевскаго (Д-ръ П.)—„О Женскомъ Вопросѣ“. Е. Щегловой (Дама).—„Новости Исторіи“. В. Снегирева.—„Объ отравкахъ человѣчества“ (о пьянствѣ, куреніи и пр.) С. Кавелина.—„Наша окраины, путешествія, романы, повѣсти, рассказы, стихотворенія, практич. совѣты, о сельскомъ хозяйствѣ и пр., и пр. Рисунки цвѣтной краской“. Отзывъ „Новаго Времени“ (7043 и 7053). Номера журнала С.-Петербургъ обращаютъ на себя вниманіе какъ изяществомъ рисунковъ, такъ и матеріаломъ; онъ заслуживаетъ быть отмѣченнымъ въ качествѣ добропорядочнаго и вполне литературнаго изданія.

СПБ. Невскій пр., д. 60. 2 руб. въ годъ съ доставкой и пересылкой.

РАЗСРОЧКА для желающихъ: 1 руб. при подпискѣ и 1 руб. къ 1 апрѣля.

Редакторы-Издатели: Н. Сарычева и А. Молчановъ.

ОБЪЯВЛЕНИЕ О ПРОДОЛЖЕНІИ ИЗДАНІЯ ЖУРНАЛА

„ТРУДЫ КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ“**ВЪ 1898 ГОДУ.****(ГОДЪ ИЗДАНІЯ ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ).**

Журналъ „Труды Кіевской духовной Академіи“ будетъ издаваться и въ 1898 году по прежней программѣ. Въ немъ печатаются статьи по всѣмъ отраслямъ наукъ, преподаваемыхъ въ духовной академіи, по предметамъ общезанимательныя и по содержанію общедоступныя большинству читателей, а также переводы твореній бл. Іеронима и бл. Августина, которые въ отдѣльныхъ оттискахъ будутъ служить продолженіемъ изданія подъ общимъ названіемъ „Библиотека твореній св. отцевъ и учителей церкви Западныхъ“.

Указомъ св. Синода отъ 2/29 февраля 1884 г. подписка на „Труды и на Библиотеку твореній св. отцевъ и учителей церкви Западныхъ“ рекомендованы для духовныхъ семинарій, штатныхъ мужскихъ монастырей, кафедральныхъ соборовъ и болѣе достаточныхъ приходскихъ церквей.

Журналъ выходитъ *ежемесячно* книгами отъ 10—12 и болѣе печатныхъ листовъ. Цѣна за годовое изданіе 7 р., за границу 8 р. За прежніе годы „Труды“ продаются *по уменьшеннымъ цѣнамъ*, именно: за 1860—1878 г.г. по 5 р., за 1879—1883 г.г. по 6 р., за 1885—1897 г.г. по прежней цѣнѣ, т. е., по 7 р съ перес. Экземпляры „Трудовъ“ за 1867—68 и 1884 г.г. распроданы.

Кромѣ того въ конторѣ редакціи продаются между прочимъ слѣдующія книги: „Библиотека твореній св. отцевъ и учителей церкви Западныхъ“ а) св. Кипріана Карѣ. части 1 и 2, б) бл. Іеронима части 1—13 и в) бл. Августина части 1—8. Цѣна каждой части 2 р. съ перес., кромѣ 9-й части твор. бл. Іеронима, которая стоитъ 1 р. 50 к.

„Опытъ правосл. догматическаго Богословія“ еп. Сильвестра т. 1 (изд. 3-е) ц. 1 р. 70 к., т. 2 (изд. 3-е) ц. 3 р. 30 к., т. 3, 4 (изд. 2-е) и 5 (изд. 2-е) по 3 р. за каждый.

Съ требованіями относительно журнала и книгъ редакція проситъ обращаться *непосредственно* къ ней по слѣд. адресу: *Въ редакцію журнала „Труды Кіевской духовной Академіи“ въ г. Кіевъ.*

Редакторъ профессоръ В. Ѡ. Пѣвницкій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1898 ГОДЪ.**ГОДЪ ВТОРОЙ**

на литературный, научный и политическій журналъ

„ЖИЗНЬ“

Выходитъ въ С.-Петербургѣ книгами большого формата отъ 8—11 печатныхъ листовъ (128—176 стр. каждая) ТРИ РАЗА въ мѣсяцъ (1, 11 и 21).

Подписная цѣна на Жизнь: съ доставкой и пересылкой: на годъ 7 р., на полгода 4 р., на 3 мѣсяца 2 р. За границу: на годъ 10 р., на полгода 6 р., на 3 мѣсяца 3 р. Отдѣльный № безъ пересылки 40 к., съ пересылкой 50 к. Лица подписывающіяся на 1/2 и 1/4 года, продолжаютъ подписку безъ новышенія годовой цѣны. При обращеніи непосредственно въ контору Жизни (С.-Петербургъ, Ковенскій пер., д. № 30), допускается разсрочка: при подпискѣ вносится 3 р., въ 1 апрѣля 2 р., и въ 1 іюля остальные. Книжные магазины, принимающіе подписку на журналъ Жизнь, могутъ удерживать 35 к., съ каждаго годового экземпляра. Подписка въ разсрочку отъ книжныхъ магазиновъ не принимается.

Редакторъ-издатель Д. Остафьевъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на

„ХАРЬКОВСКІЯ ГУБЕРНСКІЯ ВѢДОМОСТИ“

газету политическую, общественную и литературную.

На 1898 годъ.

Въ будущемъ 1898 году „Харьк. Вѣд.“ будутъ выходить ежедневно, въ прежнемъ форматѣ, вмѣстѣ съ официальной частью. Постоянные рубрики неофициальной части остаются прежнія, а именно:

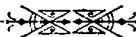
- 1) Передовыя статьи по вопросамъ внутренней и внѣшней политики;
- 2) Отдѣльныя статьи, посвященныя обсужденію мѣстныхъ и общихъ вопросовъ;
- 3) Мѣстныя извѣстія (городскія и изъ уѣздовъ);
- 4) Последнія извѣстія (мѣропріятія, слухи, прозеты и т. п.);
- 5) Телеграммы;
- 6) Обзоръ періодической печати (столичной и провинціальной);
- 7) Корреспонденціи;
- 8) Новости науки, литературы и искусства;
- 9) Театръ и музыка;
- 10) Внутреннія извѣстія;
- 11) Земская и городская хроника;
- 12) Внѣшнія извѣстія;
- 13) Судебный отдѣлъ;
- 14) Фельетонъ (беллетристика оригинальная и переводная, критика и разборъ журналовъ, научные очерки и т. п.);
- 15) Библиографическія замѣтки;
- 16) Смѣсь;
- 17) Справочный отдѣлъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

въ Харьковѣ, въ конторѣ „Харьк. Губ. Вѣд.“ Петровскій пер., д. Шахова.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	1 м.	2 м.	3 м.	4 м.	5 м.	6 м.	7 м.	8 м.	9 м.	10 м.	11 м.	12 м.
	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.
Съ пересылкою . . .	1 20	2 10	3 —	4 —	5 —	5 75	6 20	7 —	8 —	9 —	9 50	10 —
Съ доставкою . . .	1 —	2 —	2 50	3 50	4 —	5 —	5 50	6 50	7 —	8 —	8 50	9 25
Безъ достав. и пересылки.	— 80	1 50	2 25	3 —	3 75	4 50	5 25	6 —	6 50	7 50	8 —	8 25

Журналъ „ВѢРА и РАЗУМЪ“ издается съ 1884 года; за всѣ истекшіе годы въ журналѣ помѣщены были, между прочимъ, слѣдующія статьи:

Произведенія Высокопреосвященнаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: „Живое Слово“, „О причинахъ отчужденія отъ Церкви нашего образованнаго общества“, „О религіозномъ сектанствѣ въ нашемъ образованномъ обществѣ“; кромѣ того пастырскія воззванія и увѣщанія православнымъ христіанамъ Харьковской епархіи, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія другихъ писателей, какъ-то: „Какъ всего проще и удобнѣе научиться вѣровать“? Собесѣдованія прот. А. Хойнацкаго.—„Петербургскій періодъ проповѣднической дѣятельности Филарета, митроп. Московскаго“, „Московскій періодъ проповѣднической дѣятельности его же“. И. Корсунскаго.—„Религіозно-правственное развитіе Императора Александра I-го и идея священнаго союза“. Профес. В. Надлера.—„Архіепископъ Иннокентій Борисовъ“. Библиографическій очеркъ. Свящ. Т. Буткевича.—„Протестантская мысль о свободномъ и независимомъ пониманіи Слова Божія“. Т. Стоянова.—Многія статьи о Владиміра Гетте въ переводѣ съ французскаго языка на русскій, въ числѣ коихъ помѣщено „Изложеніе ученія католической православной Церкви, съ указаніемъ разностей, которыя усматриваются въ другихъ церквахъ христіанскихъ“.—„Графъ Левъ Николаевичъ Толстой“. Критическій разборъ проф. М. Остроумова.—„Образованные евреи въ своихъ отношеніяхъ къ христіанству“. Т. Стоянова.—„Церковно-религіозное состояніе Запада и вселенская Церковь“. Свящ. Т. Буткевича.—„Западная средневѣковая мистика и отношеніе ея къ католичеству“. Историческое изслѣдованіе А. Вертеловскаго.—„Язычество и іудейство ко времени земной жизни Господа нашего Иисуса Христа.“ Свящ. Т. Буткевича.—Статьи „о шундистахъ“. А. Шугаевскаго.—„Имѣютъ-ли каноническія или общеправовныя основанія притязанія мірянъ на управленіе церковными имуществами“? В. Ковалевскаго.—„Основныя задачи нашей народной школы“. К. Истомина.—„Принципы государственнаго и церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Современная апологія талмуда и талмудистовъ“. Т. Стоянова.—„О славянскомъ языкѣ въ церковномъ богослуженіи“. А. Струнникова.—„Теософическое общество и современная теософія“. Н. Глубоковскаго.—„Очеркъ современной умственной жизни“. А. Бѣляева.—„Очерки русской церковной и общественной жизни“. А. Рождествина.—„О церковныхъ плодоприношеніяхъ“. Н. Протопопова.—„Вторая книга „Исходъ“ въ переводѣ и съ объясненіями“. Проф. П. Горскаго—Платонова.—„Очеркъ православнаго церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Художественный натурализмъ въ области библейскихъ повѣствованій“. Т. Стоянова.—„О покоѣ воскреснаго дня“. Доцента А. Бѣляева.—„Мысли о воспитаніи въ духѣ православія и народности“. Шестакова.—„Нагорная проповѣдь“. Свящ. Т. Буткевича.—„О славянскомъ Богослуженіи на Западѣ“. К. Истомина.—„Ученіе Стефана Яворскаго и Теофана Прокоповича о свящ. Преданіи“ М. Савкевича —„О православной и протестантской проповѣднической импровизаціи“. К. Истомина.—„Отношеніе раскола къ государству“. С. Г. С.—„Ультрамонтанское движеніе въ XIX столѣтіи до Ватиканскаго собора (1869—70 г.г.) включительно“. Свящ. І. Арсеньева.—„Замѣтки о церковной жизни за-границей“. А. К.—„Сущность христіанской нравственности въ отличіи ея отъ моральной философіи графа Л. Н. Толстого“. Свящ. І. Филевскаго.—„Историческій очеркъ единовѣрія“. П. Смирнова.—„Ученіе Канта о Церкви“. А. Кириловича.—„Православенъ-ли intercom. union, предлагаемый намъ старокатоликами“. Прот. Е. К. Смирнова.—„Разборъ протестантскаго ученія о крещеніи дѣтей—съ догматической точки зрѣнія“. Прот. А. Мартынова и проч.

Въ философскомъ отдѣлѣ журнала помѣщены статьи профессоровъ Академіи и Университета: А. Введенскаго, А. Зеленогорскаго, В. Кудрявцева, П. Линицкаго, М. Остроумова, В. Снегирева, П. Соколова и другихъ. А также въ журналѣ помѣщаются были переводы философскихъ произведеній Сенеки, Лейбница, Канта, Каро, Жане и многихъ другихъ философовъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію „Вѣра и Разумъ“ свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на не полученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ нумера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою. Жалобу на не полученіе какой-либо книжки журнала просимъ заявлять редакціи не позже, какъ по истеченіи мѣсяца со времени выхода книжки въ свѣтъ.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 3-хъ часовъ пополудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи года, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особые заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 30 к., за два раза 40 к., за три раза 50 к.

Редакторъ, Ректоръ Семинаріи,
Протоіерей Іоаннъ Знаменскій.